eISSN 2592-916x
ISSN 2592-9232

Brīvās Universitātes Žurnāls
Журнал Свободного университета
Free University Moscow Journal
2022 #3 (2)

Социология войны

freemoscow.university • freemoscowuniversity.pubpub.org

ΠΑΛΛΑΔΙΟΝ • PALLADIUM • ПАЛЛАДИУМ
2022 #3 (2)

Социология войны

Brīvās Universitātes Žurnāls
Журнал Свободного университета
Free University Moscow Journal

Παλλάδιον / Палладиум / Palladium

Brīvās Universitātes Žurnāls /
Журнал Свободного университета /
Free University Moscow Journal

eISSN 2592-916x • ISSN 2592-9232 • DOI: 10.55167/82c438e14763

2022 #3 (2) «Социоология войны»
DOI: 10.55167/42701b8899af

Свободный Университет
freemoscow.university

Издательство Свободного Университета
freemoscowuniversity.pubpub.org

В издательстве Свободного университета вышли в свет:

• Елена Лукьянова «Конституционные риски 2»

• Елена Лукьянова, Илья Шаблинский
«Авторитаризм и демократия» (2-е изд.)

• Ольга Крокинская «Жизненный мир за закрытой дверью:
Университет на карантине и в дистанте»

• Елена Лукьянова, Евгений Порошин
(при участии Андроника Арутюнова,
Сергея Шпилькина и Екатерины Зворыкиной)
«Выборы строгого режима»

• первый выпуск журнала «Palladium»
«Город как текст» (под ред. Екатерины Марголис)

• второй выпуск журнала «Palladium»
«Современные угрозы свободе»

Содержание

4 Ольга Крокинская. О социологии войны

Россия, Украина: восприятие войны
Материалы социологического исследования

16 Елена Конева. Об этом исследовании. Как возникла и работает «военная социология»?
18 Елена Конева. Россия: восприятие войны
25 Елена Конева. Что можно измерить в условиях военной цензуры
32 Елена Конева. О чем не расскажут рейтинги
38 Елена Конева. Анатомия поддержки
48 Владимир Звоновский. Кооперация респондентов в опросах на тему военных операций
59 Елена Конева, Александр Чилингарян. Зеркало «военной операции»
77 Владимир Звоновский. Влияние социального окружения на отношение россиян к военным действиям в Украине
89 Елена Конева, Александр Чилингарян. Промежуточные итоги. Новая реальность

Россия: эмиграция—2022

98 Любовь Борусяк. Новая волна высокообразованной эмиграции: почему они уезжают из России?
116 Любовь Борусяк. «Несогласные» остающиеся в России: почему они не уезжают и думают ли об отъезде?

Наша публицистика

140 Ольга Крокинская. За 20 лет до… Некоторые социологические данные о предпосылках поддержки «спецоперации» ее сторонниками
169 Михаил Виноградов. Затянувшийся пост-февраль: модели поведения апологетов власти и ее критиков
174 Данута Дембовская. Социология войны в Латвии: русскоязычное меньшинство — пропутинское или прозападное?

Университетская жизнь

182 Елена Лукьянова. Хроники Свободного университета. Часть вторая

О социологии войны

Ольга Крокинская

Социология войны — это почти то же самое, что социология мира, мира всего человеческого существования, только вывернутого наизнанку, мира в измененном состоянии сознания, обезумевшего мира. Это социология всего, что происходит на войне, и всего, что представляет собой война в социальном и человеческом измерении.

Мне могут возразить: многие тысячи лет люди воевали, война была обычным делом и погибать на войне сотнями тысяч и миллионами человек тоже было обычным делом. Что же сейчас мы так потрясены и растеряны? И это социологический вопрос. Впрочем, потрясены и растеряны не все — и это тоже социологический вопрос.

Словари определяют войну как форму организованной вооруженной борьбы между государствами, нациями и народами. Целью войн, как правило, является достижение политических целей, и делается это с помощью навязывания противнику своей воли. Если речь идет о гражданской войне, противниками становятся социальные группы внутри государства. Мы видим, что социальный аспект появляется уже в самом определении того, что такое война, и в ответ на необходимость ее социального осмысления формируется специальная научная дисциплина — военная социология. Она строится вокруг изучения вопросов функционирования и развития военной сферы общества[1]. Однако состояния войны, в которые вступают страны и государства, подчиняют себе все их существование, ставят проблему военной реальности всего общества, и тогда возникает запрос к социологии изучать не только военную структуру внутри обществ и государств, но и войну как состояние всего социума — как не-мирную, парадоксальную, патологическую социальную реальность, которую нужно детально описывать, анализировать и объяснять.

Сегодня эта патология заключается в том, что после почти 80 лет мирного сосуществования государств с разным социально-политическим строем, общества которых уже привыкли к мысли, что война не должна быть способом решения политических проблем, в самом центре Европы снова большая война.

Официальная позиция предписывает называть войну специальной военной операцией. Но, с тех пор как ей оказано такое беспримерное сопротивление, когда возникла противостоящая сила, это не может быть «операцией», потому что, согласно словарным определениям, текущие события

1. Военная социология: история, теория и практика исследования: коллективная монография / Под общ. ред. проф. В. Ф. Бондаренко. М.: ВУ, 2018. 590 с.

очевидно являются именно борьбой государств за свои политические цели. Далее в этом выпуске журнала мы будем использовать оба эти концепта.

Нельзя сказать, что российское общество единодушно в отношении к специальной военной операции (СВО), но все же едва ли не бо́льшая часть населения страны, кажется, вполне спокойна и не видит ничего страшного в том, что их страна воюет («это же с врагами — это так естественно»), что врагом оказалась бывшая братская страна («там засели нацисты, не дают жить русским людям, мы должны их защитить»), что в обеих странах гибнут люди («жалко, конечно, а что вы хотите — на войне как на войне»), что тысячи граждан страны бегут из России, отказываясь считать себя ее частью («так это предатели Родины, не патриоты, пусть не возвращаются, мы их не любим»).

Уже на этом уровне общественного состояния мы видим ситуацию социального раскола, находимся в тихой гражданской войне, но только потому тихой, что идет она чаще за закрытыми дверями квартир и офисов, когда, желая сохранить отношения, люди договариваются не касаться соответствующих вопросов. Но отношения все равно идут трещинами, нарастает вал свидетельств о семейных драмах, разрушенных дружбах, горьком понимании отчуждения с только что близкими и родными людьми. Это еще один слой драмы, превращающей социальную ткань в дырявое полотно. Сама социальность исчезает в этих множественных разрывах.

Но и это еще не вся картина социальной деформации, логика которой — дальнейший распад устоев и регулятивных средств общества, скрепляющих социум, правил, норм, морали, более или менее общепринятых ценностей и в целом репрезентации реальности в сознании общества.

Вот как пишет об этом некий наблюдательный блогер фейсбука: «У меня впечатление, что общество в России стало ускоренно деградировать. Вчера зашел в ЦПКО, там проходит фестиваль тюльпанов. Вокруг клумб с тюльпанами газоны, повсюду таблички „По газонам не ходить!“ — но все вытоптано, люди пасутся прямо на них. В небольшом зоопарке таблички „Зверей не кормить!“ — ноль внимания. Продавщицы в магазине за кассой переругиваются матом. Люди стали злыми и несдержанными. Хамства на дорогах явно стало больше, хотя людей на переходах еще пропускают. Вчера три раза видел, как большие автобусы поворачивали налево из не крайнего, второго ряда. Раньше за автобусами я этого не замечал, они государственные, соблюдали правила. Поливочная машина так вообще развернулась из не крайнего ряда, чуть не спровоцировав аварию. Что-то в обществе происходит нехорошее…»

Еще недавно этого, действительно, не было или было значительно меньше. И это не пустяки, так начинается *повреждение нормальности* — отказ от исполнения правил, считавшихся само собой разумеющимися, разрушается уверенность в правильности мира и доверии к нему. Базовая

«онтологическая безопасность» (Энтони Гидлденс)[2], сформированная предыдущим социальным порядком, перестает быть опорой существования. Такое состояние общества французский социолог Эмиль Дюркгейм называл *аномией* — деструкцией норм (от франц. *anomie* — беззаконие). Он видел в нем причину суицидов. По его мысли, самоубийство — противоположный полюс социальной солидарности, признак нарушения «закона гравитации» и «плотности социального мира»[3]. Позже аномией стали называть глубокие социальные кризисы во времена структурных перестроек социальных систем.

Повреждение, деформация нормальности дополнительно разъединяет людей, и вот уже размывается само состояние общности, рвутся связи между людьми[4] и социуму грозит настоящая атомизация — распад на мелкие, ничем не связанные между собой частицы, асоциальные, почти сугубо психофизиологические единичности, не способные к солидарности в интересах общих целей, зато способные образовывать легко управляемые толпы. Эта, еще не «атомная», но уже «атомизированная» бомба может угрожать миру[5].

Я не беру здесь политическую строну дела, это иной ракурс рассмотрения проблемы, также представленный в журнале (см. статью М. Виноградова), пока же я строю социальную и социологическую оптику.

Мы видим, как социологи и социально мыслящие художники раньше других видят в войне опасность не только политических, но и социальных катастроф. Они предупреждают о них страну, которая ничтоже сумняшеся явилась инициатором и актором агрессии и которая не понимает разрушительных социальных последствий для нее самой.

Трещины, побежавшие по всему социальному пространству, грозят привести общество к хаосу и коллапсу, которое также издавна в терминах Томаса Гоббса называется в социологии «войной всех против всех». Одна из стратегий этой войны — агрессия на область мышления, и она как составная часть социального мира сегодня тоже, как никогда, напряжена, борьба здесь идет на поле понимания, как устроен мир вообще. В нем для одной части общества, в одной реальности идет война, развязанная твоей страной, и гибнут ни в чем не повинные люди, а в другой — доблестная

2. Гидденс Э. Устроение общества: Очерк теории структурации. М.: Академический проект, 2003. С. 135.

3. Коллинз Р. Четыре социологических традиции. М.: Территория будущего. С. 135.

4. Лошак А. Разрыв связей. Документальный фильм. URL: https://www.youtube.com/watch?v=5qmQs2LbnaE.

5. Юдин Г. Атомизированная бомба. Социальная разобщенность российского общества страшнее ядерной войны: Интервью С. Мостовщикову // Новая газета. № 27. 16.03.2022. URL: https://novayagazeta.ru/articles/2022/03/14/atomizirovannaia-bomba.

армия твоей страны освобождает людей от нацистского гнета. Ментальный образ мира — это та реальность, которую человек понимает, и только в такой, понимаемой реальности он может адекватно существовать, а если этих реальностей две — значит, люди живут в разных мирах, хотя ходят по одной и той же земле. Иными словами, сама картина мира, то есть понимание, как устроена окружающая реальность, также претерпевает сильные искажения, формируя патологическое, иррациональное мышление и искаженное общественное сознание.

Сегодня сознание общества наполнено аффектами разной направленности — оптимизма и пессимизма, психологической мобилизации и депрессии, ожиданий лучшего и худшего, то есть «адской смести оптимизма и страха» (Д. Гранин), а главное — огромного невежества, незнания, непонимания и равнодушия, в которых тонут островки здравого смысла, но кристаллизуются две реальности и две картины мира, враждующие между собой. И это еще одна причина говорить о катастрофе, в данном случае — ментальной.

Все это, конечно, изучается. Очень по-разному, в разных подходах, разными исследовательскими средствами, результаты применения которых не просто соотнести между собой. В частности, потому, что объект исследований нестабилен. Он не просто «движется» куда-то и непрерывно изменяется под влиянием множества факторов — политических, экономических, эмоциональных, культурных, — он изменяется непредсказуемо. По поводу подобных ситуаций я не устаю цитировать вот это место из Зигмунта Баумана: «Для тех, кто придает универсальное значение нравам и обычаям прошлого, действительность рисуется как кошмар… [в котором] реальность исчезает, мы постоянно ошибаемся, Бог выглядит обманщиком, и всё лишено какой бы то ни было истины и определенности <…>. Все вещи — и прежде всего наиболее важные — выходят из-под контроля»[6].

Изучать состояния, в которых «Бог выглядит обманщиком» и «все лишено какой бы то ни было истины и определенности», невероятно сложно, но необходимо, потому что именно в движении, которое по отношению к стабильности выглядит как аномалия и является аномалией по отношению к мирному времени вообще, могут быть выявлены многие скрытые от осознания глубинные свойства того, что мы считаем нашей культурой, нашим обществом и нашим человеком. А значит, и понять, как из этой аномалии выходить. Контрпропаганда? Психотерапия? Педагогика? Пока нет ответа.

Наблюдаемые социальные деформации сегодня редко связывают с войной, но основания предполагать эту связь у нас есть. Вот почему третий номер журнала «Палладиум» Свободного университета посвящен исследованию этой связи и выносит на обсуждение сам концепт «*Социология*

6. Бауман З. Индивидуализированное общество. М.: Логос, 2005. С. 23–25.

войны. Война как социальная и ментальная катастрофа». Представленные в журнале проекты осуществлены не только автономно друг от друга, но и проведены с существенно разных позиций, нежели большинство других, в том числе тех, которые проводят крупные социологические компании — ВЦИОМ, ФОМ и Левада-центр. Программы публикуемых нами проектов предусматривают охват большего числа социальных переменных и измеряемых обстоятельств, что приближает их к реальности, и — что беспрецедентно важно — ряд из них содержит два блока методически идентичных материалов, освещающих ситуацию войны одновременно с российской и украинской стороны. Эта двойная герменевтика чрезвычайно важна для адекватного взгляда на проблему как в смысле более объемного, многомерного видения ситуации, так и с точки зрения поддержания научной и человеческой коммуникации, к которой ученые разных стран, безусловно, стремятся. Представляется, что эти проекты можно назвать отдельным течением в общем русле социологических исследований войны.

Мы не скрываем, что в журнале представлены еще не окончательные, промежуточные, результаты исследований, иногда прямо с рабочего стола социологов, «сырые», но необходимые для немедленной общественной рефлексии, которая может повлиять на прекращение военных действий.

В связи с этим снова и снова встает вопрос, насколько можно доверять социологическим исследованиям общества, находящегося в беспрецедентном аномическом состоянии, которое к тому же усугубляется подавлением свободы слова. Даже лучшие представители нашей профессии (во всяком случае, некоторые из них) полагают, что в таком состоянии опросы общественного мнения следует запретить. Представляется, что это неверная мысль, не только потому что такой шаг потребовал бы политического решения и абсолютной профессиональной солидарности социологов, а ни то ни другое невозможно, но и потому, что тогда поле исследований оказалось бы предоставлено лишь так называемой «закрытой социологии», а противопоставить ей было бы нечего.

Мы не должны останавливаться в познании реальности. Даже такая сложная, она должна быть исследована средствами науки. Сакраментальные «опросы» — один из главных инструментов социологии, и отказываться от него значило бы закрыть саму эту область знания. Но мы должны и можем предоставить общественному мнению возможность судить о методологических основаниях полученных данных. Наши авторы сами уделяют внимание вопросам метода, и журнал размещает для этого несколько специальных материалов.

Сегодня делать это стало обязательным. Потому что социология оказалась нужна совсем не только социологам. Более того, по социальным сетям можно заметить, что в обсуждении текущих событий в них растет некоторое обобщающее понимание происходящего. Все меньше бытового нарратива и различий в трактовках, все больше общих оценок и примене-

ния относительно строгих понятий. Идет, а может быть, уже и завершается, складывание общей картины реальности. Это важно. И особенно важно осознание того, что это не (не только) спецоперация верховной власти, это реакция на нее народа — в той мере, в которой народ и власть «воспитывают» друг друга и наполняют друг друга энергией. Люди называют это коллективной ответственностью, социология — «спарринг-конструированием», психология — созависимостью, заражением, политики считают делом техники. Единой объяснительной силой не обладают ни те ни другие и никакие отдельные концепции.

Отложу в сторону вопрос о коллективной вине и коллективной ответственности русских в трагедии Украины, этому посвящены несколько материалов журнала. Скажу только, что согласна с теми, кто разграничивает эти понятия и полагает, что вина может быть только индивидуальной, и каждый виновный в преступлении должен быть наказан, но ответственность, может, и является в нашей ситуации коллективной — в силу сопричастности той культуре, которая воспитала агрессивность и милитаризм, всплывшие на поверхность массового сознания страны. Даже крупные культурные деятели называют специальную военную операцию естественным и даже воодушевляющим состоянием общества, способствующим его самоутверждению[7]. Что же это за культура такая, которая с воодушевлением смотрит на ужасы, порожденные спецоперацией войны?

Нужна обобщающая научная картина, потребность в ней огромна, и возможно, именно социология сможет интегрировать необходимое множество разных подходов, потому что объяснить и понять нужно именно общество, и именно общество военной реальности с его культурой как его особое состояние.

Едва ли не главным выглядит в этом отношении вопрос о поддержке и неподдержке специальной военной операции в стране, начавшей военный конфликт. Заглавные материалы номера, принадлежащие коллективу ExtremeScan (Е. Конева, А. Чилингарян) и профессору В. Звоновскому, ищут ответ именно на этот вопрос. О них немного подробнее и в более личной оценке, потому что среди авторов и издателей журнала я прочитала этот материал первой[8].

7. Пиотровский М. Б. Почему необходимо быть со своей страной, когда она совершает исторический поворот и выбор: Интервью «Российской газете» 22.06.22. URL: https://rg.ru/2022/06/22/kartina-mira.html.

8. В письме вдохновительнице и организатору проекта ExtremeScan Елене Коневой я тогда благодарила коллег за научно спокойную, но все же страстную работу во имя какого-то будущего добра. В этом смысле субъективную, но интеллектуально и методически честную, предполагающую высказывания из позиции публичной социологии. Публичная социология (Чарльз Райт Миллс, Майкл Буравой) — это социология для публики: непрофессионального, неакадемического сообщества, для широкой общественности. Она производит рефлексивное знание, осмысляя действительность ради общественного блага. И в том письме,

Зачем нам исследовать мотивы поддержки/неподдержки войны? Почему социологи бросились делать это еще до того, как поняли ситуацию в целом (а она продолжает изменяться, вовлекая весь мир, чего, конечно же, не было вначале). Прежде всего потому, что большая часть российского общества испытала шок. Вроде того давнего от Юрия Карякина: «Россия, одумайся, ты одурела!»[9] Первые же замеры показали, что специальная военная операция вошла в массовое сознание, как нож в масло[10]. Казалось, это невозможно, а оказалось, что мы опять не знаем своей страны и ее людей. Хотелось предъявить власти протест народа и, может быть, заставить ее отказаться от своего решения под давлением общества. А получилось, что, наоборот, от своих взглядов под этим самым давлением впору отказаться тем, кто не принял этого шага властей.

Кроме мотивации шоком у социологов есть и законная исследовательская мотивация. Она заставляет смотреть на войну как объект исследования со всей строгостью научного взгляда, то есть искать точные, достоверные, методологически обоснованные данные полного спектра суждений и оценок. Фактически это поиск в направлении социальной, культурной, исторической, политической и моральной российской идентичности, которая соткалась перед нашим взором, казалось бы, почти из ничего и охватила от половины до двух третей трети населения. Случилось это отнюдь не на пустом месте, место было подогрето несколькими предыдущими годами упорной работы политических технологий (см. материал О. Крокинской в этом номере журнала).

Я нахожу этот проект выдающимся по замыслу и осуществлению. Он принес непростые и часто неутешительные результаты, но они крайне необходимы для понимания исторической трагедии, в которую мы все погружены.

Отдаю дань глубочайшего уважения огромной духовной силе научного коллектива, объединившего российских и украинских социологов. Потрясает вскрывшееся состояние умов наших сограждан. Эйфория воинственного настроения, комплекс превосходства, подчеркнутая сило-

и здесь в журнале я выражаю глубочайшее уважение российским и украинским коллегам за их готовность быть верными науке и в эти страшные времена.

9. «Россия, одумайся, ты одурела!» — выступление Юрия Карякина в ночь подведения результатов голосования на выборах в Государственную Думу в 1993 году, где больше всего голосов неожиданно собрала партия Владимира Жириновского.

10. См. ВЦИОМ: Специальная военная операция: мониторинг. Широкий общенациональный консенсус по поводу необходимости специальной военной операции сохраняется. URL: https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/specialnaja-voennaja-operacija-monitoring-20223006; ФОМ: Украина. Опрос 20 марта 2022 г. Представления о целях России на Украине. URL: https://fom.ru/Politika/14706; Левада-Центр: Конфликт с Украиной. Большинство респондентов поддерживают действия российских вооруженных сил в Украине. URL: https://www.levada.ru/2022/03/31/konflikt-s-ukrainoj.

вая маскулинность, ощущение неизбежного победного марша. Чуть ли не буквально: здравствуй, специальная военная операция, мы так давно тебя ждали. Но за этими, заведомо победными, реляциями всплывают комплексы низкой социальной субъектности, неспособности решающим образом влиять на свою жизнь, и в этом смысле наступление на чужой суверенитет становится как бы их компенсацией.

По всеобщему признанию, это результат пропаганды, готовых ответов на незаданные вопросы, их безусловное принятие и нежелание слышать аргументы. Но выключить телевизор — мало. Когда, отвечая на предложение исследователей написать друг другу телеграммы, оба народа говорят: «Откройте глаза, начните думать!» — этого мало! В материалах проекта на стороне Украины — человеческая личность и субъектность, а на стороне России — фактически латентный комплекс социальной неполноценности. В этих условиях «думать» — означает «думать разное». Вот почему, как мне кажется, ответ не в «думании» — а в личности. Придется будить личность и субъектность.

Социологи знают, что личность рождается в практиках. Высокий статус личности — в практиках высокого статуса человека в государстве, в ином социальном и правовом устроении общества, которое у нас почти разрушено.

Может ли начальная эйфория такой мощи измениться с течением времени, в связи с состоянием военных действий и их результатами для стран-участниц? По опросам крупных поллстеров, все эти несколько месяцев она почти неизменна. И тут опять возникает вопрос о доверии социологическим данным. Хочется сказать: «этого не может быть», но на сей раз такое «не может быть» должно иметь под собой статистическую базу. По многолетнему опыту социологических исследований известно, что оценка любых событий в общественном мнении бесконечно колеблется. Эти колебания спрямляются каким-то определенным трендом, но они все равно должны быть. Если их нет, этот эффект надо как-то объяснять, и, скорее всего, он искусственный, причем со стороны самого общественного мнения. Мы знаем, что кроме принятия СВО, в нем так же статистически значимо присутствует и позиция ее непринятия, есть тысячи людей, которые уехали из страны из-за нежелания военную спецоперацию поддержать и опасаясь ее последствий, и так же тысячи других, которые остались, хотя тоже ее не поддерживают (см. статью Л. Борусяк в этом номере журнала). Мы знаем также, что после начала специальной операции в Украине россияне стали проводить больше времени на новостных интернет-ресурсах, дополняя ими телевизионные новости: в конце февраля аудитория новостей в интернете выросла вдвое по сравнению со значениями начала года. Затем последовал спад, но в апреле население России продолжало тратить

на новости в интернете больше времени, чем в начале года[11]; по данным информационного агентства ТАСС, число пользователей VPN-сервисами с начала 2022 года выросло в 53,5 раза[12]. И при этом цифры поддержки/неподдержки не изменяются? Явление, требующее углубленного изучения.

Все вместе это рождает многочисленные вопросы к самим социологическим исследованиям войны. На некоторые я не могу ответить даже сама себе. Исследовать социум в критических ситуациях и проводить опросы, безусловно, нужно. Именно в них можно увидеть то, что в других случаях скрыто. Но публиковать ли? Уж очень силен мотив присоединения к лидирующей группе. А лидерами тут выглядит группа, названная в проекте ExtremeScan «адвокатами войны», — они счастливы, уверены в себе, испытывают лучшие чувства. Как это откликнется у тех, кто в ужасе от происходящего? Унынием, опущенными руками, бегством — или присоединением? Присоединиться — это так просто, и сразу легче, потому что ты не один, нас много. Не присоединиться, остаться при своих — значит, почувствовать себя во враждебном окружении (об этом см. материал В. Звоновского в журнале). Пока не понимаю, нужно ли публиковать это в широкой печати. Но вот публикуем. Посмотрим, что из этого выйдет.

***

Выше говорилось, что в этом выпуске журнала представлены еще не окончательные, промежуточные итоги исследования этого странного и страшного объекта — войны как специальной военной операции. Под одной обложкой здесь сошлись работы представителей разных проектов в области социологии, но нужны усилия экспертов и других областей знания — политологов, психологов, юристов, культурологов, антропологов, ученых из сферы когнитивной науки, даже нейрофизиологии, потому что в ряде случаев речь может идти о работе собственно мозга в условиях тотальной пропаганды. В этом смысле совокупность публикаций журнала может лечь в основу полидисциплинарных исследований современной большой войны, еще недавно казавшейся невероятной в XXI веке.

Объединение усилий всех наук, находящих свой предмет исследования в войне и военной реальности общества — знамение времени, потому что объяснить их средствами лишь какой-то одной области знания не представляется возможным. Этого требует и адресат таких исследований — современный человек. Быть сегодня современным человеком означает преодолевать границы многих профессиональных монополий — медицинских, педагогических, политических, экономических, правовых — и вот теперь

11. Mediascope: интернетом в России пользуются 80% населения старше 12 лет. URL: https://mediascope.net/news/1460058/.

12. Число пользователей VPN-сервисами с начала 2022 года выросло в 53,5 раза // ТАСС. URL: https://tass.ru/ekonomika/14339659.

военных. После того как *нас* (в страдательном грамматическом залоге) учили, лечили, воспитывали, нами управляли — люди хотят все это понимать и делать сами. Они возвращают себе самодостаточность и личный суверенитет, они должны становиться компетентными пользователями сложной социальной информации. Не потому ли они идут учиться чему-то далеко за границами своих нынешних специальностей и сфер деятельности? Об этом пишут все профессора Свободного университета, рассматривая поступившие заявки на свои курсы. У всех по всем направлениям в этих заявках — огромный спектр слушателей с самым разным предыдущим профессиональным опытом.

Что ж, есть время разбрасывать камни, а есть время их собирать. Дисциплинарно разветвленная наука далеко продвинулась в познании человека и общества, добыв глубокие, но порой узко специализированные знания о многообразных проявлениях человеческой природы и природы общества. Настало время искать знания другого рода — объединяя усилия многих наук в больших полидисциплинарных и полипрофессиональных проектах. Время на земле такое: надо понимать иную, новую и необязательно прекрасную реальность, что нарождается на наших глазах.

DOI: 10.55167/aa6bc0cffd8a

Россия, Украина: восприятие войны

Материалы социологического исследования

Об этом исследовании. Как возникла и работает «военная социология»?

Елена Конева

Через день после вторжения две частные группы социологов сели составлять анкеты для проведения срочного опроса о начавшейся военной операции; 1 и 2 марта соответственно сбор данных был завершен.

Встал вопрос о публикации результатов и планировании последующих исследований. Была необходима надежная инфраструктура и канал публикаций. Ответом стал ExtremeScan, основанный Еленой Коневой и Александром Чилингаряном.

ExtremeScan — это международное некоммерческое неправительственное сотрудничество независимых исследователей и ученых, которые сочли своей миссией предоставлять непредвзятые данные о проблемах, взглядах и тенденциях в обществах Украины, России и Беларуси и возможных других стран в военной зоне.

В последующие месяцы развернулось проведение регулярных и разовых опросов несколькими группами исследователей. Основным исследованием стал партнерский проект «Хроники», организованный политиком Алексеем Миняйло при участии практических и академических социологов.

К августу 2022 года в рамках «Хроник» проведены шесть волн исследования методом телефонных опросов со стандартной выборкой не менее 1600 интервью в каждой волне, репрезентирующей взрослое население России.

Проведены несколько волн проекта «Афина» и «Опыты» по аналогичной методологии.

В сложном контексте военных действий тестируются методологические подходы и калибруются исследовательские инструменты.

По России был организован качественный масштабный проект «Со-знание перемен 2022», исследовавший глубинные реакции на специальную военную операцию.

ExteremeScan опубликовал результаты онлайн-исследования «военной» волны эмиграции «Эвакуация 2022».

С апреля было установлено особенно ценное в историческом контексте сотрудничество с украинскими коллегами. Помимо сравнительного анализа данных собственных проектов, мы проводим совместные опросы, в которых задаются одинаковые вопросы для сопоставления общественного сознания и отношения к событиям и друг к другу населения двух воюющих государств.

Естественным образом зоной наших интересов, исследований и публикаций стала Беларусь (фактический участник военных действий России), Молдова и Приднестровье (буферная зона специальной военной операции).

В опросы, их обработку, аналитику и обсуждение вовлечены многие специалисты в нескольких странах. Главным же ресурсом этой исключительно важной деятельности являются интервьюеры и модераторы, от качества работы которых зависит надежность и прогностичность результатов исследования.

Релизы, ссылки на анкеты, методические материалы и сайты исследовательских групп, там где это открыто, можно найти на сайте www.extremescan.eu и телеграм-канале t.me/ExtremeScan.

DOI: 10.55167/54ff6e07f3dd

Россия: восприятие войны
Исследование отношения жителей России к специальной военной операции РФ в Украине

Елена Конева

7 марта 2022 г.

Двадцать четвертого февраля 2022 года войска Российской Федерации вошли на территорию Украины, началась «специальная военная операция» (СВО).

Группа независимых социологов и IT-специалистов провела уникальное исследование об отношении населения России к этой операции.

Метод опроса — телефонные интервью с обеспечением конфиденциальности респондентов. Вопросы анкеты сформулированы нейтрально и максимально сбалансированно.

Дизайн выборки позволяет репрезентировать население России.

Измерение проходило с пятого по шестой дни начала военной операции (ВО) — *с 28 февраля по 1 марта 2022 г.*

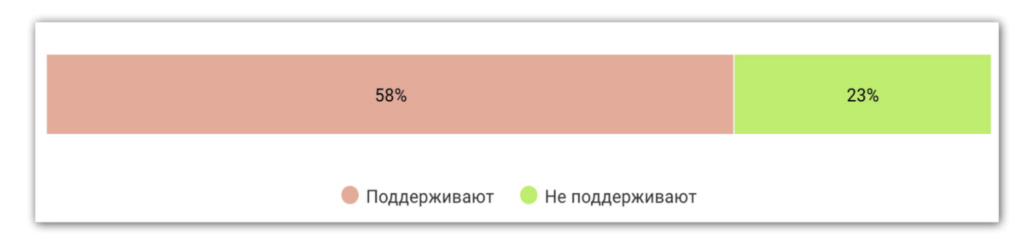
Было опрошено 1640 респондентов. Финальная выборка взвешена по полу, возрасту и образованию.

Максимальная статистическая ошибка измерения — 2.6 процентных пункта.

Исследование является общественно значимым, поэтому его данные открыты для всех. Скачать материалы исследования можно по адресу https://extreamscan.eu.

О начале ввода войск объявил Владимир Путин. В отличие от крымской операции, президент РФ с самого начала взял полную ответственность на себя, и 11 первых дней операции он не сходил с телевизионных экранов. Это стало наиболее важным фактором восприятия исторического события на его начальном этапе.

Основной вопрос исследования дает пропорцию поддержки/неподдержки военной операции 58% к 23%.

Что является источником поддержки очевидно рискованного, затратного шага с далеко идущими последствиями?

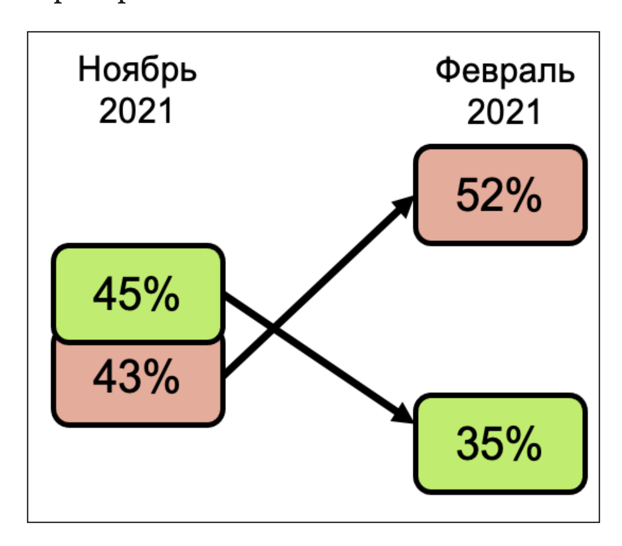
В большой степени условием доверия стал авторитет Главнокомандующего, который провел необычную для российской аудитории геополитическую апологетику военной операции.

О важности этого фактора свидетельствует беспрецедентно большой рост мобилизационного рейтинга доверия к Путину. Федеральные поллстеры показывают рост доверия к президенту на 10% с базовых 60–65% в течение одной недели. Образ спасителя от терроризма в начале 2000-х и мирного воина-освободителя Крыма в 2014 году получил новое подтверждение.

Есть и другие факторы, влияющие на высокие показатели поддержки военных действий в Украине.

За последние несколько лет происходила системная массированная психолого-политическая подготовка к военной операции, людей постепенно настраивали на военные действия как допустимое средство достижения национальных интересов.

В лице Украины посредством СМИ, преимущественно телевидения, формировался образ врага.

Всего лишь за последние три месяца позитивное/негативное *отношение к Украине поменяло полюса*: с 45/43% в ноябре 2021-го на 35/52% в феврале 2022, согласно данным иностранного агента Левада-центр.

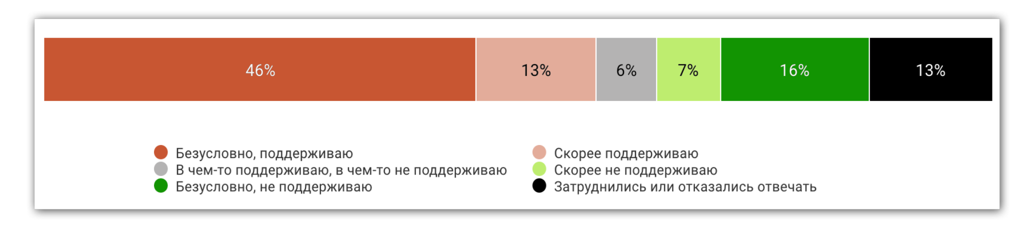
Виртуальная специальная военная операция началась задолго до реальных действий.

В этой связи очень сложно строить прогнозы, как будет развиваться общественное мнение о СВО РФ. Причина в том, что измеренное отношение к операции в первую неделю вхождения войск в Украину является

отношением не к событию и его последствиям, а к его виртуальному представлению. Данные исследования это подтверждают.

Одобрение операции

Общее распределение ответов на основной вопрос о поддержке СВО: безусловно поддерживающих втрое большое, чем безусловно не поддерживающих (46 против 16%).

Факторы одобрения

Российское общество демонстрирует все больший раскол.

Мы не обнаружили значимых различий между мнениями мужчин и женщин, нет их и по регионам, кроме Сибирского округа (там цифры поддержки ниже).

Мы не увидели значительного влияния на поддержку СВО такого фактора как наличие сына призывного возраста или военнообязанных родственников.

На основании данных исследования можно предварительно утверждать, что массового опасения за сыновей и родственников пока нет.

Граждане верят обещанию президента не использовать срочников в военной операции. Есть сформированная уверенность в превосходящей силе российской (профессиональной) армии и близкого завершения операции. Официальные цифры потерь личного состава не выглядят угрожающе.

Самый сильный фактор влияния на восприятие СВО — каналы получения информации, телевидение в первую очередь.

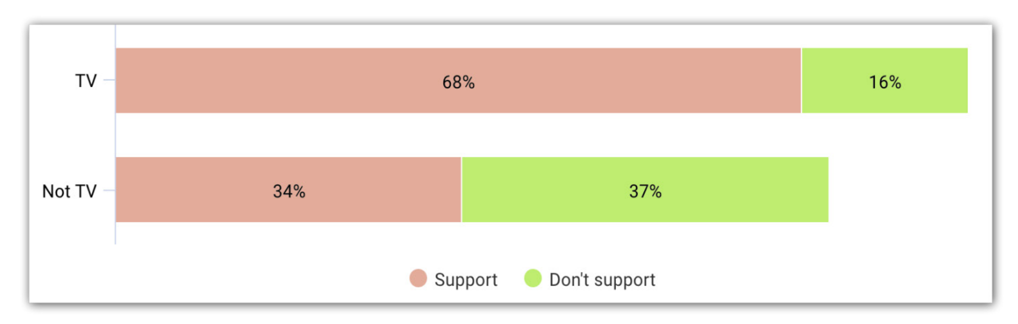
Мы видим максимальную активизацию лояльных к власти СМИ и тотального закрытия независимых СМИ с целью избежать негативного влияния альтернативных источников и интернета в первую очередь на имидж операции.

Данные исследования подтверждают, что телевидение и интернет значимо разводят общество по разным полюсам.

Ответы на вопросы о поддержке, причинах СВО и ожидания от ее результатов радикально зависит от фактора телесмотрения.

В качестве источника информации используют телевидение 71%, 28% — не используют телевидение.

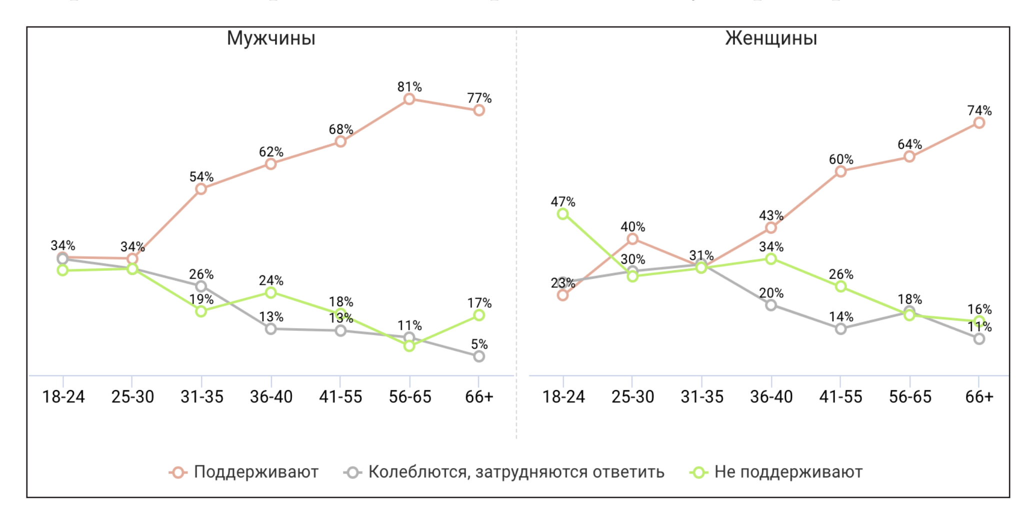
Аудитория ТВ по вопросу поддержки/неподдержки ВО получает распределение 68% против 16%, неаудитория — 34% против 37%.

На выбор источников информации напрямую влияет возраст.

Возраст определяет также разный жизненный опыт, образование, наличие семьи.

СВО получила минимальную поддержку среди молодых, от 29% для возрастной категории 18–24 она нарастает до 75% у старших россиян.

Цели операции

Официальная риторика СВО за неполные две недели прошла большой путь.

Защита русских в ДНР/ЛНР как основной мотив признания республик через два дня сменилась фундаментальной геополитической озабо-

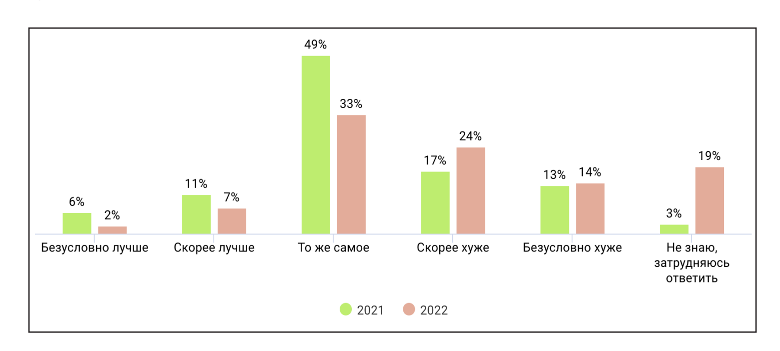
	Зрители ТВ	Незрители ТВ
Защита/помощь ДНР и ЛНР	38%	19%
Затрудняюсь ответить	21%	38%
Безопасность России	18%	13%
Денацификация Украины	11%	4%
Неправильная политика Украины	10%	5%

У «незрителей» позиция недоумения относительно целей операции оказалась самой популярной — 38%, нужно отметить, что 21% зрителей телевидения тоже не поняли замысла руководства страны. 65% «зрителей» считают, что Украина представляет угрозу для России, достаточную, чтобы начать широкомасштабные военные действия. Среди «незрителей» таких 18%.

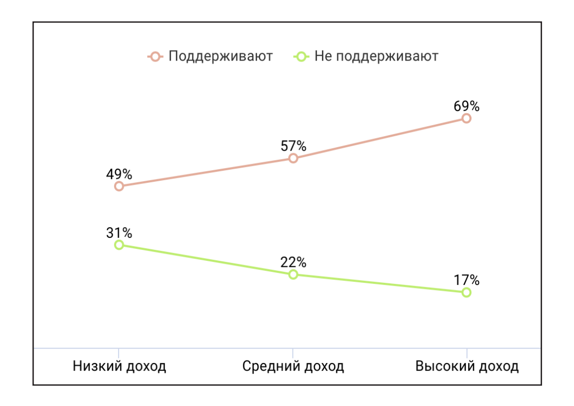
Холодильник против телевизора

В целом по выборке 41% ожидают ухудшения материального положения семьи, 9% настроены оптимистично.

Мы сравнили изменение оценки материального положения семьи в 2021 году и ожидания в 2022-м.

Уровень дохода и ожидание изменения материального положения семьи значимо влияет на поддержку СВО: 48% против 67% в группе людей с высоким доходом.

Люди с низким доходом более тревожно относятся к СВО, поскольку в этой связи ожидают дальнейшего ухудшения своего материального положения.

Ожидание победы

Благодаря медиасопровождению защита граждан ДНР/ЛНР за считанные дни превратилась в капитуляцию войск Украины в качестве конечной цели ограниченной спецоперации и уложилась в сознании людей вполне гармонично.

«Победу» прогнозируют 73%. Конечно, есть разница ожидания победы между теми, кто поддерживает СВО и не поддерживает (87% среди тех, кто поддерживает СВО, и 50% среди тех, кто не поддерживает).

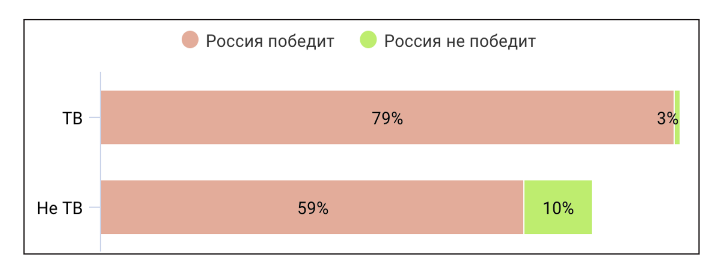
		Поддержка военной операции	
	Total	Поддерживают	Не поддерrживают
Россия победит	73%	87%	50%
Россия не победит	5%	2%	18%

Значимо меньше Total — Значимо больше Total

И в этом вопросе телевидение играет важную роль.

Что дальше

В представленном релизе отражены результаты базового анализа данных исследования.

В ближайшие несколько месяцев и даже недель реальность будет наступать на виртуальную картину события. Сложно спрогнозировать, как это будет влиять на отношение к операции России в Украине.

Феномен поддержки присоединения Крыма «несмотря-ни-на-что», согласно данным поллстеров, продержался неожиданно долго. Все будет зависеть от развития военной операции, изменений в жизни России и, несомненно, картинки в телевизоре.

К сожалению, дальнейшие независимые исследования социальных процессов будут технически и этически затруднены. Не исключено, что проект «Афина» окажется одним из последних независимых исследований на данном историческом этапе в России.

Материалы исследования

Скачать материалы исследования можно скачать по адресу https://extreamscan.eu.

Контакты

Елена Конева
Email: contact@extreamscan.eu.
Telegram: https://t.me/ExtreamScan
Website: https://extreamscan.eu/.

DOI: 10.55167/7811cbad7da6

Что можно измерить в условиях военной цензуры

Елена Конева

14 марта 2022 г.

За последнюю неделю появилось несколько публикаций исследовательских компаний, в которых показывается рост политических рейтингов и поддержки военной операции.

Некорректно измерять динамику поддержки на данных, полученных в условиях военной цензуры. Мы измерили величину социально желательного смещения ответов на сенситивные (наиболее чувствительные) вопросы.

В анализе использованы данные двух независимых исследований. По запросу мы предоставляем доступ к материалам этих исследований.

Название исследования	Даты проведения	Размер выборки
Афина	с 28 февраля по 1 марта 2022	1642
Хроники, волна 1	с 28 февраля по 2 марта 2022	1807
Хроники, волна 2	с 11 по 13 марта 2022	1811

Методология

Метод опроса в исследованиях: телефонное интервью по случайной выборке мобильных номеров.

География исследования: все регионы России.

Обследуемая совокупность: граждане России в возрасте 18 лет и старше.

Репрезентативность выборки: по половозрастной структуре и типу населенного пункта (по данным Росстата от 01.01.2021 г.).

Вопрос момента

Какова *динамика уровня* поддержки военной операции среди российского населения?

В России 4 марта 2022 года появилась новая уголовная статья о фейках про российскую армию, которая небезосновательно получила в общественном сознании расширительное толкование.

Граждане осознали опасность свободного самовыражения.

В условиях военной цензуры все исследования сенситивных тем в России начиная с 5 марта будут давать «технические результаты».

Сенситивными стали вопросы, в которых присутствует оценка власти и военной операции. Осознавая этот факт и получив его полное подтверждение на данных практически всех других исследовательских компаний, мы, тем не менее, сохранили вопрос об уровне поддержки военной операции в анкете. Нам показалось исключительно важным увидеть этот эффект на собственных данных и попытаться его замерить.

Опрос содержал две сопоставимые подвыборки. В анкете для второй подвыборки мы добавили в вопрос об отношении к военной операции артикулированную для респондента позицию отказа от ответа о поддержке спецоперации.

Не взвешено	Старая формулировка	Новая формулировка
Да, поддерживаю	69%	64%
Нет, не поддерживаю	14%	7%
Затрудняюсь ответить	17%	16%
Не хочу отвечать на этот вопрос	0%	13%

Эксперимент показал значимое сокращение доли поддержки и неподдержки во второй подвыборке. 13% отказавшихся отвечать являются *коэффициентом цензуры*: ушли те, кто, цензурно желательно, включил себя в группу поддержки. Важно отметить, что уменьшилась и доля неподдержки, часть аналогичных респондентов предпочли уйти в открывшуюся позицию отказа от ответа.

Видимо, наша выборочная совокупность сидит среди тех, кто гуглил «уголовное наказание за фейки», начиная с 4 марта.

Гипотеза «опасения преследований» косвенно подтверждается также отказом сообщать свое место проживания. Например, имеет место существенный сдвиг в вопросе о месте проживания.

Не взвешено	Хроники 1.0		Хроники 2.0		Увеличение доли отказов, %*
	Частота отказа	Доля отказа от ответивших	Частота отказа	Доля отказа от ответивших	
Регион	24	1,3	34	1,9	41
Тип населенного пункта	16	0,9	21	1,2	31
Город	56	3,8	74	5,1	35
Район	23	7,1	27	7,5	6

Увеличение доли отказов рассчитывалось по формуле:

([*доля отказа 2.0*] – [*доля отказа 1.0*]) * 100 / [*доля отказа 1.0*]

Респонденты, затруднившиеся ответить или отказавшиеся от ответа, на вопрос про поддержку ВО, чаще других уходят от ответа, являются ли действия России специальной военной операцией.

Эта же группа «отказников» гораздо чаще других полагают, что операция «никогда не завершится». Эта же группа минимально доверяет официальной информации и избегает в принципе новостей о войне.

Это люди, которых можно отнести к эскапистам. В нее входят респонденты, которые не хотят ничего знать о событиях в Украине, также *частично* респонденты, не поддерживающие ВО.

Есть предположение, что такая группа существует в реальности, она может меняться по пропорции, но в ближайшее время она, как и другие факторы, будет искажать результаты исследований.

Дать обоснованную оценку по динамике поддержки/неподдержки операции на основе исследований после 04.03.2022 не представляется возможным.

Первые независимые измерения, выполненные 28 февраля — 02 марта дали соотношение *57–59% поддержки на 23–22% неподдержки*. Мы считаем, что пока нет оснований утверждать, что эти доли существенно поменялись.

Изменения незначительного характера могут быть результатом двух противоположных процессов: роста — в связи с консолидацией «вокруг флага», по риторике государственных СМИ, и падения — в связи с негативными последствиями в жизни людей.

Из надежных изменений за 10 дней между двумя опросами проектов «Афина» и «Хроники 2» наблюдается незначительный рост негативных ожиданий изменения материального положения с 38 до 44%.

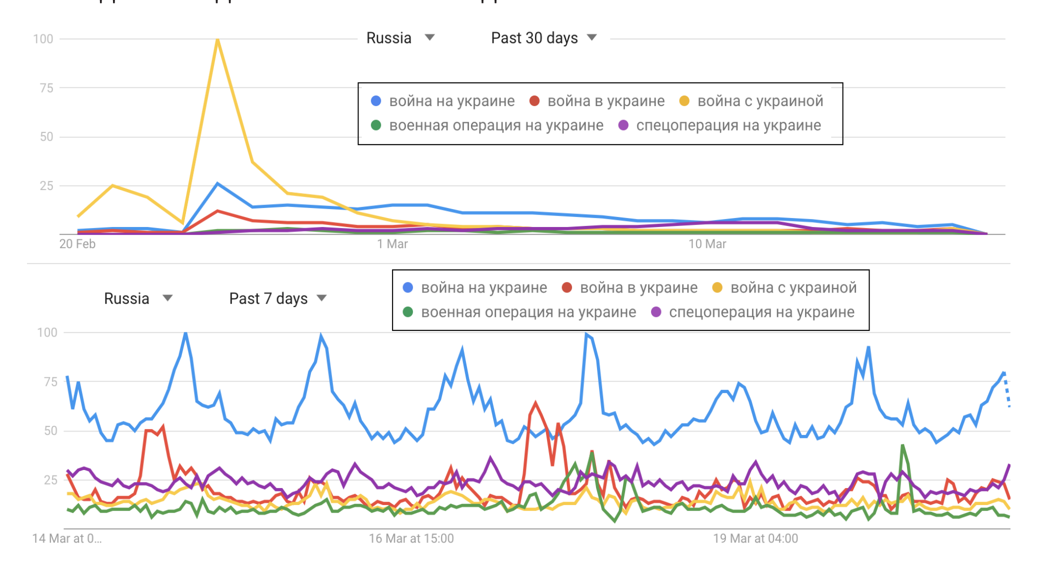
Удалась ли спецоперация по внедрению термина «военная спецоперация»?

Согласно новым правилам использования терминов в анкете применяется понятие «военная операция». Периодически возникает вопрос, насколько респонденты одинаково понимают, что мы имеем в виду, отвечая на вопросы о военной операции.

В связи с тем, что мы не можем напрямую сравнить реакцию в зависимости от использования термина «военная операция» или «в***а», мы обратились к анализу частот запросов в Google Trends и получили несопоставимые показатели, то есть в сознании российских людей доминирует «в***а».

Мы задали поиск термина в разных вариантах. В момент объявления военной операции с большим отрывом идет версия «война *с Украиной*».

Люди восприняли это именно так — в наиболее острой форме. Затем произошла трансформация — «война *на Украине*», которая лидирует до сегодня. На недельной динамике это очевидно.

В опросе мы спросили, являются ли действия России специальной военной операцией — да или нет. Вопрос выглядел несколько несбалансированным, но определенную информацию мы получили.

Была обнаружена высокая корреляция одобрения события и отнесения его к категории «военная операция» и, наоборот, неодобрение коррелировало с несогласием с этим термином.

Семантика слова «операция» сработала, но для внутреннего языка люди обращаются к более тяжелому слову.

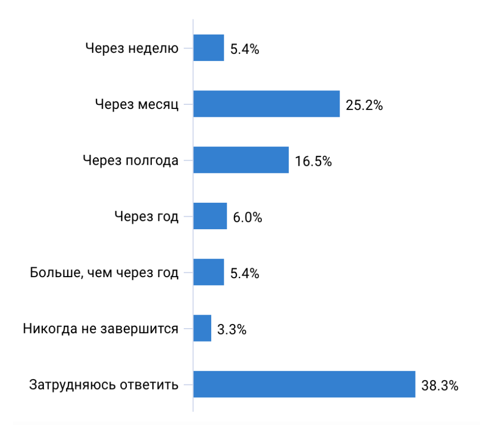
Термин «операция» транслирует стремительность мероприятия, и вот в какой мере это отразилось в ответах на вопрос: «*Когда завершится военная операция России на территории Украины?*»

Содержательно ответившие респонденты в основном дают срок от месяца до полугода.

К сожалению, нет замера в конце февраля, интересно было бы посмотреть, как в начале операции граждане России оценивали ее длительность.

Где проходит операция

ВО охватывает всю Украину считают 65%, и есть 12% респондентов с туннельным восприятием, кто считает, что операция концентрируется на территории ЛНР/ДНР.

Эти люди слышат только то, что хотят слышать: многолетнюю пропаганду «защиты интересов русских на Донбассе».

	Территория проведения военной операции	
	Только ЛНР/ДНР	Также другие регионы Украины
Смотрят ТВ	86%	73%
Не смотрят ТВ	15%	27%

Народ знал

В проекте Афина мы задавали вопрос «*Как большинство населения Украины встретит введенные российские войска?*»

	Total
Отнесется дружественно	16%
Отнесется нейтрально	11%
Отнесется враждебно, но не окажет сопротивления	10%
Отнесется враждебно и окажет сопротивление	31%
Затрудняюсь ответить	32%

Результаты ошеломляют: 27.02. – 01.03.22 только 16% прогнозировали, что украинцы встретят российские войска дружественно, а 73% считали (28.02. – 01.03.22), что встретят враждебно или затруднились ответить, в том числе 32% респондентов понимали, что украинцы окажут сопротивление.

«Милитаристы»

Особо интересна группа людей, которая предполагала, что украинцы встретят войска враждебно и окажут сопротивление, но при этом одобрили военную операцию.

В данную группу входит 20% населения, изоморфных по основным демографическим метрикам всему населению. Структура целей у этих людей более радикальна, чем у всей совокупности.

		Total	Одобрение, не смотря на враждебность
Цели и причины ВО	Защита/помощь ДНР и ЛНР	32%	43%
	Не знаю, затрудняюсь ответить	27%	16%
	Безопасность России	17%	24%
	Денацификация Украины	9%	8%
	Неправильная политика/власть в Украине	8%	9%
	Демилитаризация Украины	2%	2%

Значимо меньше Total — Значимо больше Total

В таблице указаны позиции, набравшие значимые проценты, и дополнительно «демилитаризация Украины». Повторимся, для этой группы наиболее очевидными целями является защита ЛНР/ДНР и «безопасность России», по ним показатели существенно выше, чем по остальной выборке.

«Денацификация» более или менее улеглась в сознании, «демилитаризация» не нашла отклика ни в этой группе, ни по выборке в целом. Среди них меньше затруднившихся в целях операции.

Россия добьется успеха в этой операции — уверены 87% «милитаристов» против 73% всей совокупности.

В этой группе 82% хотели бы, чтобы Путин оставался как можно дольше на посту президента (против 60% по остальной выборке). Эта группа интересна тем, что она максимально впитала в себя дух кампании в Украине и являет собой желаемый эталон массового сознания. Они составляют ядро поддержки.

Ради чего

Цели операции высоко коррелируют с прогнозом победы.

Среди тех, кто прогнозируют победу, вдвое больше респондентов считают целью защиту ЛНР/ДНР и безопасность России.

Респонденты, не верящие в победу, гораздо больше затрудняются назвать цели, а если называют, то с большим отрывом от остальной части выборки упоминают захват Украины, личные амбиции Путина.

		Total	Вера в победу РФ над Украиной: Россия победит	Вера в победу РФ над Украиной: Россия не победит
Цели и причины ВО	Защита/помощь ДНР и ЛНР	32%	37%	15%
	Не знаю, затрудняюсь ответить	27%	22%	36%
	Безопасность России	17%	19%	8%
	Денацификация Украины	9%	10%	2%
	Неправильная политика, власть в Украине	8%	10%	5%
	Захват, присоединение территорий Украины	2%	2%	17%
	Личные цели/амбиции Путина	2%	1%	16%
	Демилитаризация Украины	2%	2%	0%
	Негативные, неоправданные цели, против войны	2%	1%	7%

Значимо меньше Total   Значимо больше Total

Призовое место и по этому вопросу заняла позиция «*не знаю, затрудняюсь ответит*».

В целом особенностью этих опросов стал необычно высокой уровень отказов от ответов и использования «затрудняюсь ответить» по содержательным вопросам.

Отказ от ответоврезко снижает возможность экстраполяции данных на генеральную совокупность. Но остается возможность анализировать различные группы мнений, смотреть на динамику в терминах тенденций, а не процентов, искать корреляции между параметрами.

Чтобы продолжать давать важную информацию в столь экстремальных условиях, мы, социологи, должны научиться работать с этим фрагментарным знанием.

Журналистам и комментаторам стоит принять на себя часть ответственности и транслировать только то, что они уверенно поняли.

Иначе исследования или их публикацию придется прервать на какой-то период.

Контакты

Материалы исследования можно получить по запросу.

Елена Конева
Email: contact@extremescan.eu
Telegram: https://t.me/ExtremeScan
Website: https://extremescan.eu/

DOI: 10.55167/968bf241243b

О чем не расскажут рейтинги

Елена Конева

По материалам исследования Хроники Волна №3 26.03-29.03
3 апреля 2022 г.

В последнее время исследовательские центры публикуют исключительно высокие политические рейтинги. К ним можно отнести и уровень поддержки военной операции, которая в значительной степени является результатом поддержки власти, и динамика у них синхронная.

Феномен измерений заключается не только в высоких показателях, но и в стремительной, буквально за несколько недель, динамике. Практически все либеральные комментаторы говорят об эффекте социальной желательности под давлением военной самоцензуры, ненадежности этих цифр, но тут же переходят на обсуждение причин столь высокой поддержки.

Сегодняшняя ситуация должна подвигать аудиторию исследований воспринимать цифры и аналитику критически, но без предубеждения, не теряя надежды извлекать из них прогностические знания.

С этой целью полезно рассмотреть устойчивые стереотипы восприятия политической социологии.

Стереотип 1. В стране, находящейся в состоянии военной операции, исследования проводить нельзя

Потребность в понимании социальных процессов сейчас исключительно высока, поэтому нельзя отказываться от исследований. Надо искать способы преодолевать технические сложности проведения опросов.

Политические (и не только) решения в России сопровождаются измерениями общественного мнения. Мораторий на производство цифр, особенно в пропагандистских целях, установить невозможно. Для соблюдения баланса необходимо производить и анализировать независимые данные.

Цифры — необходимая, но поверхностная картина реальности. О чем говорит цифра 60% поддержки военной операции сегодня, на 38-й день ее проведения?

Об эффективности пропаганды военной кампании в Украине, о высоком рейтинге самого Путина, о том, что ее поддерживает больше людей, чем не поддерживает? О готовности записаться в добровольный батальон или терпеть экономические сложности?

О том, что ухудшение экономической ситуации, личного материального статуса, потеря работы, надвигающаяся изоляция страны и стреми-

тельная эвакуация за рубеж сотен тысяч мобильных соотечественников — все эти последствия в восприятии многих людей существуют в отрыве от военных действий по «защите русских на Донбассе»?

Мы все еще замеряем отражение телевизионной картинки. По мнению 29% опрошенных, украинцы дружелюбно встречают российские войска, а 15% утверждают, что военные действия идут только на территории Донбасса.

Стереотип 2. Подконтрольные институты манипулируют данными, а независимые компании дали бы менее позитивные для власти цифры

Приводим данные нескольких исследовательских центров.

Формулировки вопросов отличаются незначительно и вполне сопоставимы. Итак, вопрос о поддержке военной операции в Украине.

	ВЦИОМ		ФОМ			
	Волна 1	Волна 3	Волна 1	Волна 2	Волна 3	Волна 4
	25 фев	30 мар	27 фев	06 мар	13 мар	20 мар
Да, поддерживаю	65%	76%	65%	68%	68%	73%
Нет, не поддерживаю	25%	15%	17%	15%	12%	14%
Затрудняюсь ответить	10%	9%	18%	17%	20%	13%
Отказ от ответа						

	ЛЕВАДА	Опыты	
	Волна 3	Волна 2	Волна 3
	24-30 марта	10-12 марта	18-20 марта
Да, поддерживаю	81%	80%	78%
Нет, не поддерживаю	14%	14%	17%
Затрудняюсь ответить	5%	5%	5%
Отказ от ответа		1%	

Высокие показатели и резкую динамику показывают практически все измерения. На начало операции цифры поддержки были в диапазоне **58–65%**.

Президент России 4 марта 2022 года подписал закон об уголовной ответственности за фейки о действиях российских военных в рамках спецопераций и призывы к антироссийским санкциям.

Поддержка, как и другие политические рейтинги, в последующих измерениях вырастают до уровня **73–81%**.

Мы приводим подробные цифры по трем волнам проекта «Хроники», включая индивидуальные данные по трем экспериментальным подвыборкам второй волны.

Первая часть эксперимента заключалась в разном положении нашего символического вопроса о поддержке военной операции в начале интервью и в конце.

	Афина	Хроники				
	Волна 1	Волна 1	Волна 2			Волна 3
	28 фев - 1 мар	28 фев-2 мар	10 -13 марта			26-28 марта
			Формулировка			
			Новая	Старая в конце анкеты	Старая в начале анкеты	
Да, поддерживаю	58%	59%	63%	72%	61%	60%
Нет, не поддерживаю	23%	22%	7%	13%	17%	10%
Затрудняюсь ответить	18%	19%	17%	15%	22%	18%
Отказ от ответа	1%		12%	0%	0%	12%

Для 50% выборки вопрос звучал так: «*Скажите, пожалуйста, вы поддерживаете или не поддерживаете военную операцию России на территории Украины?*»

Второй половине респондентов вопрос задавался по-другому: «*Скажите, пожалуйста, вы поддерживаете, не поддерживаете военную операцию России на территории Украины, затрудняетесь однозначно ответить или не хотите отвечать на этот вопрос?*»

Таблица 2.1. Распределение ответов о поддержке в зависимости от формулировки вопроса, %

Взвешено		Старая формулировка (n=922)	Новая формулировка (n=867)
Скажите, пожалуйста, вы поддерживаете, не поддерживаете военную операцию России на территории Украины, затрудняетесь однозначно ответить или не хотите отвечать на этот вопрос?	Да, поддерживаю	70%	63%
	Нет, не поддерживаю	14%	7%
	Затрудняюсь ответить	16%	17%
	Отказ от ответа	0%	12%
	Всего:	100%	100%

В результате 12% респондентов воспользовались артикулированным для них правом не отвечать на этот вопрос.

В основном сократилась доля «не поддерживающих» военную операцию, но и доля «поддерживающих» респондентов сместилась в отказы. Поскольку у «поддерживающих» респондентов нет оснований для опасения скрывать свою позицию, можно предположить, что эти 7% респондентов лишь высказывали «административно одобряемое» мнение, на самом деле его не разделяя.

Внутри обеих подгрупп нет статистически значимых различий по полу и возрасту респондентов, то есть в обоих случаях опрашивалась одна и та же аудитория.

В третьей волне использовалась протестированная формулировка с явной альтернативой «можете отказаться от ответа на этот вопрос», и вопрос стоял в конце интервью.

Мы надеемся, что в «Хрониках» удалось в существенной степени компенсировать эффект социальной желательности в части одобрения политики государства.

Результаты эксперимента иллюстрируют влияние технических факторов в дополнение к уголовному наказанию за несанкционированную интерпретацию военной операции.

Мы приглашаем ключевых поллстеров к открытому обсуждению методологии измерения общественного мнения в сложившихся обстоятельствах. Аналогичный круглый стол показал свою эффективность по результатам мэрских выборов в Москве в 2013 году, когда стандартные подходы и модели показали прогнозы, далекие от результатов выборов в измененных условиях.

Стереотип 3. В критический период респонденты говорят неправду или отказываются от участия в интервью

Весь доступный опыт исследователей в России за последний месяц говорит, что уровень отказов вырос, но остается на приемлемом уровне. Эта тема заслуживает отдельной публикации.

В прессе встречаются комментарии: «90% респондентов бросают трубку в начале интервью». Такой уровень отказов свидетельствует о недостаточном профессионализме колл-центра, а не уровень согласия.

Пока люди отвечают, нам надо пользоваться их благосклонностью.

Стереотип 4. Люди делятся на монолитные партии поддержки или неподдержки военной операции

Эта концепция широко освещается в пропагандистских текстах.

Даже если взять минимальную на сегодня оценку поддержки военной операции в **60%**, эта группа весьма неоднородна. Мы работаем над необходимой в таком случае сегментацией, результаты которой представим в следующей публикации.

Декларация поддержки военной операции не мешает **32%** представителей этой группы хотеть как можно быстрее завершить операцию, не добиваясь военной капитуляции Украины.

33% из них же считают, что для экономического развития России необходимо сотрудничество с Западом, треть ожидают сильного негативного влияния санкций.

37% одобряющих ожидают, что украинцы встретят российскую армию дружественно против **22%** — враждебно.

В качестве дополнительной иллюстрации приводим таблицу распределения ответов только по респондентам, поддерживающим военную операцию.

	Поддержка ВО Да, поддерживаю
Ущерб от санкций	
Сильный	27%
Слабый	62%
Условия завершения ВО	
Признание ЛНР/ДНР	45%
Запрет на вступление в НАТО	37%
Капитуляция украинской армии	46%
Безусловное прекращение ВО	13%
Допустимые основания применения ядерного оружия	
Усиление экономических санкций в отношении России	2%
Наращивание войск НАТО у границ с Россией	4%
Вступление НАТО в военные действия в Украине	8%
Нарушение российских границ вооружёнными силами других стран	14%
Применение ядерного оружия против России	49%
Применение недопустимо ни при каких условиях	35%
Приоритеты российского руководства	
Достижение целей военной операции в Украине	61%
Спасение российской экономики	19%

Стереотип 5. Российское общество сплачивается «под флагом», и ресурс одобрения военной операции еще не исчерпан

Внешнеполитические цели (почти по Маслоу) имеют ограниченный запас прочности.

Очень важно посмотреть на «внутреннюю жизнь» россиян, поскольку именно она остается для людей базовой ценностью.

	Total	Военная операция в Украине	
		Поддерживаю	Не поддерживаю
Эмиграция близких из РФ			
Да, эмигрировал	7%	3%	30%
Нет, не эмигрировал	92%	96%	68%
Готовность к эмиграции из РФ			
Да, хотел бы, но возможности нет	10%	3%	50%
Нет, не хотел бы	89%	96%	47%
Последствия, связанные с ВО			
Вас сократили на работе	4%	2%	5%
Доход вашей семьи снизился	39%	36%	58%
Вы закупали продукты и бытовые товары впрок	15%	13%	26%
Вы спорили или ссорились с близкими людьми на политические темы	20%	18%	45%
У вас случались приступы тревоги или депрессии	32%	27%	58%

Значимо меньше Total — Значимо больше Total

В личной жизни россиян происходит много изменений, которые будут развиваться и влиять на восприятие внешней политики.

Источники одобрения использованы. Источники неодобрения находятся в нарастающей динамике. В этой связи позитивные исследовательские реляции надо воспринимать очень аккуратно, они могут дезориентировать.

	Total	Военная операция в Украине	
		Поддерживаю	Не поддерживаю
Ожидание изменения материального положения в связи с санкциями			
Ухудшится	48%	42%	82%
Останется таким же	35%	40%	11%
Улучшится	10%	12%	2%
Ожидание социальной напряженности через месяц			
Увеличится	28%	20%	68%
Останется без изменения	27%	31%	16%
Уменьшится	28%	33%	7%
Чувство тревоги или депрессии			
Не чувствует	81%	86%	48%
Чувствует	15%	11%	50%
Необходимость сотрудничества РФ с западом для развития экономики			
Необходимо	53%	48%	77%
Нет, не необходимо	33%	40%	15%

Значимо меньше Total   Значимо больше Total

На протяжении военной операции работают разнонаправленные факторы. Военная консолидация вокруг лидера балансируется наступившими неблагоприятными изменениями в жизни россиян. Как результат, динамика практически отсутствует.

Поддержка военной операции России в Украине		
28 фев. – 2 марта	10–13 марта	26–28 марта
59%	63%	60%

Продолжение следует.

DOI: 10.55167/8329b0cd2ca5

Анатомия поддержки

Елена Конева

14апреля 2022 г.

Что важнее, поддержка военной операции или поддержка прекращения военной операции?

По данным третьей волны исследования проекта «Хроника» 60% населения поддерживает военную операцию в Украине.

60/71/75/80/81% поддержки — таковы данные по различным источникам.

На начало апреля открыты 200 административных и уголовных дел о фейках, и число их стремительно растет. На этом фоне вопрос «Поддерживаете вы или не поддерживаете военную операцию в Украине» все менее эффективен для получения точных показателей.

Социальная желательность как результат военной цензуры при ответах на некоторые вопросы смещает данные настолько, что не представляется возможным корректно интерпретировать.

Мы видим смысл в смещении нашего фокуса на анализ поддержки и неподдержки *прекращения военных действий*. В существенной степени это инверсия первоначального вопроса о поддержке, который превратился почти в бесполезную мантру.

В таблице ниже мы показываем пересечение этих двух категорий. Мы видим очень интересную группу, расщепляющую монолит поддержки. Кто эти люди, кто поддерживает военную операцию, но при этом хотел бы, чтобы операцию завершили как можно скорее, не добиваясь капитуляции украинской армии?

Таблица 1. Отношение к военной спецоперации России в Украине, %

	Total	Поддержка военной операции	
		Поддерживаю	**Не поддерживаю**
Нужно ли добиваться капитуляции ВСУ или завершить ВО как можно скорее			
Нужно добиваться капитуляции	50%	64%	13%
Нужно завершить ВО как можно скорее	32%	27%	68%

Значимо меньше Total   Значимо больше Total

Таких людей в выборке в целом 16%. Они старше остальных по возрасту: молодых в этой группе меньше, чем по выборке, старших больше, людей среднего возраста — столько же. Меньше доля людей с высшим

образованием, выше — со средним профессиональным. По роду занятий и уровню доходов различий нет.

Эти люди меньше других ощутили санкции, более оптимистичны относительно динамики материального положения и социального напряжения.

Эти люди считают (70% против 50% по выборке), что в конфликте виноват Запад, и вступление войск НАТО в военную операцию полагают достаточным основанием для применения ядерного оружия. Они готовы торговаться за прекращение военной операции. Их больше, чем остальных, устроило бы признание Крыма российским и независимости ЛНР/ДНР в качестве платы за прекращение операции.

61% из них убеждено, что российское руководство должно добиваться целей военной операции, несмотря на ущерб российской экономике. Но что самое удивительное, 41% против 29% по выборке уверены в дружественном приеме украинцами российской армии и еще 23%, что встретят нейтрально.

Кто эти люди? Как их назвать? Как их интерпретировать? Если треть поддерживающих операцию считают, что ее нужно как можно быстрее завершать, не является ли это признаком перехода отношения в другую фазу?

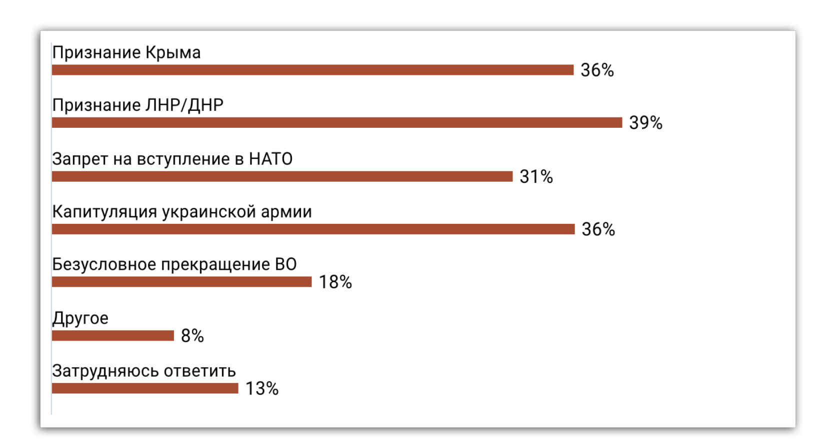
В любом случае переключение на анализ поддержки прекращения военной операции видится продуктивным для понимания состояния общества.

Прекращение военной операции в Украине

Мы предложили респондентам вопрос, *симулирующий переговорный процесс.*

> *На ваш взгляд, какой из приведенных ниже сценариев был бы достаточен, чтобы Россия прекратила военную операцию в Украине? (Отметьте все подходящие варианты)*

1. Официальное признание Украиной Крыма как части России.
2. Официальное признание Украиной независимости ЛНР/ДНР.
3. Запрет на вступление Украины в НАТО.

4. Капитуляция украинской армии.
5. Прекращение военной операции безо всяких условий.

Наиболее предпочтительный достаточный компромиссный сценарий завершения «спецоперации» — официальное признание Украиной независимости ЛНР/ДНР (39% среди всех респондентов и 45% среди поддерживающих операцию).

Это неудивительно: в целях операции защита русскоязычных граждан Донбасса занимала ведущее место. Именно этот стимул был триггером перехода границы 24 февраля. «Трагедия жителей Донбасса» на много лет стала содержанием политических программ государственных СМИ. Совсем недавно 15% людей были убеждены, что операция происходит на территории Донбасса, а не всей Украины.

Когда мы задаем более жесткий вопрос, мы получаем другое распределение.

Как вы полагаете, Россия должна добиваться капитуляции украинской армии или должна завершить военную операцию как можно скорее независимо от капитуляции украинской армии?

1. Должна добиваться капитуляции.
2. Должна завершить как можно скорее.

50% на 32% кардинально отличается от картины (80% на 10%) поддержки «операции», заявляемой другими поллстерами. О подавляющем большинстве поддержки военной операции говорить не приходится.

При этом по другому вопросу из списка сценариев завершения «спецоперации» «Прекращение военной операции безо всяких условий» выбрали лишь 18% респондентов. Запрет на вступление Украины в НАТО волнует респондентов меньше других возможных сценариев.

В этом нет противоречия. Респонденты дают свои ответы в пространстве желаемого и возможного. Даже если люди настроены на прекращение военной операции, часть из них готова идти на компромиссы. Люди понимают, что без декларации достижения хотя бы каких-то целей Россия не остановит военные действия.

32% говорят: «не нужна капитуляция ВСУ, нужно прекращение военной операции», а когда предлагаются условия этого прекращения, больше

половины респондентов из этой категории ищут удовлетворяющие стороны компромиссы.

Таблица 2. Допустимые сценарии прекращения военной операции

	Total	Условия прекращения военной операции		
		Без капитуляции	Капитуляция с условиями	Прекращение без условий
Нужно ли добиваться капитуляции ВСУ или завершить ВО как можно скорее				
Нужно добиваться капитуляции	50%	45%	72%	36%
Нужно завершить ВО как можно скорее	32%	39%	22%	54%

Значимо меньше Total   Значимо больше Total

Для упрощения анализа в таблице мы объединили допустимые сценарии прекращения военной операции. И снова мы видим сложную комбинаторику моделей отношения к ВО и ее прекращения.

Треть всех респондентов, независимо от их поддержки военной операции, готовы ее прекратить при условии каких-либо компромиссов со стороны Украины (признание Крыма частью России, признание независимости ЛНР/ДНР, отказ от НАТО — эти три ответа могли пересекаться).

Четверть тех, кто из всех предложенных сценариев прекращения операции выбрал позицию «капитуляция украинской армии», считает, что Россия не должна настаивать на капитуляции, операцию надо прекращать.

Прекращение операции в зависимости от приема украинцами российских войск

Для понимания сложности и разнонаправленности восприятия людей, покажем распределение «добиваться капитуляции — прекратить ВО» на вопрос о том, как встречают украинцы российскую армию.

Таблица 3. Распределение по ожиданию отношения украинцев к российским войскам

	Total	Ожидаемое отношение украинцев к российским войскам	
		Дружественно	Враждебно
Нужно ли добиваться капитуляции ВСУ или завершить ВО как можно скорее			
Нужно добиваться капитуляции	50%	56%	45%
Нужно завершить ВО как можно скорее	32%	33%	40%

Значимо меньше Total   Значимо больше Total

Мы видим четыре сценария восприятия и пытаемся понять логику таких сочетаний.

1. *Дружественный прием — добиваться капитуляции* (16% от выборки).

Видимо, это связано с моделью, когда власть в Украине захвачена нацистами, люди ждут освобождения и надо добиться капитуляции армии.

2. *Враждебный прием — добиваться капитуляции* (14%). Население отравлено нацистской пропагандой и надо добиться капитуляции и заняться денацификацией.

3. *Дружественный прием — немедленно прекратить военную операцию* (10%).

Какой бы ни был прием, военная операция наносит разного рода экономический ущерб и потери, потому надо ее прекращать.

4. *Враждебный прием — немедленно прекратить* (12%). Украинцы защищаются, может пролиться много крови, надо прекращать военные действия.

Поддержка операции против условий прекращения военной операции

Таблица 4. Отношение к условиям прекращения спецоперации

	Total	Поддержка ВО в Украине	
		Поддерживаю	**Не поддерживаю**
Достаточные условия прекращения военной операции			
Признание Крыма	36%	42%	17%
Признание ЛНР/ДНР	39%	45%	16%
Запрет на вступление в НАТО	31%	37%	17%
Капитуляция украинской армии	36%	46%	9%
Безусловное прекращение ВО	18%	13%	50%
Другое	8%	10%	6%
Затрудняюсь ответить	13%	7%	11%

Значимо меньше Total   Значимо больше Total

Ожидаемо, что 46% поддерживающих ВО хотят капитуляции ВСУ, как и то, что 50% не поддерживающих хотят безусловного прекращения военной операции. Сторонников капитуляции могло бы быть и больше, если бы поддержка операции была бы более сознательна.

Парадоксально, что 13% поддерживающих ВО говорят о безусловном ее прекращении, а 9% не поддерживающих — о капитуляции.

Довольно просто можно представить себе причины неподдержки операции. Это несогласие в принципе. Гораздо сложнее понять концепцию военной операции в сознании тех, кто ее поддерживает, поскольку меняются приказы, риторика и картинки в телевизоре. Никто не знает замысла автора этой военной операции, поэтому ее концепция динамична и разнообразна.

Сегментация: милитаристы — пацифисты

Для исследователей и для массового понимания общества интересна тема построения различных кластеров — таких однородных групп, которые ведут себя одинаковым образом.

Оснований для кластеризации может быть много. Содержательно в контексте ситуации мы синтезировали ядерных «милитаристов» и ядерных «пацифистов». Ядерных в смысле сущностных, концентрированных носителей ценностей войны и антивойны. *В данном случае* мы их искали на пересечении трех вопросов:

1. На ваш взгляд, что сегодня должно быть в приоритете у российского руководства: достижение целей военной операции в Украине или спасение российской экономики?
2. Как вы полагаете, Россия должна добиваться капитуляции украинской армии или должна завершить военную операцию как можно скорее независимо от капитуляции украинской армии?
3. На ваш взгляд, какой из приведенных ниже сценариев был бы достаточен, чтобы Россия прекратила военную операцию в Украине:

- официальное признание Украиной Крыма как части России;
- официальное признание Украиной независимости ЛНР/ДНР; — запрет на вступление Украины в НАТО;
- капитуляция украинской армии;
- прекращение военной операции безо всяких условий.

Мы назвали *«милитаристами»* 16% респондентов, которые полагают:

- что приоритетом российского руководства должно быть достижение целей «военной операции» в Украине, а не экономика России;
- что Россия должна добиваться капитуляции украинской армии;
- что для прекращения «военной операции» допустим только сценарий капитуляции украинской армии, все остальное — неприемлемые компромиссы.

«Пацифисты» в нашей классификации — это 6% респондентов, которые полагают:

- что приоритетом российского руководства должно быть спасение российской экономики;
- что Россия должна завершить «военную операцию» как можно скорее;
- что прекращение «военной операции» должно произойти безо всяких условий.

Пересечение трех параметров — достаточно жесткий критерий группировки, но мы хотели получить «чистые» линии.

Вопрос о поддержке/неподдержке «военной операции» не включен в сегментацию, поскольку мы понимаем подцензурность ответов на него.

Демографически «милитаристы»—«пацифисты» различаются по возрасту и материальному положению («пацифисты» моложе и ниже оценивают свой достаток).

Таблица 5. Распределение респондентов по возрасту и материальному положению

	Total	Сегментация	
		Милитаристы	**Пацифисты**
Возрастные группы			
18-34	26%	14%	37%
35-54	36%	46%	40%
55+	37%	41%	23%
Оценка уровня дохода			
Низкий	26%	19%	40%
Средний	53%	64%	49%
Высокий	16%	14%	10%

Значимо меньше Total   Значимо больше Total

Образование и география проживания не являются существенным фактором отличия.

В качестве дифференцирующего блока вопросов мы взяли тему санкций.

Две группы оказываются разными лагерями в оценке ущерба для страны, для них лично и оценки целей, которые ставят перед собой западные страны, вводя санкции, касающиеся практически всех сфер жизни и областей экономики.

Обращаем внимание, что, несмотря на то что 72% «пацифистов» пострадали от санкций, они верят, что санкции призваны остановить военную операцию.

«Милитаристы» верят в несправедливую агрессивную модель санкций: ослабить экономику, сделать население бедным, вызвать его массовое недовольство.

Таблица 6. Распределение респондентов по отношению к целям экономических санкциям западных стран

		Сегментация	
	Total	**Милитаристы**	**Пацифисты**
Ущерб от санкций для страны			
Сильный	35%	32%	65%
Слабый	53%	63%	25%
Личный эффект от санкций			
Да, ощутил	41%	36%	72%
Нет, не ощутил	56%	62%	26%
Цели введения санкций против РФ			
Ослабить российскую экономику	55%	69%	35%
Сделать население беднее	29%	42%	20%
Вызвать массовые недовольства населения в России	42%	59%	26%
Повлиять на российского президента, правительство	33%	45%	38%
Остановить военную операцию	21%	25%	43%
Наказать Россию за военную операцию	26%	38%	26%

Значимо меньше Total   Значимо больше Total

И хотя эти группы по-разному относятся к «военной операции», происходящее в Украине это то, что тревожит их больше всего. Это первая позиция в спонтанных ответах.

«Пацифисты» — это люди, которые в гораздо большей степени ощутили на себе и своей жизни последствия военных действий. Их доход упал, они закупают продукты и товары впрок, 57% испытывают депрессию. Уровень тревожности, ощущения опасности у них выше, поэтому 41% хотели бы эмигрировать.

Все эти параметры отличают «пацифистов» от «милитаристов», да и всего остального населения.

Можно предполагать, что в реальности их доля несколько выше, поскольку критерии построены на вопросах, которые могут быть чувствительны к цензуре, но вряд ли более точные цифры изменят картину:

Таблица 7. Личный эффект от санкций среди респондентов

	Total	Сегментация	
		Милитаристы	Пацифисты
Ощущение личной безопасности в России			
Чувствует себя абсолютно безопасно	93%	99%	60%
Чувствует себя постоянно в опасности	5%	0%	36%
Последствия, связанные с военной операцией			
Вас сократили на работе	4%	2%	7%
Доход вашей семьи снизился	39%	36%	55%
Вы закупали продукты и бытовые товары впрок	15%	13%	28%
Вы спорили или ссорились с близкими людьми на политические темы	20%	17%	41%
У вас случались приступы тревоги или депрессии	32%	29%	58%
Чувство тревоги или депрессии			
Не чувствует	81%	88%	37%
Чувствует	15%	11%	57%
Эмиграция близких из РФ			
Да, эмигрировал	7%	2%	31%
Нет, не эмигрировал	92%	97%	68%
Готовность к эмиграции из РФ			
Да, хотел бы	10%	3%	41%
Нет, не хотел бы	89%	97%	58%
Личный эффект от санкций			
Да, ощутил	41%	36%	72%
Нет, не ощутил	56%	62%	26%

Значимо меньше Total — Значимо больше Total

На одного ядерного «пацифиста» приходится трое «милитаристов».

Обращаем внимание (особенно журналистов), что эти два *ядерных кластера* с определенными установками вокруг операции описывают всего лишь 22% опрошенных, остальные почти 80% представляют сложный конгломерат различных моделей отношения к военной операции. Это большое количество людей, которые растеряны или, наоборот, уверены в победе, сущность которой они не могут описать, они затрудняются сформулировать свои мысли, у них нарастает тревожность и депрессия или развивается эйфория.

Для нас как исследователей эта нелинейность восприятия военной операции означает одно — экспериментировать: искать вопросы, подходы, которые позволят нам в условиях вербальных ограничений приблизиться

к пониманию внутренней модели отношения людей к ситуации вооруженного конфликта.

Post Scriptum

Поддержка Путина и военной операции, очевидно, численно большая, но это не 70–80%, и даже не 60%, полученные в проекте проекта «Хроника». Анализ показывает, что некорректно говорить о единстве и монолитном большинстве, поддерживающем изменчиво формулируемые приказы главнокомандующего.

Пока же наиболее универсальной и близкой к реальности формулой отношения к кампании в Украине нам представляется распределение 50/30.

DOI: 10.55167/2b2e89acaf36

Кооперация респондентов в опросах на тему военных операций

Владимир Звоновский
Доктор социологических наук

23 апреля 2022 г.

Материал написан по заказу агентства ExtremeScan, на основе данных опросов, проведенных ВЦИОМ, ФОМ, а также группами независимых исследователей.

Вскоре после начала войсковой операции против Украины российский законодатель разработал ряд законов, ограничивающих свободу выражения и оценок деятельности различных государственных институтов, в частности вооруженных сил.

Проведенные после принятия законов опросы показали высокую поддержку действий российских войск.

Значительная часть наблюдателей и даже социологов-теоретиков выразила сомнения в самой возможности проведения опросов населения в условиях войны. Например, философ и социолог Григорий Юдин прямо заявляет: «Я бы запретил проведения опросов в военных условиях».

Так или иначе, специалисты выдвигали две гипотезы.

Прежде всего, гипотезу о том, что потенциальные респонденты отказываются от участия в опросах. В этом случае должна была вырасти доля отказов по сравнению с аналогичными опросами, проведенными ранее.

Вторая гипотеза состояла в том, что значительная часть респондентов участвует в опросах, но отвечает уклончиво, с опаской или вовсе следует социальной норме, воспроизводя распространенные утверждения, а не собственную точку зрения.

Основные выводы

- Число отказов от участия в опросах, проведенных в условиях проведения Россией военных действий в Украине, по сравнению с опросами 2022 года не увеличилось. Гипотеза об уменьшении кооперации респондентов доли не подтвердилась
- Влияние остроты темы опроса на готовность респондентов к сотрудничеству также не обнаружено.
- Тем не менее противники доминирующей, государственно одобренной точки зрения участвовали в опросе с опаской, в связи с чем необходимо полагать, что формулировки и последовательность вопросов, длина, ва-

риативность и гибкость шкал могут оказывать значимое влияние на распределение ответов на ключевые вопросы.

- Противники военных действий настолько потрясены противоположной точкой зрения и долей ее приверженцев, что предполагают, что тех запугали и лишь по этой причине они выражают поддержку войсковой операции.

Динамика отказов

В первом случае должен был вырасти показатель отказов в массовых социологических опросах. Однако параданные, собранные в ходе регулярных RDD-опросов (по случайной выборке телефонных номеров), репрезентирующих население РФ, не показывают сколько-нибудь значимых изменений в кооперации респондентов.

Согласно же полученным данным, никакого значимого роста показателя отказов в марте 2022 году по сравнению с 2021 годом нет (6–7%%).

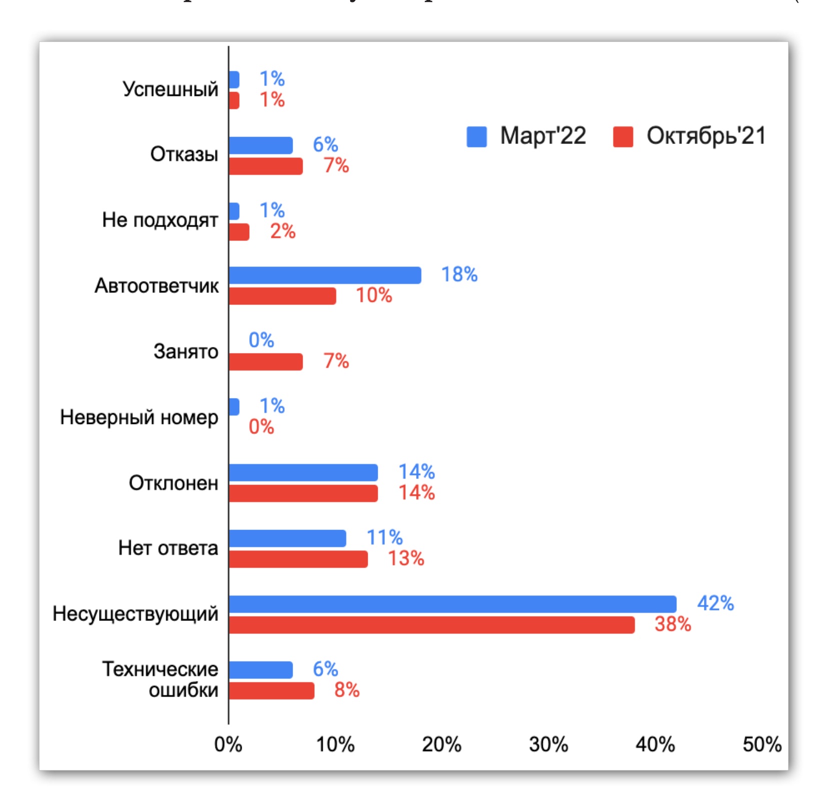

Рис. 1. Динамика статусов попыток контакта с респондентами в ходе общенациональных опросов в РФ (2021–2022)

Это противоречит данным компании Russian Field, представившая свои данные (https://russianfield.com/mirumir). Однако она не приводит ни точного описания метода сбора данных (в частности, путает квотный

и случайный методы сбора), не указывает, когда именно и на каких выборках были собраны массивы в 2021 году.

Другие исследователи указывают на смещения структуры финальной выборки как следствие уклонения части потенциальных респондентов от участия в опросе. Так, Михаил Дымшиц, опираясь на данные ВЦИОМ о проникновении интернета, делал предположение, что в выборке стало значимо меньше пользователей интернета, а значит, и молодых образованных россиян. Об этом же говорит Алексей Киреев (https://kireev.livejournal.com/1969621.html), ссылаясь на данные фонда «Общественное мнение».

Действительно, если рассматривать более длительный период времени, например с декабря 2021-го по март 2022 года, можно увидеть значимые колебания этих параметров.

Как видно из рис. 2, доля самой младшей возрастной группы хотя и колебалась между 5 и 8% на протяжении всего периода, в другие периоды (декабрь 2021 года) эта доля составляла 6%.

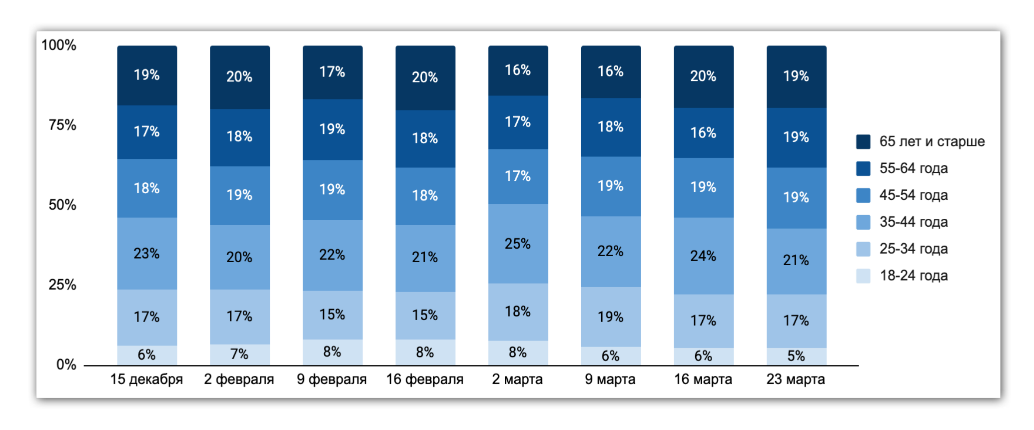

Рис. 2. Динамика представленности в финальной выборке различных возрастных групп в ходе ежедневных опросов «Спутник» (ВЦИОМ, N = 1600, 2021–2022, невзвешенные данные)

Однако в целом если средняя доля молодежной группы в первые четыре измерения (см. рис.2), то есть до начала боевых действий, составила 7%, то после их начала она сохранилась на уровне 6%. Это уменьшение для таких больших выборок (1600 для одной даты измерения и 6400 — для четырех) является значимым на уровне 95%. Иначе говоря, в условиях боевых действий от участия в опросах уклоняется младшая возрастная группа.

Качественные исследования также показывают, что именно молодые респонденты демонстрируют наибольшую настороженность в обсуждении темы войны и мира.

Отчасти это показывают и проведенные количественные исследования, в которых молодежные группы чаще всего дают неопределенные

ответы. Сейчас сложно говорить о причине уклонения от участия именно этой группы.

Можно предположить, что для молодых мужчин важным фактором является экзистенциальная угроза, ведь именно они должны будут призываться на фронт, и, может быть, поэтому они предпочитают уклоняться от обсуждения данной темы с незнакомыми людьми, которые могут быть аффилированными с государственными структурами, осуществляющими мобилизацию.

Тем не менее небольшие колебания в социально-демографической структуре выборки не могут привести к существенным изменениям распределения ответов на содержательные вопросы.

Как видно на рис. 3, даже при значимом смещении представленности молодежных групп выборка не перестает охватывать аудиторию активных интернет-пользователей.

Как видим, обнаруженное нами смещение не приводит к смещению даже в такой зависящей от возраста переменной, как пользование интернетом. И мы можем предположить, что и смещения в отношении к вторжению в этой связи не возникает.

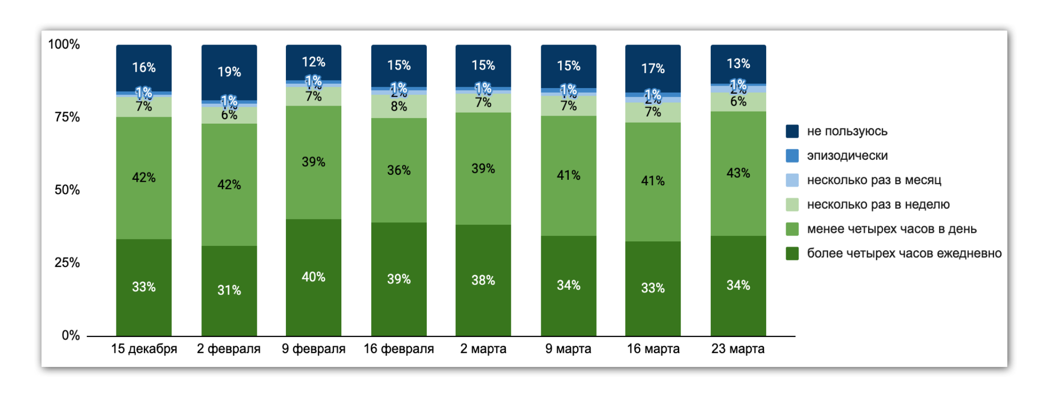

Рис. 3. Динамика представленности в финальной выборке групп с различной интернет-активностью в ходе ежедневных опросов «Спутник». (ВЦИОМ, N = 1600, 2021–2022, невзвешенные данные)

Также были прослушаны интервью, в которых респонденты отказались от участия в исследовании. Часть потенциальных респондентов (3 из 32 случайно отобранных прослушанных прерванных интервью) высказались относительно темы опроса (все — мужчины 30–40 лет).

После приветствия интервьюера, включавшее в себя обозначение темы опроса, один утверждал, что «Россия победит». Двое других сказали, что «на Украине нет военных действий». Исходя из содержания того, что утверждали состоявшиеся респонденты, подобные тексты характеризуют скорее сторонников войны, чем их противников.

Можно предположить, что, если бы этих отказавшихся респондентов удалось бы убедить принять участие в опросе, они скорее высказались бы в поддержку принятого решения.

Разумеется, респонденты могли прерывать интервью и в ходе самого интервью. Прежде всего необходимо помнить, что в телефонных опросах используется технический канал связи и в его работе происходят прерывания, отчасти вызванные техническими причинами (он не идеален).

Также респонденты устают, их отвлекают и т. д. Иначе говоря, прерывания не обязательно происходят по причине нежелания респондента обсуждать данный вопрос.

Влияние темы опроса и чувствительности отдельных вопросов для респондентов можно обнаружить лишь там, где происходит прерывание у большого числа респондентов. Если же число актуальных респондентов снижается постепенно, мы, скорее всего, имеем дело с техническими проблемами и банальной усталостью респондента (физической или ментальной).

Интервью начиналось с вопроса о регионе проживания. На него ответили 2439 респондента, на последний вопрос ответили 1627. Причем почти 75% всех прерываний произошло на первых пяти содержательных вопросах.

Скорее всего, тема и характер вопросов не позволили части респондентов продолжить интервью, хотя во вступлении его тема и называлась. В целом сокращение числа респондентов по ходу интервью в данном опросе не отличалась от многих других сходных с ним по теме и длительности.

Неверно было бы утверждать, что отказ от обсуждения данной темы связан с боязнью каких-либо санкций за «неверные ответы». Как показывает опыт, чаще всего респонденты считают себя недостаточно компетентными для суждений по той или иной теме. Поэтому наибольшие потери выборочная совокупность несет на первых вопросах интервью, когда респонденты решают уклониться от неинтересной для них темы разговора.

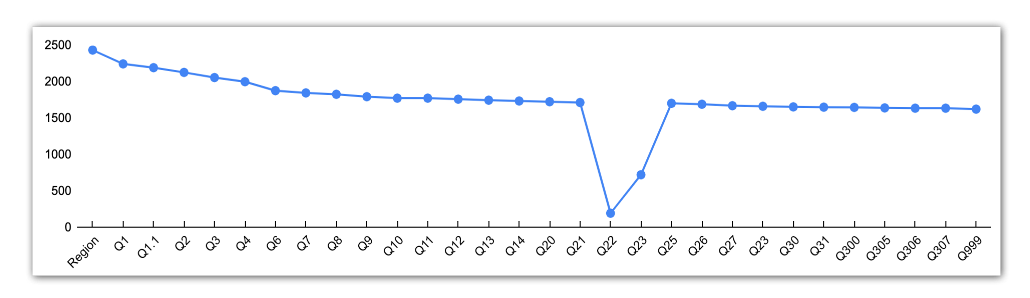

Рис. 4. «Осыпание» объема выборки в ходе телефонного интервью от первого вопроса до последнего ExtremeScan (Опыты, март 2022 г. Вопросы Q22–Q23 задавались только части выборки респондентов)

Искренность респондентов

Рассмотрим теперь вторую возможную причину смещения в проведенном измерении: неискренность респондентов, привлеченных в интервью.

Интервьюеры после проведенного интервью оценивали кооперацию каждого респондента по трехбалльной шкале. Если в начале операции доля замкнутых и говорящих с опаской респондентов составляла 8%, то через месяц их доля составила уже 7%.

Скорее всего, происходит либо вымывание из выборочной совокупности настороженных респондентов, либо дополнительное привлечение в нее тех, кто воодушевлен темой.

Таблица 1. Динамика оценок кооперации респондентов в опросах по теме военной операции (ExtremeScan, Афина, Опыты)

	28.02-1.03	18-20.03
Замкнутые респонденты	8%	7%
Сотрудничающие респонденты	67%	63%
Воодушевленные респонденты	25%	30%

Больше всего воодушевлены интервью старшие поколения россиян. Их готовность отвечать на вопросы чаще всего отмечают интервьюеры. Напротив, студенты и учащиеся чаще других отвечают с опаской.

Значимо больше опасающихся отвечать среди тех, кто не поддерживает военные действия ВС РФ в Украине (10% vs. 4% среди поддерживающих), среди тех, чье социальное окружение либо также не поддерживает военные действия, либо доля сторонников и противников войны распределена примерно поровну (10 и 12 соответственно).

Также высок уровень настороженности в интервью среди не доверяющих российским госСМИ (14%), Владимиру Путину (10%) и уверенных в том, что Россия сегодня движется по неверному пути (12%).

Выше доля опасающихся среди сторонников мирных переговоров России с Украиной (7%), с Западом (7%), прекращения военных действий и вывода российских войск с Украиной (9%).

Как видим, чаще всего открытого и искреннего разговора опасаются противники нынешнего курса российского руководства, поэтому исследователи должны сегодня учитывать такое смещение внутри выборочной совокупности при анализе собранных данных. Также это указывает и на очевидно более высокую сдержанность противников нынешнего курса

России вообще и военного противостояния с Украиной, в частности в презентации личной точки зрения.

Таблица 2. Доля замкнутых респондентов среди различных социальных групп март 2022 г. (ExtremeScan, Опыты)

	Все опрошенные	**7%**
Возраст	18-29 лет	10%
	30-44 года	7%
	45-59 лет	7%
	60 лет и старше	3%
Личная поддержка операции	Не поддерживают	4%
	Поддерживают	10%
Поддержка операции в окружении	Поддерживают	2%
	Кто-поддерживает, кто-то нет	12%
	Не поддерживают	10%
Доверие программам российских телеканалов	Доверяют РосТВ	3%
	В чем-то доверяю, в чем-то нет	7%
	Не доверяют РосТВ	14%
Страна движется в правильном направлении или по неверному пути?	В правильном	4%
	По неверному пути	12%
Продолжение военных действий вплоть до полной капитуляции Украины	Согласны	3%
	Не согласны	11%
Вывод российских войск из Украины	Согласны	9%
	Не согласны	3%
Прекращение военных действий и начало переговоров	Согласны	8%
	Не согласны	3%

Оценка потенциальной агрессии

Любое военное противостояние для населения, вовлеченного в него даже частично, является эмоционально острым и чувствительным.

При обсуждении данной темы люди могут испытывать не только воодушевление от единения друг с другом, но опасение возможной агрессии со стороны окружающих, имеющих иную точку зрения. При этом неважно, разделяет ли эту точку зрения большинство, агрессия может исходить и от представительства меньшинства.

Чуть более четверти (27%) россиян полагают, что люди вокруг них боятся высказывать свою точку зрения о войне в Украине. Почти две трети (62%), напротив, считают, что окружающие говорят открыто, без опаски.

Таким образом, на одного опасающегося агрессии со стороны окружающих приходится более двух, кто такой агрессии не боится. При этом

доля выступающих против вторжения в марте была почти вдвое ниже — 15%.

Нет оснований утверждать, что люди высказывают иную точку зрения, не соответствующую своей реальной, и поэтому следует приписать им меньшую поддержку операции, чем она высказана, но мы можем проверить, существует ли связь между опасением высказываться откровенно и оппозицией правительственному решению.

Можно предположить, что, говоря об опасениях других, респонденты подразумевают угрозу возникновения агрессии для себя со стороны других участников коммуникации. Опасаются говорить те, у кого собственная точка зрения не совпадает с точкой зрения ближайшего окружения.

Высокий показатель ожидания агрессии указывает на группы, которые чувствуют свою наибольшую отчужденность от большинства.

Для того чтобы упростить описание различных групп будем использовать индекс потенциальной агрессии — отношение доли тех, кто опасается агрессии к доле тех, кто ее не боится.

Равенство данного показателя единице указывает на баланс опасающихся и не опасающихся агрессии в данной группе, чем он ближе к единице, тем чаще в опасности чувствуют себя ее представители. В целом по РФ он равен 0,44.

Наиболее отчужденной от большинства населения России группой ощущают себя молодые россияне, то есть прежде всего те, ради кого все это и задумывалось, с одной стороны, а с другой, те, кому данную задумку предстоит реализовывать на поле боя.

Столь же остро несовпадение своих представлений о войне и мире с большинством испытывают те, кто использует VPN, сервис, который позволяет обходить ограничения, вводимые государством на информационные обмены в интернете, то есть те, с кем российское государство уже ведет информационную войну.

Значимые отличия можно видеть между занятым населением, особенно занятым в частном секторе, и неработающими пенсионерами. По-прежнему ближе к большинству себя ощущают наиболее доходные группы населения. Напротив, те, чьи доходы невелики, полагают, что их точка зрения отличается от большинства.

На периферии поддержки специальной военной операции чувствуют себя жители столиц и Северного Кавказа, а вот единство с участниками боевых действий испытывают жители приграничных, по сути прифронтовых, регионов (Брянская, Курская, Белгородская, Воронежская, Ростовская области и Республика Крым), а также ЮФО.

Очевидно, что опасаются обсуждать общественно острую тему те, у кого собственная точка зрения не совпадает с точкой зрения ближайшего окружения. В зависимости от того, совпадает ли точка зрения человека

	Индекс потенциальной агрессии		
	РФ в целом	**0.44**	
Возрастная группа	18-29 лет	1.21	
	30-44 года	0.56	
	45-59 лет	0.25	
	60 лет и старше	0.23	
Использование VPN	Не пользуются интернетом	0.24	
	Не знают про VPN	0.30	
	Используют VPN	1.07	
	Не используют VPN	0.52	
Уровень дохода	Низкие доходы	0.63	
	Низкие средние доходы	0.49	
	Высокие средние доходы	0.42	
	Выскоие доходы	0.34	
Федеральный Округ с выделением регионов	ЮФО	0.25	
	ДФО	0.26	
	Приграничные регионы	0.31	
	СФО	0.39	
	ПФО	0.40	
	СЗФО	0.48	
	ЦФО	0.50	
	УФО	0.51	
	СКФО	0.61	
	Москва+СПб	0.68	
Образование	Среднее и ниже	0.36	
	Среднее специальное	0.36	
	Высшее, вкл. незакон.	0.53	
Занятость	Пенсионеры	0.21	
	Учащиеся	0.81	
	Безработные	0.52	
	Домохозяйки	0.80	
	Гос сектор	0.44	
	Частный сектор	0.59	

Рис. 5. Индекс потенциальной агрессии в разных социальных группах (ExtremeScan, Опыты, март 2022 г.)

с точкой зрения большинства его окружения, мы разделили население РФ на шесть групп. В табл. 3 мы приводим данные по пяти группам, поскольку

в шестую группу вошли респонденты, которые затруднялись или отказывались отвечать на соответствующие вопросы. Таких оказалось 7%.

Можно было бы предположить, что чаще всего опасаются высказываться те россияне, чье окружение разделилось между сторонниками и противниками войны примерно поровну.

Действительно, в смешанной среде оценка агрессии выше (51%), чем в среднем (27%), и гораздо выше, чем в среде единодушной поддержки (14%). Но абсолютного максимума этот показатель достигает в группе единодушного несогласия — 75%.

Как видим, опасения в агрессии окружающих высказывают вовсе не те, кто живет среди противников, а живущие среди сторонников, но несогласные с большинством.

Можно предположить, что те, кто вместе со своим окружением выступает против войны, пытаются найти объяснения слабой распространенности своей точки зрения и находит его в приписывании агрессии в отношении сторонников своей точки зрения.

Они настолько шокированы противоположной точкой зрения и долей ее приверженцев, что предполагают, что тех запугали и лишь по этой причине они выражают поддержку вторжению, а на самом деле, они выступают против военных действий.

Таблица 3. Доля опасающихся агрессии в группах с разной поддержкой вторжения (ExtremeScan, Афина)

	Говорят открыто, без опаски	Боятся высказываться
Поддержка / несогласие с военной операцией		
Единодушная поддержка (66%)	76%	14%
Единодушное несогласие (7%)	25%	75%
Противники в окружении (2%)	34%	59%
Сторонники в окружении (0.3%)	50%	25%
Смешанная среда (18%)	37%	51%

Заключение

1. Гипотеза об изначальном отказе от участия в опросах именно противников войны не подтверждается.

2. Ощущение потенциальной агрессии выше всего в той группе, где его, на первый взгляд, не должно быть. Оно возникает в группе несоглас-

ных с военной операцией, кто встречает вокруг себя такое же единодушное несогласие. Идейная депривация от сторонников операции и уверенность в распространенности своей позиции рационализируется в форме приписывания высокого уровня поддержки военной операции — опасению потенциальной агрессии.

3. На измерения отношения к войне несомненно влияет опасение ее противников высказываться ясно и последовательно. Влияние есть, оно эмпирически подтверждено и статистически значимо. Однако для ответственных исследователей напрямую вычислять на этой основе «реальную» долю сторонников войны не представляется возможным.

Мы пока не понимаем всего механизма формирования общественного мнения на эту беспрецедентно критическую тему. Мы можем только моделировать эти доли и продолжать исследования для развития нашего и общественного понимания.

Продолжение следует.

DOI: 10.55167/4a1406177bb7

Зеркало «военной операции»

Елена Конева, Александр Чилингарян

19 мая 2022 г.

Этот пострелиз необычный, он основан на проекте «Хроники» в России и исследовании украинской компании Info Sapiens.

Социологи двух воюющих стран продолжают делать свою работу, несмотря на цензуру в России и ужасы войны в Украине.

Факты

Украина: беженцы, экономические и гуманитарные последствия

На 21 апреля 2022 года, внутри Украины переместились 7,7 млн жителей Украины, а за пределы выехали 5,3 млн.

По оценкам, готовы к перемещению внутри страны и за рубеж, но пока не имеют возможности еще 12 млн украинцев.

Таблица 1. Перемещение украинских беженцев внутри страны и за рубеж, по данным BBC (https://www.bbc.com/news/world-60555472)

Страны перемещения беженцев	Кол-во беженцев
Польша	2 968 716
Румыния	801 453
Россия	641 752
Венгрия	507 849
Молдова	439 290
Словакия	363 940
Беларусь	24 857

ООН, авторитетные иностранные медиа, такие как The Guardian, BBC, The Washington Post, проводят собственные независимые расследования перемещений населения, включая практику насильственной депортации украинцев в Россию.

В условиях острой потребности в информации социологические исследования становятся не только инструментом изучения мнений, но и самой статистикой гуманитарных процессов.

За время военной операции Info Sapiens сделали 15000 телефонных и онлайн интервью.

Основу опросов составляют мониторинговые вопросы, позволяющие оценить динамику развития гуманитарного, экономического и психологического статуса населения Украины.

Важными и в значительной степени уникальными показателями являются измеряемые последствия военной операции в Украине.

Мы приводим сопоставительный анализ данных по России и Украине. По украинским данным мы даем также цифры оценки процентов в абсолютных величинах

Таблица 2. Экономические и психологические последствия, по данным исследований «Хроники», 4-я волна в России и Info Sapiens в Украине

	Россия	Украина
Доход семьи снизился	39%	41% (16 млн)
Сократили на работе	3%	19% (7 млн)
Закупали продукты и бытовые товары впрок	15%	—
Приступы тревоги или депрессии	34%	—

Имеет смысл осознать эти цифры — последствия военной операции России, в которой официальной целью являются военные объекты, места дислокации ВСУ: миллион голодающих, 2,5 млн не получивших медицинскую помощь, 3,6 млн потерявшие свое жилище и имущество, 8 млн разлученных с семьями, два с лишним миллиона украинцев, у которые близкие погибли или потеряли здоровье.

Все эти цифры за месяц уже устарели, и сегодня они могут быть только больше.

Таблица 3. Гуманитарные последствия войны в Украине, по данным исследования Info Sapiens

	Процент	Население
Неоказание надлежащей медицинской помощи	7%	3 млн
Голод	2%	714 тыс.
Потеря, разрушение дома или имущества	9%	4 млн
Разъединение семьи	22%	8 млн
Потеря жизни или здоровья	6%	2 млн
Насильственный вывоз в Россию	1,0%	390 тыс.
Пытки, издевательства	1,4%	533 тыс.
Неправомерная мобилизация	1,3%	480 тыс.

Ничего из этого	27%	10 млн

Ценность опросов Info Sapiens состоит еще и в том, что они отражают динамику важных процессов и сопоставимы с доступной официальной статистикой.

По вопросам, не имеющим пока других источников, они могут служить ориентиром

По данным исследования Info Sapiens на середину апреля 18% украинцев покинули свой дом. В проекции на население (36 367 000 с учетом 4,8 млн беженцев, покинувших Украину на 1 апреля) это составляет 6 546 060 человек. Данная оценка соответствует официальным цифрам.

С начала марта, по данным ООН, Украину покинули более 4,8 млн беженцев (по состоянию на 15 апреля 2022 года), а примерно 7,1 млн человек были перемещены внутри страны (по состоянию на 1 апреля 2022 года).

Таблица 4. Перемещение населения внутри Украины, по данным исследования Info Sapiens

Место пребывания	
У себя дома	82%
Переехали в пределах своей области	5%
Переехали в другую область	13%

По данным Info Sapiens, около 400 000 украинцев были насильственно вывезены в Россию. Здесь не учтены сироты, которые также подверглись депортации в Россию, поэтому оценка снизу.

Украинская омбудследи Людмила Денисова дает оценку перемещения не менее 400 000 граждан Украины в Россию (Euro News 30.03.22). На конец апреля, по ее же оценкам, идет речь о 900 000 человек.

Сталкивались в России с беженцами из ЛДНР 13% респондентов, 9% — из Украины. Это, конечно, пересекающиеся группы.

В целом 16% респондентов сталкивались с теми или другими беженцами, это полтора миллиона свидетелей, что вполне соответствует значительной оценке количества беженцев и значительному территориальному их распределению.

Таблица 5. Беженцы в регионах РФ, по данным ExtremeScan, проект «Хроники»

	Лично сталкивались с беженцами в РФ после начала военной операции								
	Total	ЦФО	ЮФО	СЗФО	СКФО	ПФО	УФО	СФО	ДВФО
Из ЛНР/ДНР	13%	16%	25%	16%	12%	9%	5%	8%	8%
Из Украины	9%	13%	18%	8%	5%	5%	5%	4%	8%

Значимо меньше Total | Значимо больше Total

По данным UNICEF, на 31 марта 2 млн детей выехали из Украины и дополнительно 2,5 млн детей стали внутренними переселенцами. Таким образом, доля детей, вынужденных покинуть свои дома вследствие продолжающихся атак на городские районы, превышает 60%.

По данным Info Sapiens, огромная доля — 88% — покинувших Украину беженцев сохраняют желание и намерение вернуться домой. По оценкам ООН, каждый день возвращаются до 30 000 беженцев, таким образом, есть оценка, что более одного миллиона уже вернулись (https://news.un.org/ru/story/2022/04/1421952).

Россия: эмигранты военной волны

В первые недели и в течение двух месяцев войны из России уехало много граждан. Встречаются очень разные оценки количества людей в военной волне эмиграции.

Эксперты-демографы говорят о нескольких сотнях тысяч. Последние данные, источник которых приписывают ФСБ, говорят об отъезде за первый квартал 2022 года 3,8 млн человек.

Данные по въезду в другие страны еще не аккумулированы. Наверное, точные данные будут известны нескоро, слишком много сторон, заинтересованных в манипуляции.

По данным проекта «Хроники», 7% заявили, что кто-то из близких покинул Россию. Это дает вдвое большую цифру — около 8 млн, но вполне вероятно, мы померяли более длительный период. С 2000 года показатель оттока из России составил 5 млн. Похоже, что общие масштабы именно такие.

Украина: последствия войны, региональный и языковый разрез

В первую очередь, очевидно, что больше всего пострадал восток Украины, куда входят Донецкая, Луганская и Харьковская области. По всем параметрам доля пострадавших больше: 31% потеряли работу против 8% в западном регионе, в четыре раза больше разлученных семей.

Пытки, издевательства, неправомерная мобилизация в четыре раза больше, чем в среднем по Украине. Соответственно доля жителей востока, не затронутая перечисленными последствиями военных действий российской армии, составляет всего 9%, в то время как в Украине в целом 27%.

Ирпень, Буча, Гостомель, Ворзель, Бородянка — эти и другие особо пострадавшие населенные пункты Киевской области входят в северный регион. В этом регионе самые высокие показатели по неоказанию медицинской помощи и потери жизни и здоровья. Опрос проходил сразу после известных событий в населенных пунктах этого региона.

Таблица 6. Гуманитарные последствия войны в зависимости от регионов, по данным исследования Info Sapiens

	Total	Регион Украины					
		Запад	Центр	Киев	Север	Юг	Восток
Уменьшение регулярного дохода	33%	26%	30%	36%	44%	31%	37%
Полная потеря дохода	13%	6%	6%	13%	18%	19%	22%
Потеря работы	19%	8%	10%	22%	32%	24%	31%
Депрессия, стресс, страх	3%	2%	3%	3%	3%	5%	1%
Неоказание надлежащей медицинской помощи	7%	4%	4%	5%	11%	10%	8%
Голод	2%	1%	0%	2%	3%	4%	3%
Потеря, разрушение дома или имущества	9%	1%	3%	5%	17%	5%	33%
Разъединение семьи	22%	11%	17%	28%	20%	28%	39%
Потеря жизни или здоровье	6%	5%	4%	2%	10%	6%	8%
Насильственный вывоз в Россию	1%	2%	0%	0%	2%	0%	1%
Пытки, издевательства	1%	2%	0%	1%	1%	0%	4%
Неправомерная мобилизация	1%	0%	1%	0%	1%	1%	4%
Ничего из этого	27%	45%	37%	24%	14%	16%	9%

Значимо меньше Total Значимо больше Total

Таблица 7. Использование украинского и русского языка по регионам Украины, по данными исследования Info Sapiens

	Total	Регион Украины					
		Запад	Центр	Киев	Север	Юг	Восток
На украинском	52%	94%	58%	30%	58%	19%	18%
На русском	19%	1%	13%	24%	17%	36%	41%
Одинаково часто на обоих языках	26%	4%	27%	45%	22%	43%	39%

Значимо меньше Total Значимо больше Total

Мы сконцентрировали в этой таблице экономические последствия военной операции в разрезе основного используемого языка и регионов с преимущественным использованием украинского и русского языка.

Картинка настолько яркая, что не нуждается в подробных комментариях. Очевидно главное: по всем позициям, экономическим и гуманитарным, русскоязычные граждане Украины пострадали в наибольшей степени: разрушение городов, потеря жизни и здоровья, потеря работы и дохода, принудительная депортация в Россию, неправомерная мобилизация и даже пытки.

Сразу после начала операции (по данным проекта Афина 28.02–01.03.22) 32% респондентов считали, что ее главной целью является защита русскоязычных граждан Донбасса. Следующая позиция — безопасность России — набрала тогда вдвое меньше.

Можно ли дать какое-то рациональное объяснение, как эти результаты двух месяцев военной операции сочетаются с объявленными властью

и усвоенными населением целями защиты интересов и жизни русскоязычных граждан Украины?

Мысли и чувства

Мы задали украинским и российским респондентам несколько одинаковых вопросов. Один из них касался уверенности людей в своем влиянии на свою жизнь в контексте происходящих событий.

Таблица 8. Личное влияние на свою жизнь в контексте событий в Украине и России. По данным Info Sapiens и ExtremeScan, проект «Хроники»

	Украина	Россия
Могут влиять	53%	38%
Не могут влиять	18%	36%

Между украинцами и русскими обнаружена существенная разница. Жертвами в большей степени выглядят россияне, несмотря на обстоятельства. Это говорит о более глубоких корнях внешнего локуса контроля, то есть национального делегирования ответственности вовне: 78% тех, кто поддерживает военную операцию, чувствуют доверие (к действиям власти), и это важное основание для поддержки.

> Недостаточность субъектности россиян отчетливо проявляется в ответах на вопросы «Должна ли РФ завершить военную операцию как можно скорее» и «Если бы дальнейшее развитие военной операции зависело лично от вас, вы бы прекратили операцию прямо сейчас?». На первый вопрос утвердительно ответили 30%, а на второй всего 19%. То есть треть россиян, которые считают, что война должна быть прекращена, не готовы были бы ее прекратить сами, потому что боятся личной ответственности: а вдруг «не все так однозначно» (из пресс-релиза Info Sapiens).

Это и есть основное различие между двумя народами: россияне настроены на подчинение, патернализм снимает ответственность за принятие решений, делает восприятие текущей исторической ситуации выжидательным и расслабленным.

Анархизм украинцев приводит к критическому восприятию действий власти, непредсказуемости граждан и при этом к невероятной сплоченности в моменты совместных испытаний и искренней спонтанной консолидации «под флагом». По данным Info Sapiens президентский рейтинг В. Зеленского вырос с 26% среди тех, кто определился с выбором в феврале перед войной, до 82% в военном апреле 2022 года.

Сочувствие россиян к русским и украинцам

Мы задавали российским респондентам вопрос о сочувствии обоим народам — «простым россиянам» и «простым украинцам». Цифры сочувствия/несочувствия к двум воюющим народам удивительно совпали.

Но если посмотреть на пересечения этих групп, можно увидеть более показательную комбинаторику.

Таблица 9. Комбинаторика сочувствия По данным ExtremeScan, проект «Хроники»

	Total
Сочувствует всем	51%
Сочувствует украинцам, но НЕ россиянам	5%
Сочувствует россиянам, но НЕ украинцам	6%
НЕ сочувствует никому	4%

Остальные 34% — люди, затруднившиеся ответить по обоим или одному из двух вопросов.

Казалось бы, как минимум половина респондентов оказывается сочувствующей обеим сторонам. Достаточная основа для перемирия? Однако более глубокий взгляд обнаруживает амбивалентную природу этого сочувствия.

Демографических особенностей немного, но они есть. Мужчины, молодежь, люди с высоким доход менее эмпатичны. Женщины, люди старшего возраста, люди с низким доходом — более.

Таблица 10. Сочувствие украинцам и русским, по данным ExtremeScan, проект «Хроники»

		Пол		Возраст		Доход	
	Total	Мужской	Женский	18-34 года	55+ лет	Низкий	Высокий
Сочувствует всем	51%	46%	54%	44%	55%	58%	41%
Сочувствует украинцам, но НЕ россиянам	6%	6%	6%	6%	6%	7%	7%
Сочувствует россиянам, но НЕ украинцам	4%	7%	2%	7%	2%	4%	7%
НЕ сочувствует никому	5%	4%	6%	6%	5%	3%	8%

Значимо меньше Total   Значимо больше Total

Половина респондентов, сочувствующих обоим народам и чувствующих личную ответственность за военную операцию, поддерживают ее и не стали бы ее прекращать, даже если бы в их руках было такое право.

Как ни парадоксально, из тех, кто не поддерживают военную операцию, в 4,5 раз больше людей, не сочувствующих никому, чем среди сторонников. «Несочувствующих» также больше среди тех, кто прекратил бы военную операцию.

Таблица 11. Влияние моральной ответственности на сочувствие простым россиянам и простым украинцам, по данным ExtremeScan, проект «Хроники»

		Личная моральная ответственность за ВО		Личное желание продолжать ВО или прекратить		Поддержка ВО	
	Total	Чувствуют	Не чувствуют	Прекратил бы	Не прекратил бы	Да, поддерживаю	Нет, не поддерживаю
Сочувствует всем	51%	58%	43%	54%	49%	50%	47%
Сочувствует украинцам,	6%	5%	7%	5%	6%	7%	2%
Сочувствует россиянам,	4%	2%	6%	4%	4%	4%	1%
НЕ сочувствует никому	5%	6%	5%	10%	4%	4%	18%

Значимо меньше Total   Значимо больше Total

Сочувствие, конечно, коррелирует с повышенной готовностью принять беженцев. Интересно, что те, кто сочувствует русским и не сочувствует украинцам, демонстрируют отчетливую разницу в готовности принимать беженцев из Донбасса и украинцев: 27% против 15%.

В завершение интервью мы предложили респондентам ответить на вопрос: «Если бы у вас была возможность отправить короткую телеграмму простым гражданам Украины (России) (не власти и не военным), что бы вы написали?»

В русских телеграммах проективно можно увидеть природу сочувствия. Более артикулированно поддержку выражали респонденты, сочувствующие украинцам. Они же писали: «Не все поддерживают войну», «Простите», призывали бороться.

Однако такие телеграммы диктовала маленькая группа респондентов — всего 3%. Зато 13% пророссийских респондентов призвали украинцев сдаваться, капитулировать, складывать оружие и обещали, что Россия желает добра и освободит Украину от нацистов.

Подобное сочувствие, как и утверждение 30% ответивших, что украинцы дружелюбно встречают российские войска, — отражение неадекватности восприятия россиянами действий в Украине и статуса операции.

Подробное описание и анализ телеграмм, как и всей информации по этому совместному опыту, можно прочитать в отчетах партнеров (ссылки в конце релиза).

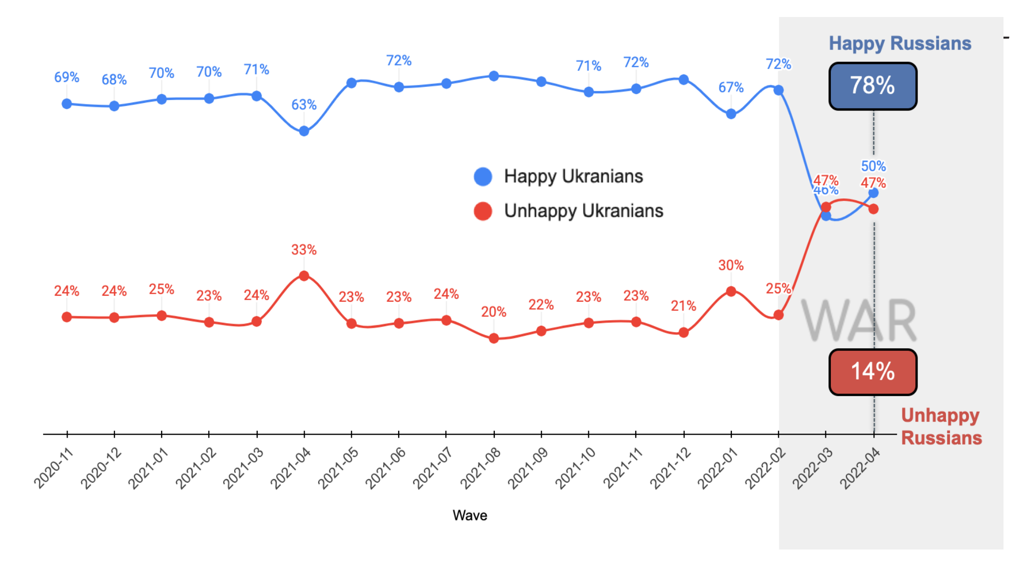
Таблица 12. Телеграммы украинцам, по данным исследования ExtremeScan, проект «Хроники»

	Total	Сочувствует всем	Сочувствует украинцам, но НЕ россиянам	Сочувствуе россиянам, но НЕ украинцам	НЕ сочувствует никому
Готовность принять беженцев из ЛДНР у себя дома					
Да, готов	34%	37%	27%	27%	28%
Нет, не готов	60%	57%	68%	67%	71%
Затрудняюсь ответить	6%	6%	5%	5%	1%
Готовность принять беженцев из Украины у себя дома					
Да, готов	31%	36%	30%	15%	22%
Нет, не готов	62%	57%	62%	83%	71%
Телеграмма					
Остановите войну, боритесь против войны	1%	1%	0%	4%	0%
Сложите оружие, сдавайтесь, капитулируйте	3%	3%	1%	10%	10%
Слова поддержки (держитесь, все будет хорошо,	21%	27%	19%	7%	14%
Не будьте нацистами, боритесь с нацизмом	2%	2%	0%	1%	6%
Россия пришла вас освободить, помочь, россияне желают вам добра	6%	7%	9%	3%	8%
Не все россияне поддерживают войну	1%	1%	6%	1%	0%
Простите	1%	1%	7%	0%	0%
Слава Украине, призывы бороться	1%	1%	4%	0%	0%
Будьте добрее	1%	1%	1%	3%	0%
Нечего сказать, нет смысла что-либо говорить	2%	1%	3%	3%	6%

Счастье

Пока военные действия происходят на территории только одной из воюющих сторон, а последствия изоляции и санкций не дали себя знать в полной мере, мы наблюдаем ситуацию «у кого-то щи пустые, а у кого-то жемчуг мелкий».

На графике мы видим три провала в ощущении счастья украинских граждан в апреле 2021 года, в январе 2022 года и последние 2,5 месяца 2022 года. Все они связаны с действиями России. В апреле произошло обострение конфликта на Донбассе, были убиты украинские военнослужащие и Россия сконцентрировала большой военный контингент на границе с Украиной. Это выглядело как подготовка к войне, и потому вырос уровень тревожности.

Динамика ощущения счастья в Украине и России. По данным исследования Info Sapiens и Extreme Scan

Россияне: зависимость счастья от отношения к военной операции

Россия сегодня декларирует уровень счастья, как в довоенной Украине.

Есть впечатление, что только небольшая доля россиян, примерно 15–20%, испытывают тревогу и депрессию.

Причем в конце марта, когда мы измеряли этот параметр, основной причиной таких настроений были локальные последствия, затронувшие респондентов лично или их семью — потеря работы и дохода.

А вот гибель, страдания людей, возможный призыв родных мужчин и родственники в армии как источник депрессии или тревоги считали немногие.

Понятно, что вопросом про счастье мы отчасти фиксируем общепринятый ответ на этот вопрос, но он отражает эмоциональное состояние общества. Чтобы понять, насколько надежно данное измерение, посмотрим, с чем коррелирует это национальное счастье.

Нельзя сказать, что это неожиданно, но состояние счастья у россиян зависит от уровня поддержки военной операции, а также от меньшего чувства ответственности за военные действия в Украине как со стороны всех простых граждан России, так и своей личной.

Противники операции в большинстве чувствуют себя несчастливыми: в нынешней ситуации трудно испытывать счастье, если ты не веришь в справедливость и оправданность военной операции, которую ведет твоя страна. Эти люди испытывают приступы депрессии, ссорятся с близкими.

Таблица 13. Дифференциация счастливых и несчастливых людей в России, по данным исследования Extreme Scan, проект «Хроники»

	Total	Уровень счастья	
		Счастливы	Несчастливы
Личный эффект в связи с событиями			
Сократили на работе	3%	2%	8%
Доход семьи снизился	39%	33%	69%
Закупали продукты и бытовые товары впрок	15%	14%	18%
Спорили или ссорились с близкими на политические темы	25%	22%	36%
Случались приступы тревоги или депрессии	34%	28%	65%
Степень беспокойства за события в Украине			
Не беспокоит	9%	8%	8%
Беспокоит	78%	78%	85%
Сочувствие к простым украинцам			
Сочувствую	67%	66%	73%
Чувствую относительно ВО в Украине			
Гордость	69%	74%	48%
Чувство справедливости	70%	75%	51%
Воодушевление	40%	43%	26%
Доверие	64%	69%	39%
Безразличие	13%	12%	18%
Тревога/страх	39%	36%	56%
Злость/возмущение	31%	26%	55%
Стыд	12%	9%	26%

Значимо меньше Total   Значимо больше Total

Их больше беспокоят события в Украине, и они несут за них личную ответственность.

Среди них вдвое больше тех, кто чувствует себя беспомощным в этой ситуации. Все, что связано со сферой экономики, финансов, прогнозом материального состояния и социальной напряженности, влияет на оценку уровня своего счастья.

Украинцы: факторы влияния на уровень счастья

Где лежит грань между украинским счастьем и несчастьем? Красная линия — потери: дохода, работы, дома, родных мест, семьи, жизни близких и здоровья.

Уместно привести цитату из отчета по другому исследованию Info Sapiens, сделанного по заказу норвежской организации Peace Research

Таблица 14. Последствия войны в Украине, их влияние на ощущение счастья, по данным исследования Info Sapiens

		Уровень счастья		Местонахождение		
	Total	**Счастливы**	**Несчастливы**	**У себя дома**	**Переехали в пределах своей области**	**Переехали в другую область**
Уменьшение регулярного дохода	33%	33%	32%	31%	45%	34%
Полная потеря дохода	13%	10%	17%	11%	20%	20%
Потеря работы	19%	16%	22%	15%	36%	32%
Другое: депрессия, стресс, страх	3%	1%	4%	3%	0%	2%
Неоказание надлежащей медицинской помощи	7%	6%	8%	7%	8%	5%
Голод	2%	2%	2%	2%	3%	4%
Потеря, разрушение дома или имущества	9%	8%	11%	4%	23%	35%
Разъединение семьи	22%	19%	24%	18%	33%	42%
Потеря жизни или здоровье	6%	5%	7%	5%	12%	7%
Насильственный вывоз в Россию	1%	1%	1%	1%	0%	1%
Пытки, издевательства	1%	1%	1%	1%	0%	2%
Неправомерная с вашей точки зрения мобилизация	1%	1%	2%	1%	3%	4%
Ничего из этого	27%	35%	19%	32%	7%	8%

Значимо меньше Total   Значимо больше Total

Institute Oslo: «В Украине истории сексуального насилия документируются правозащитными организациями и упоминаются в СМИ. Хотя сексуальное насилие может затрагивать мужчин, женщин и детей, в новостных сообщениях из Украины до сих пор подчеркивалось, что жертвами насилия становятся в основном женщины.

Данные опросов показывают, что подавляющее большинство украинцев, около 93%, слышали об изнасилованиях или сексуальных нападениях со стороны российских или пророссийских сил. Осведомленность о таких случаях примерно одинакова среди женщин и мужчин.

Более того, 20% утверждают, что лично знают кого-то, кто подвергся изнасилованию или сексуальному насилию со стороны российских или пророссийских войск с момента начала вторжения 24 февраля 2022 года.

Учитывая, что исследователи сексуального насилия в военное время предупреждают, что табу и стыд, окружающие сексуальное насилие, часто вызывают сильные опасения по поводу занижения количества сообщений, эти цифры поразительно высоки» (https://sapiens.com.ua/en/publication-single-page?id=225)

Армия менталитетов: анализ двух противостоящих групп

В завершение хочется поделиться образом определенных групп людей, сложившимся в процессе изучения данных этого зеркального исследования.

Таблица 15. Социально-демографические характеристики «адвокатов войны» в России, по данным исследования Extreme Scan, проект «Хроники»

		Total	Адвокаты войны
Уровень счастья	Счастливы	78%	92%
	Несчастливы	14%	4%
Пол	Мужской	45%	49%
	Женский	55%	51%
Возрастные категории	18-34 года	26%	27%
	35-54 года	36%	46%
	55+ лет	37%	28%
Образование	нет высшего образования	57%	49%
	есть высшее образование	43%	51%
	нет данных	0%	0%
Уровень дохода	Низкий	26%	14%
	Средний	51%	50%
	Высокий	19%	32%
Личный эффект в связи с событиями	Сократили на работе	3%	1%
	Доход семьи снизился	39%	27%
	Случались приступы тревоги или депрессии	34%	22%
Улучшилось отношении к русским за последние 1.5 месяца		27%	37%

Значимо меньше Total Значимо больше Total

Россияне: сегмент — «адвокаты войны»

Мы взяли для аналитики респондентов, ответивших на два вопроса: «В жизни нашей страны происходят исторические события, затрагивающие каждого гражданина. В этих обстоятельствах в какой степени вы лично можете влиять на свою жизнь?. — Точно могу влиять»; «Если бы дальнейшее развитие военной операции зависело лично от вас, вы бы прекратили или не прекратили операцию прямо сейчас? — Не прекратил бы».

Получилась чуть более мужская группа с ядром в среднем возрасте 35–54 года, более образованная, чем население в целом. Среди них существенно больше людей с высоким доходом. По всем параметрам они меньше пострадали от последствий военной операции. У них больше, чем у остальных, за время военной операции улучшилось восприятие русских людей.

Но главной чертой в данной сегментации стал их проактивный и позитивный настрой. Они меньше подвержены приступам тревоги или депрессии, а уровень счастья выше даже, чем по данным ВЦИОМ в целом по населению — 92%.

Мы назвали этих людей «адвокаты войны». Надо отметить, что придумывать названия сегментам очень сложно. В прошлых исследованиях мы моделировали «милитаристов». «Милитаристы», видимо большей своей частью сидят внутри наших «адвокатов», они тоже меньше пострадали от последствий санкций, менее подвержены депрессии, они чуть менее состоятельны, чем «адвокаты войны». Возможно, «милитаристы» не столь позитивны. Возможно, они поддерживают вторжение «несмотря ни на что».

А вот «адвокатам войны», похоже, военная операция нравится. Они ее поддерживают во всех формулировках вопроса. Их не страшат санкции: почти 60% считают, что санкции не могут ни на что повлиять. Все позитивные чувства относительно этого события: гордость, воодушевление, чувство справедливости — выражены у них существенно больше.

Таких людей 27%. И вот это более сущностная цифра, чем 60–80% прямой поддержки военной операции, которые показывают поллстеры.

Эти уверенные в себе люди не просто разделяют решение о вторжении, но воспринимают его как собственное. Возможно, эти люди осознают, что им предстоит переживать эти события в России и для этого надо принимать официальную позицию, иначе они должны отказаться от привычной довоенной уверенности в себе и признать себя жертвами. Таким образом, субъектность, которая в целом в обществе присутствует и без того меньше, чем в Украине, выливается в поддержку военных действий

Таблица 16. Чувства российских «адвокатов войны», по данным исследования ExtremeScan, проект «Хроники»

	Total	Адвокаты войны
Счастливы	78%	92%
Чувствую относительно ВО в Украине		
Гордость	69%	83%
Чувство справедливости	70%	84%
Воодушевление	40%	50%
Доверие	64%	78%
Должна добиваться капитуляции	59%	74%
Поддерживают военную операцию	66%	84%

Значимо меньше Total   Значимо больше Total

Украинцы: сегмент — «защитники»

Группа построена на пересечении двух вопросов:

> «В жизни нашей страны происходят исторические события, затрагивающие каждого гражданина. В этих обстоятельствах в какой степени вы лично можете влиять на свою жизнь? — Точно могу влиять»; «Как вы считаете, дела в Украине сегодня в целом идут в правильном направлении, или вам кажется, что страна движется по неверному пути? — В правильном направлении».

В данном случае одобрение пути означает не только поддержку сопротивления вторжению российских войск, но и веру в победу и в то, что после победы страна изменится к лучшему.

В комплекте с высокой личной активностью/субъектностью таких людей набралось 45%.

Мы назвали их «защитниками». Они, так же как и «адвокаты войны», более состоятельны, среди них больше мужчин, чем в населении в целом. Но они гораздо моложе, чем российская группа. Основная часть — в возрасте 20–40 лет. Стоит заметить, что поколенческая разница между Украиной и Россией замечена на многих уровнях общества. Средний возраст членов правительства РФ — 55 лет, Украины — 39 лет.

У большинства «защитников» основной язык — украинский. Западные регионы Украины в принципе более пассионарные. На Западе 59% жителей Украины верят, что могут влиять на свою жизнь. На русскоговорящем Востоке таких только 41%.

Таблица 17. Демографические характеристики «защитников», по данным исследования Info Sapiens

	Total	Защитники
Низкий доход	52%	43%
Средний доход	34%	37%
Высокий доход	10%	16%
Мужчина	45%	54%
Женщина	55%	46%
16-19 лет	4%	7%
20-29 лет	14%	21%
30-39 лет	20%	24%
Основной язык украинский	52%	60%
Основной язык русский	19%	14%

Значимо меньше Total   Значимо больше Total

Они тоже более «счастливые», чем жители Украины в целом. Они больше доверяют Зеленскому, а президентский рейтинг достигает 82%. Стоит отметить разницу причинно-следственной связи: россияне поддер-

жали военную операцию, потому что это решение Путина. «Защитники» поддерживают Зеленского за то, что он встал на защиту Украины, но они даже сегодня критикуют его, когда видят его ошибки.

За время войны «защитники» стали еще более лояльны к украинцам, чем остальные. Их чуть меньше коснулись последствия войны, они меньше боятся потери дома или имущества. Их меньше на оккупированной территории, отчасти потому, что мужчинам призывного возраста особенно опасно быть там и они чуть больше остальных боятся насильственного вывоза в Россию.

«Защитники» выглядят как основа сопротивления, их психологический статус создает основу стойкости нации. Они берут ответственность на себя и фактически являются хребтом нации.

Таблица 18. Чувства «защитников» Украины, по данным исследования Info Sapiens

	Total	Защитники
Счастливы	50%	66%
Полностью доверяют Зеленскому	65%	73%
Стали лучше относиться к украинцам	70%	79%
Не испытал последствия войны	27%	32%
Боятся потери дома или имущества	44%	36%
Ничего не боюсь	8%	9%
Боятся насильственного вывоза в Россию	34%	37%
Живут на захваченной территории	6%	2%

Значимо меньше Total   Значимо больше Total

Мы задали в обеих странах вопрос об основных чертах, присущих своему народу.

Русские «адвокаты войны» отмечают «справедливый», «сплоченный», «патриотичный».

Украинские «защитники», больше чем остальные назвали «силу духа», «преданность», «несокрушимость», «патриотизм» и, что показательно, «воинственнность». Поскольку в определении характеристик своего этноса большую роль играет проекция собственных ценностей, мы можем предположить, что в украинской группе существенную долю составляют военные, участники тероброны, волонтеры и их окружение.

Телеграммы россиян и украинцев друг другу и их пожелания

В своих телеграммах «адвокаты» писали:
Держитесь!
Россия пришла вас освободить, помочь!
Не будьте нацистами>
Боритесь против своей власти
Переходите на сторону России, помогайте российским военным
Не смотрите телевизор, не верьте своей власти
Мы одна нация, вам лучше быть с нами
Откройте глаза, начните думать

Голос «защитников»:
Откройте глаза, начните думать
Боритесь против своей власти
Заберите своих детей и мужчин, не отпускайте их на войну
Не смотрите телевизор, не верьте власти
Остановите войну, боритесь против войны
Вы плохие люди, дебилы, козлы и т. п.
Идите за российским кораблем/идите на ***
Пожелания смерти
Не ходите на нашу землю, убирайтесь с Украины
Посмотрите, что на самом деле происходит в украинских городах
Оставьте нас в покое, отстаньте
Украина победит
Почувствуйте, что пережили украинцы
Не простим, вы стали врагами
Занимайтесь своей страной

«Откройте глаза, начните думать!» — наверное, это самое массовое взаимное пожелание украинских и российских респондентов.

Мы надеемся, что наш релиз не только показал доли и проценты по разным параметрам общественного сознания, но позволил хоть немного понять масштаб последствий вторжения. Позволил заглянуть в сознание и душу людей воюющих сторон.

Данным релизом мы хотели показать, что исследование общественного мнения иногда превращается в расследование причин катастрофы, свидетелями и участниками которой мы являемся. Предстоит огромная аналитическая работа. Проводя опросы сегодня, мы накапливаем ценный материал.

Методология опросов

Методология опросов, на которых основан этот релиз (если не указано другое):

- исследование в России проводилось с 13 по 18 апреля 2022 г. (с 49 по 54 день с начала «военной операции»). Исследование в Украине проводилось 10–14 апреля;
- метод опроса — телефонное интервью по случайной выборке мобильных номеров;
- география исследования — все регионы России и Украины (в Украине — кроме территорий, оккупированных до 24 февраля);
- опрашивались граждане России и Украине в возрасте 18 лет и старше;
- всего было опрошено 1613 респондентов в России и 1000 в Украине;
- 95%-ный доверительный интервал для оценок по общей выборке с учетом взвешивания не превышает +/– 2,6 процентных пункта;
- финальная выборка взвешена по полу, возрасту, региону и типу населенного пункта.

DOI: 10.55167/4f3c3ba15ca1

Влияние социального окружения на отношение россиян к военным действиям в Украине

Владимир Звоновский
Доктор социологических наук

23 мая 2022 г.

Методологические вопросы достижимости и кооперации респондентов обсуждены в публикуемом выше материале от 23 апреля 2022 г.

После того как разобраны вопросы кооперации респондентов и ее возможного влияния на вербальную поддержку военной операции России в Украине, необходимо изучить возможное влияние социального окружения на эту поддержку. Ниже представлен анализ влияния различных факторов на отношение к проводимой военной операции. Восприятие военного конфликта между Россией и Украиной в массовом сознании определяется как личной точкой зрения, так и влиянием ближайшего окружения. Очевидно, что сторонники военного конфликта, имеющие в своем повседневном окружении таких же сторонников, имеют точку зрения и формы поведения, отличные от тех, у кого в окружении и сторонники, и противники вторжения.

Основные выводы

- Младшее поколение россиян не только меньше других поддерживает военные действия, но и находится в наиболее антивоенном социальном окружении.
- Поддержка военной операции в существенной степени определяется доверием к госСМИ, сообщающим новости о событиях в Украине. Интерес к поиску независимых источников информации в интернете, напротив, усиливает критику в отношении действий ВС РФ там.
- Готовность поддержать вторжение значимо зависит от оценки возможной длительности военных действий и самой перспективы добиться какого-то военного успеха: те, кто сомневается в быстрой и легкой победе, выступает против военных действий. Можно предположить, что изменение этих оценок будет менять и отношение к войне.
- Пропагандистское воздействие внутри военных частей, других силовых подразделений транслируется внутрь семей военнослужащих и вытесняет очевидное опасение потерять их жизнь и здоровье в ходе боевых действий. Напротив, находясь вне такого воздействия, родственники мальчиков допризывного возраста отказываются поддержать военную операцию.

- Личная и социальная поддержка/не поддержка военной операции формирует противоположные диапазоны эмоций. Для ее сторонников характерны гордость, надежда и уважение, для противников — тревога, возмущение, разочарование.
- Поддержка вторжения с момента его начала произошла главным образом за счет групп населения, для которых политическая повестка дня находится на периферии сознания. Для них вторжение — точка национального объединения, и они могут отказаться от такой поддержки, если убедятся, что военные действия поддерживают не все соотечественники.
- При доминировании провоенной точки зрения на конфликт, сторонников последовательной антиукраинской политики, то есть тех, кто считает, что соседнее государство должно быть оккупировано и аннексировано, а переговоры и мир с ним невозможны, не так много — 6%. Доли твердых «ястребов» и последовательных «голубей» вполне сопоставимо — 6 и 7% соответственно. Конечно, это не «реальное» число сторонников и противников вторжения, а лишь их наиболее последовательные фракции. Так, относящиеся к «ястребам» люди четко понимают цели, которые перед собой ставит руководство страны, и поддерживают его в этом. Есть другая, огромная часть населения, которая, возможно, и знает об истинных целях России в Украине, но пока не готова их разделить, поддерживая лишь официально заявленные цели.

Сегментация населения РФ по отношению к военным действиям

В рамках проведенного исследования респонденты отвечали на два вопроса об отношении к вторжению: личное согласие или несогласие с ним, а также оценка того, какая часть его повседневного окружения поддерживает или не поддерживает военную операцию. В зависимости от соотношения личного отношения к специальной военной операции и позиции окружения все население России было разделено на шесть групп. Принцип разделения приведен в таблицах 1 и 2.

Таблица 1. Группы отношения к военным действиям России в Украине (март 2022 г., РФ, N = 1600, Опыты)

Отношение к военным действиям	
Единодушная поддержка	66%
Противники в окружении	2%
Смешанная среда	18%
Сторонники в окружении	0.3%
Единодушное несогласие	7%
Периферия	7%

Как свидетельствуют собранные данные, в середине марта трое из каждых пяти (59%) россиян твердо поддерживали военные действия в отношении Украины, в том числе 44% считали, что в их повседневном окружении находятся почти исключительно те, кто думает точно так же, еще 9% отметили, что это большинство неполное, а 4% имели в своем окружении примерный баланс сторонников и противников. Очевидно, что человек, уверенный не только в своей правоте, но и в том, что все в его окружении думают так же, будет думать и вести себя иначе, чем в случае, когда он живет в повседневном окружении имеющих противоположную точку зрения. Однако цель данного исследования — увидеть, какие факторы повлияли на сложившееся соотношение сторонников и противников операции.

Таблица 2. Принцип формирования и наполнение групп отношения к военным действиям России в Украине (РФ, N = 1600, март 2022 г., Опыты)

	Поддерживает абсолютное большинство	Поддерживает относительное большинство	Кто-то поддерживает, кто-то не поддерживает (50/50)	Большинство НЕ поддерживает военную операцию	Практически никто не поддерживает военную операцию	Не определились	Отказ от ответа
Твердо поддерживают	44%	9%	4%	0.1%	0.1%	2%	0.1%
Скорее поддерживают	6%	7%	5%	0.2%	0.1%	1%	0.1%
Не определились	0.4%	1%	2%	0%	0%	2%	0.1%
Скорее, НЕ поддерживают	0.1%	1%	3%	1%	1%	1%	0.1%
Твердо НЕ поддерживают	0.3%	1%	2%	2%	2%	0.3%	
Отказ от ответа		0.3%	0.4%	0.1%		0.2%	

Единодушие отношения к военным действиям в различных социально-демографических группах

Наибольшее единодушие в поддержке военной операции выявлено среди старшего поколения: 79% россиян пенсионного возраста и сами поддерживают спецоперацию, и пребывают в окружении только тех, кто ее поддерживает. Среди самого младшего поколения доля таких респондентов составила лишь 42%. Почти треть их сверстников не видит вокруг себя единства мнений (31%). Эта доля также падает с увеличением возраста до 11% в самой старшей группе. Молодежь остается главной базой оппозиции вторжению (16% несогласных, пребывающих в окружении единомышлен-

ников, против 1% таковых среди самых старших респондентов). Как видим, возраст оказывает решающее воздействие на отношение к операции. Несмотря на то что основная часть информации о положении на фронтах приходит по телеканалам, а значит, ее получают члены семей разных поколений примерно в одинаковой степени, точка зрения молодежных групп значимо отличается от точки зрения их старших родственников.

Таблица 3. Единодушие оценок военных действий России в Украине в различных возрастных группах (РФ, N = 1600, март 2022 г., Опыты)

	Единодушная поддержка	Противники в окружении сторонников	Смешанная среда	Сторонники в окружении противников	Единодушное несогласие
Население РФ в целом	66%	2%	18%	0%	7%
18-29	42%	4%	31%	1%	16%
30-44	60%	2%	19%	1%	9%
45-59	72%	2%	16%	0%	4%
60+	79%	1%	11%	0%	1%

Больше всего воодушевлены интервью старшие поколения россиян. Их готовность отвечать на вопросы чаще всего отмечают интервьюеры. Напротив, студенты и учащиеся чаще других отвечают с опаской.

Россияне с высшим образованием реже едины со своим окружением в поддержке вторжения в Украину (63% vs. 69% среди имеющих более низкий уровень образования). При этом доля находящихся в смешанной среде и в среде противников военных действий также возрастают среди обладателей высшего образования (19 и 9% соответственно). Таким образом, более образованные люди не только в меньшей степени поддерживают операцию, но и пребывают в более критически настроенном к ней окружении.

Таблица 4. Единодушие оценок военных действий России в Украине в различных группах по образованию (РФ, N = 1600, март 2022 г., Опыты)

	Единодушная поддержка	Противники в окружении сторонников	Смешанная среда	Сторонники в окружении противников	Единодушное несогласие
Население РФ в целом	66%	2%	18%	0%	7%
Среднее образование и ниже	69%		15%	1%	5%
Среднее профессиональное	69%	1%	17%	1%	4%
Высшее и незаконченное высшее	63%	3%	19%	0%	9%

Постоянная актуальная связь со знакомыми и родственниками в Украине значимо ослабляет единодушное одобрение агрессии (60% vs

66% среди всех) и укрепляет единодушие в несогласии с ней (11% vs 7% среди всех). Как видим, чем актуальнее связи россиян с жителями Украины, тем ниже поддержка вторжению и выше несогласие с ним.

Таблица 5. Единодушие оценок военных действий России в Украине в группах с различной интенсивностью контактов с жителями Украины (РФ, март 2022 г., Опыты, по строке)

	Единодушная поддержка	Противники в окружении сторонников	Смешанная среда	Сторонники в окружении противников	Единодушное несогласие
Население РФ в целом	66%	2%	18%	0%	7%
Нет связей в Украине	63%	2%	19%	1%	6%
Есть не актуальные связи	73%	2%	13%	0%	5%
Есть актуальные связи	71%	3%	14%		11%
Есть постоянная связь	60%	1%	22%	1%	11%

Наличие военнослужащих в семье, напротив, усиливает поддержку военной операции (74% vs. 62% среди не имеющих военных в семье). Вероятно, пропагандистское воздействие внутри военных частей, других силовых подразделений, транслируется внутрь семей и вытесняет очевидное опасение потерять жизнь и здоровье на данной войне.

Следует обратить внимание, что поддержка родственников мальчиков и юношей младше 18 лет существенно слабее по сравнению с теми, у кого в семье молодые люди призывного возраста. Вероятно, дело не только в ведомственной пропаганде среди военнослужащих, но и в убеждениях больших социальных групп.

Таблица 6. Единодушие оценок военных действий России в Украине в группах с различной потенциальной вовлеченностью в боевые действия (РФ, март 2022 г., Опыты, по строке)

	Единодушная поддержка	Противники в окружении сторонников	Смешанная среда	Сторонники в окружении противников	Единодушное несогласие
Население РФ в целом	66%	2%	18%	0%	7%
Есть военнослужащие в семье	74%	1%	13%	1%	5%
Нет военнослужащих в семье	62%	2%	19%	0%	7%
Есть мужчины допризывного возраста (данные опроса 28.02-1.03)	36%	1%	27%	1%	19%
Есть мужчины призывного возраста (данные опроса 28.02-1.03)	58%	3%	19%	1%	9%

Единодушие отношения к военным действиям в группах с различным уровнем доверия к каналам коммуникации

Единодушие в отношении российской агрессии в существенной степени определяется доверием к СМИ, сообщающим новости о событиях в Украине. Среди доверяющих им 85% сами поддерживают операцию и пребывают в окружении сторонников вторжения, в то время как среди не доверяющих СМИ таковых лишь 19%. Напротив, доля единодушного несогласия в группе не доверяющих СМИ близка к трети (31%). Как видим, российские СМИ сегодня в значительной степени формируют представления массового сознания в отношении военной операции в Украине. Их влияние вносит решающий вклад в согласие россиян с действиями ВС РФ в Украине.

Однако неверно понимать это как чистую победу госСМИ. Во многом достигнутый успех стал возможен благодаря закрытию целого ряда негосударственных СМИ. И те россияне, кто недоволен нынешней политикой, утоляет свой информационный голод, обходя воздвигнутые государством ограничения в интернете с помощью VPN. Больше всего сторонников войны, пребывающих в окружении единомышленников, среди тех, кто интернетом не пользуется. Меньше всего таковых среди пользователей VPN. Они же чаще всего единодушно возражают против военных действий.

Таблица 7. Единодушие оценок военных действий России в Украине в группах с различным отношением к государственным и иным источникам информации (РФ, март 2022 г., Опыты, по строке)

	Единодушная поддержка	Противники в окружении сторонников	Смешанная среда	Сторонники в окружении противников	Единодушное несогласие
Население РФ в целом	66%	2%	18%	0%	7%
Доверяют СМИ	85%	1%	8%	0%	1%
В чем-то доверяют, в чем-то не доверяют	58%	3%	24%	1%	6%
Не доверяют СМИ	19%	4%	35%	2%	31%
Не пользуются интернетом	77%	0%	9%	1%	1%
Не знают, что такое VPN	70%	1%	16%	1%	4%
Используют VPN	48%	4%	23%		18%
Не используют VPN	63%	2%	20%	0%	8%

На отношение к войне влияет оценка ее перспектив. Почти половина (48%) полагающих, что Россия не достигнет военного успеха, выступает против операции и поддерживается своим окружением.

Не менее значимо отношение к войне дифференцирует ее ожидаемая длительность. Среди ожидающих окончание военных действий в ближайшие недели или месяцы сторонников войны 71–73% сами ее поддерживают и находятся в поддерживающем их позицию окружении. А вот среди опасающихся, что она затянется на длительное время, такая поддержка падает до 45%. Напротив, в этой группе возрастает единодушное несогласие с военной операцией.

Как видим, готовность поддержать вторжение значимо зависит от оцениваемых перспектив окончания военных действий и самой перспективы добиться военного успеха. Можно предположить, что изменение этих оценок будет менять и отношение к операции.

Таблица 8. Единодушие оценок военных действий России в Украине в группах с различными оценками перспектив операции (РФ, март 2022 г., Опыты, по строке)

	Единодушная поддержка	Противники в окружении сторонников	Смешанная среда	Сторонники в окружении противников	Единодушное несогласие
Население РФ в целом	66%	2%	18%	0%	7%
Несколько недель	71%	1%	15%	0%	6%
Несколько месяцев	73%	1%	17%	1%	6%
Длительная война	45%	4%	26%	0%	14%
Россия победит	72%	1%	16%	0%	3%
Неопределившиеся	32%	5%	27%	1%	11%
Россия не победит	6%	11%	32%	1%	48%

В зависимости от того, поддерживают ли россияне вторжение, они испытывают противоположные чувства в связи с событиями в Украине. Среди сторонников боевых действий, находящихся в поддерживающем их позицию окружении, тремя главными чувствами стали гордость (55%), надежда (43%) и уважение (42%). Единодушно несогласные с войной выражают другой полюс эмоций — тревогу (58%), возмущение (50%) и разочарование (41%).

Те же негативные чувства характерны и для противников вторжения, имеющих противоположное по своим взглядам окружение. Среди пребывающих в окружении разных по взглядам на ситуацию в Украине людей распространенность различных чувств более равномерна. Они чаще испытывают и негативные, и позитивные чувства: и тревогу (49%) и надежду (32%).

Таблица 9. Взаимосвязь между единодушием оценок военных действий России в Украине и личными эмоциями (РФ, март 2022 г., Опыты, по строке)

	Единодушная поддержка	Противники в окружении сторонников	Смешанная среда	Сторонники в окружении противников	Единодушное несогласие
Население РФ в целом	66%	2%	18%	0%	7%
Гордость	55%	11%	18%	25%	2%
Надежду	43%	18%	32%	13%	7%
Уважение	42%	4%	13%	25%	2%
Доверие	29%	4%	14%		2%
Тревогу, страх	25%	54%	49%	13%	58%
Радость	14%		5%		1%
Возмущение, недовольство	5%	36%	17%	13%	50%
Разочарование	4%	32%	18%	13%	41%
Раздражение	3%	21%	13%		34%
Стыд	1%	25%	12%		29%
Безразличие	1%	4%	5%	38%	7%

Динамика единодушия в оценках к военным действиям

В самом начале вторжения 47% россиян поддерживали его лично и одновременно были уверены, что внутри их ближайшего круга большинство придерживаются той же точки зрения. 14% жителей страны сами были против вторжения и полагали, что их ближайшее окружение с ними солидарно. Почти каждый восьмой (12%) либо сам не имел определенной точки зрения, либо находился в окружении обладателей различных точек зрения на ситуацию в Украине.

Среди своих оппонентов находились 3% противников и 1% сторонников вторжения. Наконец, почти каждый четвертый оставался на периферии обсуждения данной темы, они либо не имели личного мнения, либо отказывались оценивать поддержку вторжения внутри своего круга.

Через три недели боев, как военных, так и информационных, баланс сил изменился. Доля сторонников операции, пребывающих в поддерживающем их позицию окружении, выросла с 47 до 66%, а доля противников военных действий, живущих в окружении солидарных с ними людей, сократилась вдвое — с 14 до 7%. А вот доля находящихся на линии информационного фронта сократилась с 36 до 18%.

Можно выделить два направления изменений.

Во-первых, произошел значимый рост поддержки вторжения, причем рост этот произошел как за счет сокращения доли не одобряющих на-

чало боевых действий, так и за счет сокращения периферии, то есть доли тех, для кого события в политической сфере не очень актуальны.

В первые дни вторжения они не могли сформировать своего отношения к операции, а затем усвоили доминирующую точку зрения из СМИ и своего непосредственного окружения.

Во-вторых, увеличивается группа россиян, находящихся рядом и общающихся с носителями противоположных точек зрения. Они сохраняют представление о существовании различных точек зрения, для них это повседневная среда общения.

Таблица 10. Динамика единодушия оценок военных действий России в Украине в группах (РФ, февраль–март 2022 г., Опыты, по столбцу)

	28.02-1.03	18-20.03
Единодушная поддержка	47	66
Противники в окружении	3	2
Смешанная среда	12	18
Сторонники в окружении	1	0
Единодушное несогласие	14	7
Периферия	24	8

Фракции «ястребов» и «голубей»

Анкета третьей волны исследования, помимо прямого вопроса о поддержке решения военной операции в Украине, включала в себя шесть вопросов о возможных сценариях развития ситуации в Украине. Это были предположения либо военного развития вплоть до оккупации соседней страны и присоединения ее к России, либо различные варианты прекращения боевых действий, переговоров и вывода войск из Украины. По каждому предложению респондент мог либо согласиться, либо не согласиться, либо уклониться от определенного ответа.

Последовательными сторонниками военного решения конфликта были признаны те, кто наиболее последовательно поддержал точку зрения, высказанную сторонниками ликвидации независимого украинского государства.

Их позиция наиболее полно выражена в статье «Что России следует сделать с Украиной» («*В этом отношении денацифицируемая страна не может быть суверенна*», «*Сроки денацификации никак не могут быть менее одного поколения, которое должно родиться, вырасти и достигнуть зрелости в условиях денацификации*»).

Для того чтобы получить оценку максимальной поддержки «победы», понятой именно таким образом, мы агрегировали значения всех шести признаков, соответствующих установлению полного, долговремен-

ного и исключительного суверенитета России над Украиной. Это значение «согласие» с суждениями № 1 и 6 и несогласие с суждениями № 2, 3, 4 и 5. Условно назовем их «*ястребами*».

Тех, кто, напротив, оказался последовательным сторонником мирных переговоров, прекращения военных действий и вывода российских войск (согласие с суждениями № 2, 3, 4 и 5 и несогласие с №1 и 6), мы условно назвали «*голубями*», поскольку они последовательно отстаивают идею мирного добрососедства между двумя странами.

И те, и другие имеют более или менее четкие представления о будущем России и Украины. Остальные имеют менее последовательную позицию, и соответственно, они могут поменять ее под давлением обстоятельств.

Таблица 11. Доли согласившихся и не согласившихся с оценочными высказываниями относительно будущего Украины (РФ, март 2022 г., Опыты, по строке)

	Согласие	Несогласие
Продолжение военных действий вплоть до полной капитуляции Украины	71	19
Вывод российских войск из Украины	23	66
Прекращение военных действий и начало переговоров	57	35
Прямые переговоры России с Западом (Путина с Байденом)	54	34
Заключение мирного договора между Россией и Украиной	70	22
Закрепление на занятой территории Украины и присоединение ее к России	43	43

Доля «ястребов» среди россиян невелика — 6%. Это довольно неожиданно, потому что в ответе на прямой вопрос о поддержке «специальной военной операции» доля согласных составляет 78%. При этом респонденты чаще всего воспроизводят формулу, усвоенную из СМИ, в то время как агрегированный показатель отражает отношение россиян к менее формализованным в СМИ обстоятельствам боевых действий.

В таком случае мнения россиян становятся менее зависимыми от усвоенных стереотипов, и их позиция оказывается далеко не столь воинственной. Последовательную поддержку войне высказывают менее 10% тех, кто разделяет официальную точку зрения (6% против 78%). А вот сокращение числа сторонников мира не столь велико — с 16 до 7%, то есть среди противников вторжения чуть менее половины являются последовательными противниками военных действий.

Таблица 12. Доли «ястребов» и «голубей» в различных социальных группах (РФ, март 2022 г., Опыты, по строке)

		Ястребы	Колеблющиеся	Голуби
	ВСЕГО	6%	87%	7%
	Мужчины	8%	86%	6%
	Женщины	4%	88%	7%
	Санкт-Петербург	2%	78%	20%
	Москва	7%	83%	10%
Федеральные округа	Центральный	6%	88%	7%
	Северо-Западный	2%	85%	14%
	Южный	11%	86%	3%
	Северо-Кавказский	10%	89%	1%
	Приволжский	7%	86%	7%
	Уральский	4%	93%	4%
	Сибирский	4%	86%	10%
	Дальневосточный	3%	92%	5%

Здесь важно понимать, что к доле «ястребов» относится не «реальное» число сторонников вторжения, а лишь его наиболее последовательная, готовая идти до конца фракция. Входящие в нее люди четко понимают цели, которые перед собой ставит руководство страны, и поддерживают их. Есть другая, огромная часть населения, которая, возможно и знает об истинных целях России в Украине, но пока не готова их разделить, поддерживая лишь официально заявленные цели.

Естественно, доля колеблющихся и неопределенных ответов в последовательных оценках больше, чем в прямых вопросах. Тем не менее на одного последовательного сторонника вторжения в России приходится один последовательный сторонник мира. Как видим, это радикально отличается от соотношения поддержки в прямом вопросе, который учитывает лишь оценку решения руководства страны, а не возможных его последствий.

Последовательные сторонники мирных переговоров сконцентрированы в Санкт-Петербурге и в целом на Северо-Западе (20 и 14% соответственно), а вот «ястребы», напротив, проживают в южных провинциях — в Южном и Северо-Кавказском округах (11 и 10% соответственно). Возможно, причина таких отличий в традиционном авторитарном укладе жизни в большинстве южных регионах страны, подавлении оппозиции и низком уровне жизни.

Напротив, в СЗФО свобод, политических в том числе, больше: в питерском законодательном собрании есть фракция партии «Яблоко», сохраняются относительно независимые СМИ, блогеры, в относительно маленьких Новгороде и Пскове протестная активность еще в прошлые годы была выше, чем в сходных по размерам городах. Кроме того, уровень жизни в СЗФО выше среднего по стране.

Следует учитывать также, что практически все крупные города Северо-Запада (Петербург, Калининград, Архангельск, Мурманск) — это важнейшие узлы связи россиян с жителями других стран. Другими словами, чем интенсивнее обмены с жителями других стран, тем ниже доля «ястребов».

Доля «ястребов» среди мужчин вдвое выше, чем среди женщин (8 и 4% соответственно), что вполне объяснимо традиционно более высокой воинственностью мужчин. А вот доли «голубей» в обеих группах практические не отличаются (7 и 6% соответственно).

Выше было показано, что государственное телевидение формирует более воинственную точку зрения. Выход на широкий круг каналов коммуникации, особенно тех, что запрещены в РФ, делает людей более миролюбивыми. Чем больше каналов коммуникации, шире выбор, больше возможностей выйти за рамки, очерченные новым российским законодательством, тем выше доля граждан России, выступающих против продолжения боевых действий в Украине.

Среди доверяющих российским государственных телеканалам 8% относятся к последовательным сторонникам операции, в то время как среди не доверяющим им лишь 2%. Среди тех, кто телевидению не доверяет, доля последовательных сторонников прекращения огня составляет 9%, а количество «ястребов» — 5%. Как видим, госТВ формирует более последовательных сторонников войны «до полной победы».

Среди не пользующихся интернетом твердых сторонников мира вовсе не обнаружено. Среди тех, кто не знает, что такое VPN, их лишь 3%. Среди информированных о VPN, но не использующих его, доля твердых сторонников мира уже 8%. Каждый четвертый пользователь данного средства обхода цензуры в интернете (25%) – твердый сторонник мира. Чем шире и разнообразнее круг коммуникаций, тем более последовательно люди отстаивают идею мира и отрицают войну.

Таблица 13. Доли «ястребов» и «голубей» среди приверженцев различных практик получения новостей (РФ, март 2022 г., Опыты, по строке)

	Ястребы	Колеблющиеся	Голуби
Население РФ в целом	6%	87%	7%
Доверяю госТВ	8%	91%	2%
В чем-то доверяю, в чем-то не доверяю	2%	89%	9%
Не доверяю госТВ	5%	86%	9%
Не пользуются интернетом	7%	93%	
Не знают, что такое VPN	7%	91%	3%
Используют VPN	7%	68%	25%
Не используют VPN	5%	88%	8%

DOI: 10.55167/b24c41fbe198

Промежуточные итоги. Новая реальность

Елена Конева, Александр Чилингарян

Интервьюерам посвящается

Позади полгода исследований в радикально новых условиях как для исследователей, так и для исследуемых. Опросы общественного мнения в России перестали быть монополией тройки традиционных поллстеров, что не мешает подавляющему большинству либеральных комментаторов регулярно нападать на «военную социологию».

Традиционные специалисты в области социологии: политологи, политические философы и журналисты — повторяют одно и то же: «сегодня опросам нельзя верить», «если опросы и имели какой-то смысл на самом старте событий, то сегодня они бессмысленны», «опросы нужно запретить», «опросы помогают Путину»…

Если «сегодня трудно доверять опросам», легко ли было вчера?

Вчера было не так страшно. Крепкие и стабильные рейтинги поддержки Путина или «Единой России» от государственных поллстеров мало кого трогали. Выборы от рейтингов не зависели (но им соответствовали), а жизнь шла параллельным курсом.

Потом началась «военная операция», и ее поддержка/неподдержка стала фрустратором для всех, потому что теперь от нее в прямом смысле зависит жизнь или смерть — не только украинцев, но уже и своих, пока военных.

Недоверие комментаторов

На комментаторов нашел какой-то морок: в первые минуты своих выступлений они, как правило, рассуждают о недоверии опросам, прямо так и говоря: «Социологи не доверяют опросам общественного мнения». А затем долго обсуждают, интерпретируют эти опросы, создавая уникальную нишу компенсаторов отсутствия надежной социологии.

Уважаемые эксперты — иногда вопреки здравому смыслу и доступному эмпирическому опыту — закрываются от реакции общества, тем самым девальвируя результаты замеров: отсутствие у большинства населения критичности, эмпатии, социальной нравственности и политической воли, хотя опросы это показывали и до «спецоперации».

Доверие к эмпирике

Я бы рекомендовала нашим селебрити-специалистам послушать живой голос генеральной совокупности. Как ни парадоксально, отказ от интервью, сложность в понимании вопросов, опасение отвечать или неуемный энтузиазм создают чувство доверия к опросам. Ниже несколько примеров.

Искажения:

- Скажите, вы поддерживаете или не поддерживаете проведение специальной военной операции на территории Украины?
- Подождите, я не поняла. Что это значит?! У нас война?
- Нет, война уже давно идет. Сейчас — специальная военная операция
- То есть операция. Это помощь?
- Это специальная военная операция.
- Да, помощь я поддерживаю. Помогать надо.

Отказы:

- Я ничего не понимаю.
- Я человек нейтральный. Есть специальные люди, которые разберутся.
- Мне все равно.
- Всей правды все равно не скажут.

Сложность картины мира:

- Операцию поддерживаю. Путин знает, что делает. Мы его выбрали, пусть решает. Россия помогает русским. Мы победим. И после завершения интервью: — А у моей соседки сына убили. И больницы заполнены ранеными. Хоть бы уже все быстрее закончилось…

Специальная военная социология

Специальная военная операция мобилизовала независимую социологию, которая, кроме этики и методологии, не имеет служебных ограничений и не готова накладывать мораторий на свою деятельность «в условиях тоталитарного общества в состоянии войны», как это предлагают критики опросов:

Россия и Украина не первые территории «военной социологии». В Соединенных Штатах самый известный поллстерский институт Gallup проводил исследования на протяжении всей Второй Мировой войны.

> Весной 1943 года был проведен опрос общественного мнения, данные которого были засекречены. Согласно результатам, 62% опрошенных американцев согласились с утверждением, что после победы над странами „оси“ возможно построить мир без войн, а 63% поддержало мысль о вхож-

дении США, наряду с Советским Союзом, в международную организацию по обеспечению безопасности[1].

А вот просто социологические хроники начала Второй Мировой войны, с 1 сентября 1939 года и до декабря 1941 года:

> Должен ли Президент Рузвельт объявить войну Германии и Японии? (Да — 91%, нет — 7%.)[2]

Уже тогда опросы общественного мнения превратились в инструмент пропаганды. Газета The New York Times 20 августа 1934 года опубликовала результаты проведенного в Германии опроса о «конституционных поправках», концентрирующих неограниченную власть в руках Канцлера Адольфа Гитлера[3]: 90% — за.

Мне не удалось найти источников, которые бы упоминали опросы общественного мнения в нацистской Германии в более поздний период, когда война велась уже активно, зато я нашла результаты аналитической работы, связанной с многолетними исследованиями в оккупированной Германии[4]:

> В октябре 1945 года, менее чем через шесть месяцев после капитуляции гитлеровской Германии Управление военного правительства Германии (США) создало отдел изучения общественного мнения под руководством доктора Фредерика В. Уильямса. Это агентство провело 72 крупных опроса в течение следующих четырех лет, в среднем по одному опросу каждую третью неделю. Доклады, основанные на этих опросах, поступали в высшие эшелоны американских оккупационных властей.

Проект является убедительным подтверждением возможности проведения честных профессиональных исследований в экстремальных физических и этических условиях.

> В 1945 году Германия была кошмаром для вынужденных переселенцев. Как правило, 90% зданий в крупных населенных центрах было разрушено. Мосты были выведены из строя. Дороги были разбиты. Люди жили под обломками зданий. С территории, контролируемой советскими войсками, на запад хлынули потоки беженцев. Солдаты, освобожденные из плена, шли домой. Женщины и дети, ранее эвакуированные из городов, возвращались, чтобы начать восстановление. Оккупационные войска

1. : US public opinion towards USSR at WWII. URL: https://www.academia.edu/8038230/US_public_opinion_towards_USSR_at_WWII.

2. How did Public Opinion About Entering World War II Change Between 1939 and 1941? URL: https://exhibitions.ushmm.org/americans-and-the-holocaust/us-public-opinion-world-war-II-1939-1941.

3. HITLER ENDORSED BY 9 TO 1 IN POLL ON HIS DICTATORSHIP. URL: https://www.nytimes.com/1934/08/20/archives/hitler-endorsed-by-9-to-1-in-poll-on-his-dictatorship-but.html.

4. Public opinion in occupied Germany: the OMGUS surveys, 1945–1949. URL: https://archive.org/stream/publicopinionin00merr/publicopinionin00merr_djvu.txt.

и администрация заселялись в те отели и дома, которые ещё были в пригодном для жилья состоянии[5].

Первоначально отношение к проведению социологических опросов было скептическим, и не без оснований — было неясно, будут ли жители Германии честно рассказывать представителям военного правительства о своих мыслях и чувствах. Решающим фактором успеха стали сами интервьюеры — «честные, вдумчивые, чуткие»[6]. Первые интервью проводили откомандированные американцы, говорившие на немецком «как носители», а затем были отобраны и обучены немецкие граждане. Можно только представить огромную психологическую работу по подготовке американских и немецких интервьюеров, которые еще вчера были друг другу врагами. Позднее был проведён пилотаж для выяснения того, насколько различаются ответы респондентов в зависимости от того, какую организацию и какую страну называли интервьюеры при проведении опросов.

Удивительно современно звучит проблема опросов в ситуации критической зависимости участников от властей, стоящих за опросами. При этом мы видим использование методологических приемов и даже ухищрений для получения максимально надежных результатов.

Многие вопросы звучат вполне релевантно реальности 2022 года.

- Тема: реконструкция Германии.
  Вопрос: «*Какое из этих утверждений ближе всего к вашему мнению?*»
  A. Сама Германия должна нести ответственность за свое восстановление под наблюдением союзников.
  B. Германия должна быть оккупирована союзниками до тех пор, пока она не сможет сформировать хорошее демократическое правительство.
  C. Американцы должны восстановить Германию как можно скорее, чтобы она не стала добычей коммунизма.
  D. Восстановление своей страны должно быть предоставлено самим немцам без вмешательства союзников».
  Источник: Отчет OMGUS 175, июнь 1949 г., с. 57.

- Тема: перспективы объединенной Германии.
  Вопрос: «*Считаете ли вы, что союзники будут успешно сотрудничать, чтобы оставить после себя единую Германию по окончании оккупации?*»
  Источник: Отчет OMGUS 175, июнь 1949 г., с. 58.

- Тема: усилия союзников по оказанию помощи блокадному Берлину — взгляды берлинцев.
  Вопрос: «*По вашему мнению, делают ли западные державы все возможное, чтобы облегчить нужды Берлина, или они могли бы сделать больше?*»
  Источник: Отчет OMGUS 175, июнь 1949 г., с. 52.

5. Там же.

6. Public opinion in occupied Germany: the OMGUS surveys, 1945-1949, стр.xix. URL: https://archive.org/stream/publicopinioninooomerr/publicopinioninooomerr_djvu.txt.

- Тема: отношение к национал-социализму.
  Вопрос: «Был ли национал-социализм плохой идеей или хорошей идеей, которую плохо реализовали?
  Источник: Отчет OMGUS 175, июнь 1949 г., с. 9.
- Тема: правительство и расовое превосходство.
  Вопрос: «Считаете ли вы, что некоторые расы людей более пригодны для правления, чем другие?»
  Источник: OMGUS Report 100, March 194P, p. 9.
- Тема: экономическая безопасность против гарантированных свобод.
  Вопрос: «Какой из этих типов правления вы бы лично выбрали как лучший:
  А. Правительство, которое предлагает людям экономическую безопасность и возможность хорошего дохода,
  В. Правительство, гарантирующее свободные выборы, свободу слова, свободу печати и свободу вероисповедания?»
  Источник: Отчет OMGUS 175. Июнь 1949 г.
- Тема: коллективная ответственность Германии за Вторую мировую войну.
  Вопрос: «Вы думаете, что весь немецкий народ несет ответственность за войну, потому что он допустил к власти правительство, которое ввергло в войну весь мир?»
  Источник: OMGUS Report 100, март 1948 г., с. 8.

Время независимых игроков

В 30–60х годах прошлого века институтов общественного мнения было немного, и, в основном, они работали на государственные интересы. За 80–90 лет глобальное общество ушло далеко вперед: помимо государства, у исследований общественного мнения появился разнообразный независимый спрос и некоммерческое финансирование. В тех же США работают несколько десятков крупных и сотни небольших частных компаний. Государственные и политические интересы не исчезли, манипуляции продолжаются и видны, но всегда есть альтернатива.

В России не существовало индустрии изучения общественного мнения, социально-политическими исследованиями последние 20 лет занималась «большая тройка»: два господрядчика и Левада-центр.

Военная операция мобилизовала независимых исследователей для решения новой задачи. В условиях разворачивающейся катастрофы знание должно быть не только не подконтрольным власти, фиксирующим реальность, прогностичным, но и *actionable* — то есть таким, которое может стать основой для противодействия этой катастрофе.

Мучительный вопрос

Главным вопросом нравственно здоровой и рефлексирующей части общества, нервом восприятия, стало человеческое изумление: «Как вы можете?». Этот же вопрос оказался главным содержанием виртуальных телеграмм украинских респондентов (см. «Зеркало военной операции»[7]).

Причины, модели и масштаб поддержки военного вторжения стали основной темой нашего анализа.

Релизы, опубликованные в этом уникальном журнале, заканчиваются маем 2022 года. К августу у нас впервые сложилось ощущение, что мы можем ответить на этот, без преувеличения, сакральный вопрос.

На протяжении пяти месяцев динамика отношения к операции практически отсутствовала. В июле мы зарегистрировали первое значимое снижение: за полтора месяца, по данным проекта «Хроники», доля ответов на прямой вопрос о поддержке упала с 64% до 55%.

В марте-июне мы пытались заглянуть внутрь пресловутого большинства и понять, из чего оно состоит. Нам удалось построить хорошо интепретируемую сегментацию, которая дает наглядную пирамиду поддержки войны— от 7% «ястребов», 17% милитаристов и до 27% адвокатов войны.

Монолитной поддержки нет

По данным июльской волны исследования «Хроники»[8], **55%** декларируют поддержку военной операции.

38% респондентов помимо декларации поддержки готовы сами участвовать в военной операции, жертвовать деньги на армию или видят в победе над Украиной личное благо.

На данный момент, в августе 2022 года, 38% — самая точная оценка реальной, рефлексируемой поддержки военных действий в Украине.

Оглядываясь вокруг, мы все ощущаем, не только эмпирически, но также и интуитивно, что за поддержкой военной операции стоит разнообразие симптомокомплексов: сознательного энтузиазма, рационализаций, милитаристского и миротворческого нарратива пропаганды, архетипа победы, советской ностальгии и ресентимента, эскапизма, выученной социальной беспомощности, аполитичности, морального и экономического истощения значительной части населения. Эти сегменты ещё предстоит изучить.

7. Зеркало «военной операции» // ExtremeScan, 12 мая 2022 г. URL: https://bit.ly/3SRSpDd.

8. URl: https://www.chronicles.report/.

Но уже сегодня совершенно ясно и доказуемо, что нет подавляющего большинства, которое бы монолитно поддерживало специальную военную операцию. Наша исследовательская задача — детальная сегментация этой группы ради понимания и прогнозирования динамики. Так и хочется сказать «ради будущих реформ и просвещения» — но нет, до этого еще очень далеко. Сейчас надо понять, как говорить с ядром поддержки, потенциальной базой мобилизации, чтобы убедить пластичную часть (пусть и, наверное, не очень большую) встать на сторону света. Впереди долгий путь.

Фазовый переход в общественном сознании

По совокупности наблюдений можно говорить о переходе к новой фазе состояния общества. Первой фазой было смятение, эйфория и паника одновременно. У какой-то части людей — горе и гнев. Они сменились определенной степенью адаптации, снижением интереса к событиям в Украине (для кого-то — апатией), пересмотром жизненных планов, попытками замещения привычных ценностей.

Но реальность приходит в каждый дом, и осмысление следует за ней. Согласно июльским данным, за полтора месяца выросло число людей, испытывающих тревожность (с 33% до 43%), что косвенно подтверждается ростом спроса на соответствующие фармакологические препараты. Безработица (потеря работы у респондентов или их близких) достигла 12%, дальнейший ее рост неизбежен. У 39% снизился доход, больше половины людей вынуждены экономить на продуктах питания из-за роста цен, 30–40% ощутили исчезновение одежды, техники, продуктов питания и лекарств, четверть перестали общаться с близкими из-за политических разногласий. Увеличилась прогнозируемая респондентами продолжительность военных действий. Человеческие потери растут. Скрытая мобилизация становится все более явной. Эти факторы, как мы видим из исследования, влияют на изменение диспозиции по поддержке.

Отвечая на вопрос о том, что могло бы привести к изменению (положительного) мнения об СВО, 44% респондентов ответили «ничего». Из содержательных причин назывались затягивание операции, отсутствие ясных целей, теоретическая слабость армии и военачальников, коррупция в армии и т. д.

И хотя одной из причин потенциального изменения отношения к СВО респонденты называли возможную новую информацию гуманитарного характера (о жертвах с украинской стороны), **эмпатия остается для россиян маргинальным нарративом их переживаний. Сострадание оказывается слабым фактором влияния на отношение к военным действиям.**

Равновесие поддержки и неподдержки

Доля противников военного вторжения растет. Она пока не очевидна в прямых ответах на вопросы. Но дополнительные методы анализа подтверждают нашу гипотезу: большая часть респондентов, затруднившихся или отказавшихся ответить на вопрос о поддержке СВО, очень близка (по демографическим и содержательным характеристикам) противникам военного вторжения. Таких людей тоже 38%.

Таким образом, к августу 2022 года, на пятом месяце военных действий, общество проходит точку равновесия поддержки-неподдержки специальной военной операции в Украине: **38% против 38%**. Пусть этот момент останется в нашей памяти. Мы входим в новую фазу, которая — по канонам, после гнева и торга, — будет фазой депрессии.

Спасибо

Без негативных последствий за последние полгода обошлись только 8% россиян, и я не в их числе. Но у меня произошло много приобретений, которые были бы невозможны в других обстоятельствах. Главное из них — мои коллеги, с которыми мы делаем эту важную работу.

Я горжусь моими партнерами и очень им благодарна за наше сотрудничество.

DOI: 10.55167/2db0791e320e

Россия:
эмиграция—2022

Новая волна высокообразованной эмиграции: почему они уезжают из России?[1]

Любовь Борусяк
Кандидат социологических наук, профессор Свободного университета

Аннотация. Статья основана на результатах 60 онлайн-интервью с высокообразованными эмигрантами, покинувшими Россию после 24 февраля, проведенных в апреле 2022 году. В статье рассказывается, что наибольший всплеск эмиграционной активности пришелся на начало марта в связи с массовыми опасениями закрытия границ и объявления всеобщей мобилизации. Выбор стран для отъезда базировался исключительно на возможности приобрести билет на самолет, значительная часть респондентов до начала спецоперации не задумывалась об отъезде из страны. Путинский режим казался им тяжелым, но приемлемым для жизни в стране. Начало спецоперации разрушило существовавший консенсус, оказалось абсолютно неприемлемым для огромного числа людей, что и вызвало мощный всплеск эмиграционной активности. Значительная часть респондентов не предполагает длительное время проживания в стране прибытия, ищет возможности переехать в более привлекательную страну. Возможность вернуться в Россию они рассматривают либо после окончания спецоперации, либо в случае невозможности оставаться в другой стране из-за отсутствия подходящей работы и тяжелых финансовых обстоятельств.

Ключевые слова: интервью, эмиграция, релокация, мотивация, бегство, паника, адаптация.

DOI: 10.55167/29b32cb46280

После всплеска эмиграционной активности в первые постсоветские годы Россия длительное время не относилась к странам с высоким уровнем числа людей, покидающих страну. Ее масштабы неизвестны, поскольку нет никакой статистики, которая показывала бы число уехавших на постоянное место жительство людей, при этом многие долгие годы живут за рубежом, имея только российский паспорт. Поэтому не случайно, что оценки постсоветской эмиграции колеблются от 1,5 до 10 млн чел. [5; 7] Наиболее реалистичной кажется оценка демографа Михаила Денисенко, который предположил, что это примерно 3 млн россиян [3, с. 10]. По сравнению с многими другими постсоветскими странами эмиграционная активность в России была невысокой, она очень значительно уступала по этому показателю Украине, Молдове, Узбекистану [3, с. 10]. Возможно поэтому проблема эмиграции из России долгое время не вызывала большого научного интереса, только в 2018–2019 годах появились два серьезных исследования: монография Шейлы Пуффер, Даниэля МакКарти и Дани-

1. Выражаю благодарность Кириллу Борусяку (Assistant Professor в University College London) и Арутюну Егиазаряну (студент Свободного университета) за помощь в организации исследования.

эля Сатински «Hammer & Silicon: The Soviet Diaspora in the US Innovation Economy» [6] и доклад Джона Хёрбста и Сергея Ерофеева «Путинский исход: новая утечка мозгов» Атлантического совета Соединенных Штатов [5]. Тогда же я провела опрос молодых высокообразованных экспатов, который показал, что для них само понятие эмиграции представляется устаревшим, поскольку в ситуации открытых границ люди свободно перемещаются по миру, выбирая страну проживания по собственному желанию [1].

После начала спецоперации в Украине тема эмиграции привлекла большое внимание как исследователей, так и широкой общественности. Стало очевидным, что относительно спокойная ситуации сменилась настоящим эмиграционным взрывом, хотя его масштабы пока неизвестны из-за отсутствия статистики, есть только первые оценки. Так, уже в середине марта, всего через несколько недель после начала спецоперации, некоммерческая организация «OK Russians»[2] провела социологический опрос уехавших из России в связи с событиями февраля–марта 2022 года, в котором приняли участие более 2000 человек [8]. Это исследование не было репрезентативным, отвечали пожелавшие принять участие в исследовании, но по его результатам была сделана оценка числа эмигрировавших — 300–400 тыс. человек. Она представляется завышенной, более реалистичной кажется оценка демографа Юлии Флоринской, которая полагает, что в марте–апреле из страны уехало около 150 тыс. чел. [9]. В любом случае это очень большой скачок по сравнению в предшествующими десятилетиями.

При этом как раз после начала спецоперации резко сократилась доля жителей России, которые в ходе опроса общественного мнения, проведенного Левада-центром (объявлен иностранным агентом), ответили, что хотели бы уехать из России на ПМЖ, хотя до этого доля таких ответов имела тенденцию к росту. Если в мае 2017 года дали ответ «да» и «скорее да» на вопрос «Хотели бы вы переехать за границу на постоянное место жительство» 16% взрослых россиян, а спустя два года их было уже 22%, то с началом спецоперации число положительных ответов парадоксальным образом резко снизилась. В марте 2022 года только 10% респондентов высказали желание уехать из России на ПМЖ. Среди 18–24-летних их было 25%, хотя два-три года назад их было около половины, среди тех, кому 25–39 лет — 17%, а в старших группах их доля была очень мала (9% среди тех, кому 55 лет и старше) [10].

Такое соотношение ответов о желании уехать из России и реальным взрывным ростом уезжающих связано с тем, что длительное время ответы о желании уехать означали только неудовлетворенность респондентами своей жизнью в России, абсолютное большинство из них никуда уезжать

2. «OK Russians — это некоммерческая организация, которая будет помогать россиянам, выступающим против войны в Украине и пострадавшим от властей РФ». См.: https://research1.okrussians.org/про.

не собирались, устойчиво не более 1% из них реально готовились к отъезду, о чем писал тогда замдиректора, теперь директор Левада-центра Денис Волков [2]. Нынешние низкие показатели свидетельствуют не о спаде реальной эмиграционной активности, а о мобилизационных настроениях в стране, связанных с началом спецоперации. Если в феврале 2022 года, перед началом спецоперации, 52% опрошенных Левада-центром россиян полагали, что дела в стране идут в правильном направлении, то в марте их число выросло до 69%, а в два следующих месяца держалось примерно на том же уровне. Практически не меняется в последние месяцы и уровень доверия президенту, он составляет 83%, что значительно выше, чем до начала событий [10].

Тем не менее по данным апрельского всероссийского опроса, проведенного Левада-центром, 19% взрослых россиян не поддерживали спецоперацию [11], скорее всего, в мае и июне их стало больше, поскольку в марте негативно настроенных было только 14%. Именно часть этой группы, особенно жители Москвы и других крупнейших городов, имеющие высокий уровень образования, и составили основную часть жителей страны, которые представляют костяк новой волны эмиграции. Их мотивация к отъезду, возникшие при этом проблемы и анализируются в статье.

Описание исследования

Исследование проходило в апреле 2022 года в форме онлайн-интервью на платформе ZOOM, в нем приняли участие 60 человек (26 мужчин и 34 женщины), покинувших Россию с конца февраля по середину апреля. Возраст респондентов колебался от 20 до 60 лет, но большинство относились к возрастной группе 30–45 лет. Абсолютное большинство респондентов — москвичи, несколько человек — бывшие жители Санкт-Петербурга, у всех есть высшее образование, некоторые имеют ученые степени кандидатов и докторов наук.

Участники исследования в момент интервью находились в 15 разных странах, наибольшее количество в Армении, Грузии, Турции и Израиле. Остальные находились в некоторых европейских странах (Латвия, Сербия, Чехия, Эстония), в странах Средний Азии, одна семейная пара — в Аргентине. Часть респондентов в ближайшие после интервью дни или недели собиралась переезжать в другую страну, в частности из Армении в Израиль. Для нескольких человек страна, где они находились, была уже не первой (например, в Грузию приехали, побыв короткое время в Армении), но и не последней. Такая высокая степень мобильности, готовность (желаемая или вынужденная) менять в течение относительно короткого времени несколько стран, сильно отличает новую волну эмиграции от предшествующих, когда люди выезжали из России в страну, где они собирались работать или учиться, на длительный срок.

Все участники исследования негативно относились к спецоперации и к политической ситуации вообще, но только двое сказали, что вынуждены были уехать, опасаясь реально грозящих им политических репрессий.

Эмиграция: спланированная заранее или внезапная?

Практически для всех респондентов начало спецоперации оказалось неожиданным. Они полагали, что режим в стране будет ужесточаться, как это происходило и раньше, но им казалось, что военные действия начаться не могут, что это просто невозможно. Большинство из них (37 человек из 60) отмечали, что до этого не планировали уезжать из страны, не думали об эмиграции, но в новой ситуации остаться в России они не могли. Создается впечатление, что для основной части несогласных путинский режим в последние годы был тяжелым, но вполне терпимым. Хотя число уезжающих из страны росло, но не очень значительными темпами, которые резко выросли после начала спецоперации. В мирное время режим не представлялся этой части россиян невыносимым из-за отсутствия массовых репрессий, хотя их число из года в год росло, но все же затрагивали незначительную часть граждан, преимущественно наиболее политически активных. Не менее важной была и возможность свободно выезжать из страны и в нее возвращаться, то есть если бы ситуация становилась критической, можно было бы страну покинуть.

Согласно опросу Левада-центра о наиболее важных правах и свободах, проведенного в 2021 году, на первое место респонденты поставили право на жизнь и личную неприкосновенность (75%), а право на свободу перемещения и выбора места жизни отметила почти половина [4]. При этом ценность свободы перемещения наиболее важна для жителей крупнейших городов, представителей той группы, которую можно условно назвать средним классом, то есть тех, кто были респондентами моего исследования. Именно они имели загранпаспорта, время от времени выезжали за рубеж как на отдых, так и по профессиональным нуждам. На особую важность, ценность свободы перемещения и выбора места (страны) проживания указывали молодые высокообразованные экспаты, принявшие участие в моем исследовании 2019 году [1, с. 152].

Право на жизнь в мирное время не было представлено среди вариантов ответов во время указанного выше опроса Левада-центра, поскольку год назад такое изменение ситуации не рассматривалось в качестве возможного, отсутствие военных действий казалось само собой разумеющимся. Когда ситуация изменилась, именно начало спецоперации разрушило, взорвало существующий негласный консенсус несогласных с властями.

Большинство из тех, кто не планировал уезжать, называли свое решение «*внезапным*», «*импульсивным*», «*экспрессивным*», рассказывали о своих нереализованных планах: «*Нет, никогда не думала об отъезде. У меня планы*

были сходить в Большой театр, да и далее все было распланировано. Я испытала шок. Я человек, который любит планировать. У меня до конца марта все было распланировано, даже до середины апреля»[3]. Но были и те, кто, хотя и не планировал отъезд, тем не менее в ходе интервью говорил, что у них и раньше было ощущение, что может возникнуть ситуация, когда отъезд станет неизбежным: «*Нет, плана улететь не было. Нам всем казалось, что тучи сгущаются, но так стремительно не собирались. Мы не хотели уезжать, но все время отсчитывали: уже или еще нет. Боялись, как лягушка в кипятке пресловутая, что пропустили какой-то момент, но, как пришло сообщение, мы сразу, без раздумья, уехали*», «*Конечно, у меня не было такого, что это неизбежно произойдет, но последние несколько лет было ощущение, что пока еще нормально, но в какой-то момент наверняка станет неизбежно*».

Те, кто задумывался об отъезде, в основном характеризовали свои планы как «*вялотекущие*»: «*Да, мы собирались, но очень вялотекуще. А тут получили пенделя и улетели. Мы все время обдумывали в эту страну, в ту страну. Мы неспешно готовились. Каждый раз находились дела, которые нужно было завершить, а потом уже улетать. Но вышло спонтанно и в никуда*». Были и те, кто готовил плацдарм для переезда, начинал или собирался начать поиск работы, но не спешил, не видел в этом никакой срочности. Но и у тех и других в результате отъезд оказался быстрым, резким и неподготовленным. Основная часть моих респондентов покинула страну в последние дни февраля и в первой половине марта, это был пиковый период отъездов, когда эмиграция больше напоминала побег: «*Совершенно непонятно было как это и что будет, реально было страшно*». Начало спецоперации стало мощным триггером для начала новой волны эмиграции, но не только само изменение ситуации, выход ее за пределы допустимого, были и другие резоны, хотя фоном оставалась именно спецоперация.

Побег или отъезд: почему они уезжали?

Свою реакцию на новость о начале спецоперации практически все описывали одними и теми же словами: «*шок*», «*страх*», «*ужас*», «*непонимание*», «*возмущение*», но все же чаще всего говорили о шоке и страхе. Чего же люди так сильно испугались?

Чаще всего двух возможных действий властей: закрытия границ и всеобщей мобилизации. О страхе оказаться в клетке, невозможности уехать как реальной вроде бы теперь перспективе, говорили очень многие. Даже если теперь их жизни и свободе ничего не угрожает, казалось очень вероятным, что это теперь станет реальностью, а улететь никуда уже не удастся. В ситуации, когда страна ведет военные действия, реальной казалась и опасность всеобщей мобилизации, а участвовать в спецоперации

3. Здесь и далее цитаты из интервью даются курсивом.

представители этой группы категорически не хотели и очень боялись, что они сами или их взрослые сыновья могут быть призваны.

В самые первые дни марта появился и широко распространился слух о том, что 4 или 5 марта российские границы закроют для выезда и будет введено военное положение. Именно на эти дни и несколько дней после них пришелся самый мощный подъем эмиграционной активности. Улететь из страны в течение нескольких дней (с особой их концентрацией на 4–5 марта) хотели десятки тысяч людей. Они одновременно начали покупать билеты на самолеты, цены на которые в связи с таким ажиотажем выросли многократно и продолжали расти с каждым часом. Иногда они достигали запредельного уровня. Улетавшие в те дни респонденты рассказывали о цене на билет в Ереван за 600 тысяч рублей, даже 120–200 тысяч на фоне паники некоторым показались приемлемыми. Это было настоящее паническое бегство. Участники исследования рассказывали, как они метались из аэропорта в аэропорт в связи с отменой рейсов, на которые были куплены билеты, и с трудом успевали зарегистрироваться на другой рейс; о том, как от перегрузки переставали работать сайты авиакомпаний; как росли цены за короткое время, пока они оформляли билет.

Поскольку отъезд оказался внезапным и паническим, очень многие не успели собрать и взять с собой необходимые документы, снять достаточное для относительно длительного безбедного проживания количество денег, а у многих денег вообще было очень мало. В связи с эпидемией ковида у большинства россиян, в том числе уезжающих, закончились шенгенские и другие визы, у некоторых и загранпаспорта. Поэтому выбор стран, куда можно было улететь, был невелик, преимущественно состоял из безвизовых стран: Армения, Грузия, Турция, в меньшей степени в тот момент Израиль, среднеазиатские страны. Люди летели в те страны, где никогда прежде не собирались жить, даже не могли представить возможность для себя такого выбора. Практически никто не представлял, где будет работать, если не сможет продолжить работать в России дистанционно. Они не отправлялись туда, куда хотели, они бежали из страны. Все это очень сильно их отличало от представителей той же социальной группы уезжавших из России в предшествующие десятилетия. Сходная ситуация была только у некоторых политиков, правозащитников, журналистов, которые в последние годы спасались от реальных репрессий.

Рассказы об отъезде в начале марта были полны драматизма: «*Это на уровне животных инстинктов было на 100%. Очевидно было, что надо бежать. Надо бежать просто как можно быстрее, потому что, если что, потом я уже отсюда не выбегу*».

Кроме страхов закрытия границ и введения мобилизации, были и другие объяснения быстрого отъезда, но их было намного меньше: «*Я решила, что мне нужно развестись со своей родиной, как с мужем-абьюзером. У меня нет мужа-абьюзера, но моя родина — абьюзер*», «*Был какой-то ужас и ощущение,*

что сделать ничего нельзя. Что мы на митинги когда-то ходили, и это все бессмысленно, а он все равно делает что хочет, и даже не смеется над нами, а просто не обращает внимание на наше копошение. Просто очень важно было совершить такой поступок, даже для себя самой, чтобы не было чувства выученной беспомощности», «*Моя страна стала агрессором. Я четко понимаю, как экономист, запретят платежи, выключат SWIFT. Все по кругу, и все будет хуже и хуже. ВВП будет падать дичайше. Цель была выскочить до 8 марта, потому что ходили слухи очень активно, что введут военное положение, закроют границы и вот это все*» и пр. Дважды прозвучали высказывания такого типа: «*Уехал я по многим причинам. Самая главная из них — это факт того, что большинство населения поддерживает войну. Я понимал, что это навеяно пропагандой, но не понимал, как можно поддерживать убийц. Я не смог это принять*».

Хотя указывались и другие мотивы отъезда, но практически во всех случаях, кроме других объяснений, присутствовали слова о возможном закрытии границ и/или всеобщей мобилизации.

Являются ли эти две основные причины политическими, хотя касаются, казалось бы, личной безопасности и личной свободы выбирать место жительства? Да, являются, поскольку, во-первых, речь идет о грубом, с точки зрения уезжавших, нарушении прав и свобод, которые они считают наиболее ценными. А во-вторых, потому, что эти страхи возникли не сами по себе, а были вызваны важнейшем нарушением существовавшего прежде консенсуса с государством на мирную жизнь. А раз базовая договоренность была государством нарушена, то у новых эмигрантов не было сомнений, что никаких запретов на какие угодно действия по отношению к ним у властей уже не осталось, произойти может всё: «*Началась война, я прошла через много эмоций по этому поводу, начиная от отсутствия слов и непонимания, как жить дальше, потому что было ощущение, что мечты и планы разрушены, и будущего тут нет*». Если в стране нет будущего, оно абортировано, то эти люди в первый момент не задумывались о тяготах и сложностях пребывания в другой стране.

В несколько иной ситуации оказались представители IT-профессий, доля которых среди эмигрантов точно не известна, но очевидно, что она весьма велика. Буквально в первые дни после начала спецоперации крупные IT-компании стали переводить свои офисы вместе с желающими остаться там работать сотрудниками в другие страны, вместо эмиграции при этом использовался термин релокация, который был быстро подхвачен и многими другими людьми, покинувшими Россию. По-видимому, термин эмиграция звучит более фатально и безвозвратно, чем релокация, перемещение.

IT-специалистов было много и среди моих респондентов. Одни из них переехали вместе со своими коллегами, причем руководства компаний оказывали им разнообразную помощь, смягчая сложности смены страны проживания. Одна из респонденток, находящаяся в Казахстане, ска-

зала, что ее коллеги называют свой переезд «*лакшери-эмиграцией*». Другие IT-специалисты уехали и продолжали уезжать самостоятельно, поскольку их российская компания разрешила им некоторое (иногда длительное) время работать удаленно, а потому не испытывать денежных затруднений в период поиска работы уже за рубежом. Как говорили мои респонденты: «*Есть IT-шники, а есть все остальные*», и у этих «остальных» проблем намного больше. Тем не менее и для IT-шников политические причины были важны, как и остальные, они обязательно о них упоминали, говоря о своей достаточно благополучной эмиграции. Другое дело, что если верить моим респондентам из IT-сектора, если компания ставила их перед дилеммой «оставаться и продолжать работать или уезжать и увольняться», то большинство сотрудников все-таки оставались. Если можно было работать онлайн, то доля уехавших была намного выше.

Самочувствие новых эмигрантов

Смена места и образа жизни всегда переживается людьми нелегко, требуется какой-то период для адаптации, даже при самых благоприятных для переезда в другую страну условиях. Мои молодые респонденты-интеллектуалы, для которых переезд в другую страну был желанным, к нему готовились, радовались, что нашли интересную работу в США или европейских странах или поступили на PhD в один из ведущих мировых университетов, тем не менее говорили о сложностях адаптации. Для большинства она оказалась не очень тяжелой, потому что они не рассматривали переезд в другую страну как событие чрезвычайное, пороговое, изменившее всю их жизнь. Они считали, что переезд в другую страну — это нормальная траектория жизни современного человека в глобальном мире [1, с. 152]. Для эмигрантов новой волны, когда Россия перестала восприниматься (во всяком случае, на какое-то время) частью глобального мира, когда отъезд был спонтанным и внезапным, восприятие новой ситуации оказалось гораздо более тяжелым и драматическим. Не говоря о том, что они оказались по преимуществу не в тех странах, где хотели бы оказаться. Как сказала одна из респонденток: «*Это страна никогда не входила в сто первых стран, где я хотела бы жить*». Для нее и многих других участников исследования в момент отъезда выбор страны особого значения не имел — лишь бы улететь поскорее, но, оказавшись там, пожив какое-то время, им волей-неволей приходилось определиться, готовы ли они там жить и что делать.

Отметим, что поскольку абсолютное большинство представителей высокообразованной публики хотело бы переехать в США или европейские страны, а оказались совсем в других странах, часто в бывших советских республиках, то они попали в сложную и непривычную для себя ситуацию. Часто, хотя и не всегда справедливо, говорят о россиянах как носителях имперского сознания, о свойственном многим из них высокомерном отно-

шении к представителям бывших советских республик (исключая страны Балтии, которые считаются вполне европейскими). В какой-то мере это справедливо. Жители российских столиц приехали в страны, откуда раньше миграционный поток шел в противоположную сторону, это оттуда активно приезжали в Россию, чтобы там жить и работать, причем зачастую заниматься не самым престижным трудом.

В течение многих лет шли дискуссии, нужны ли России эти мигранты, не нужно ли эту миграцию ограничивать, вводить въездные визы и пр. Были люди, относящиеся к мигрантам негативно, были им сочувствующие, но в большинстве случаев местные жители действительно чувствовали себя статусно выше мигрантов. И вот неожиданно они сами оказались в роли мигрантов, теперь именно они сами во многом зависят от отношения к себе со стороны местного населения, то есть оказались в уязвимой позиции. Тем более, практически никто не знает местных языков, что затрудняет общение, если представители местного населения, с которыми они общаются, не знают русского и английского языков или не хотят на этих языках говорить. Большинство респондентов с благодарностью говорили о хорошем к себе отношении со стороны местного населения, особенно в Армении и Турции, хотя некоторые сталкивались и с негативом (об этом в основном говорили некоторые из оказавшихся в Грузии), но в любом случае эта уязвимая позиция многими переживается нелегко. Далеко не все собираются длительное время жить в стране, где они по воле случая оказались, стремятся переехать в Европу, а потому не пытаются начать учить местный язык. Те, кто остается в этих странах надолго, как показывают интервью, зачастую пытаются создавать русскоязычные сообщества, открывать русские школы, рестораны и пр., то есть не интегрироваться в местную жизнь, что тоже затрудняет адаптационные процессы.

Рассказы большинства респондентов о первых днях и неделях в новой стране были очень эмоциональны и экспрессивны: «*Я пока в растерянности и хочу плакать*», «*Конечно, прощаться с родным домом — это ужасно. Я просто стараюсь об этом не думать. А если начинаю думать, то, конечно, это очень горько и тяжело*», «*Дети, им 10 и 8 лет, они не такие маленькие, и они понимают, что жизнь их обрушилась*», «*Тяжело, когда жизнь катится непонятно куда. Даже нельзя назвать, что жизнь пошла под откос, это будет неправильно. Жизнь просто очень резко поменялось, она стала другой. И даже непонятно еще до конца какой, непонятно, как будет дальше и что будет дальше. И вот эта ситуация изменения и неопределенности, она, конечно, очень в моем понимании стрессовая*». Поскольку решение уезжать было принято очень быстро, иногда в течение нескольких часов, то стресс испытали почти все.

Этот стресс связан и с резким отрывом от привычного течения жизни, утраты родного дома, семейного гнезда. Вот типичный рассказ такого рода: «*Эмоционально было очень сложно. Я всю жизнь жила в одном частном доме с родителями. Это такое родовое гнездо. Я никогда не думала, что уеду от-*

туда навсегда. Даже когда планировала учиться в аспирантуре, я думала, что уеду и вернусь или буду приезжать в Россию. Но когда за три дня пришлось резко собраться и уехать — мне было очень тяжело. Всю первую неделю я не могла работать нормально, я постоянно рыдала, я постоянно предлагала мужу вернуться, потому что хотела домой». Не менее тяжело воспринималась ситуация неопределенности, невозможности планировать свою жизнь: «*У меня полная растерянность. Она у меня до сих пор, но к ней привыкаешь. Хотя постоянно вспоминаешь, что разрушена твоя привычная жизнь, нарушена твоя любимая работа, не знаешь, что будет завтра*», «*Полное ощущение неопределенности. Я не был готов к таким переменам, не собирался менять работу и место жительства. Вообще, у меня было все хорошо в жизни. Сейчас надо все с нуля начинать*».

Большинство респондентов говорили, что чувство неопределенности связано с полным непониманием, что делать дальше. Где они будут жить? «*У нас нет готового ответа, останемся ли в Турции. Да, нам бы хотелось искать что-то более подходящее*», «*Останусь ли в Грузии? Это вопрос, на который я не могу точно ответить, не знаю*», «*Мы реально не знаем, где будем дальше жить*» и пр. Таких ответов много, а затем респонденты добавляют, что язык начнут учить той страны, в которой останутся надолго, сейчас, когда определенности нет, это бессмысленно. Многие добавляли, что очень хотели бы вернуться домой, в Россию, но при существующей ситуации это невозможно. Часть респондентов продолжала удаленно работать в российской фирме, школе, университете, но они понимали, что это ненадолго, начали искать работу, но переживали, удастся ли это. Другие уволились с работы, уже испытывали денежные затруднения и понимали, что, если работу не найдут, придется вернуться домой.

Проблема в том, что высокообразованные эмигранты не готовы заняться низкоквалифицированной работой. Они согласны несколько понизить свой профессиональный статус, а вместе с ним уровень жизни, но ненамного и, по возможности, ненадолго. Мои высокообразованные молодые респонденты, участники исследования, проведенного несколько лет назад, переезжая в другую страну, существенно наращивали свои компетенции, поднимались на новую ступеньку в социальном статусе, мало у кого из нынешних участников исследования (кроме IT-специалистов и немногих других) при переезде были такие же высокие амбиции, но они не готовы и двигаться вниз по лестнице социальной структуры. А потому некоторые говорили, что, если с работой не сложится, придется через какое-то время на какой-то срок вернуться в Россию.

Далеко не все респонденты переживали только из-за своих личных и семейных проблем, довольно многие говорили о том, что их больше волнует происходящее в Украине, где людям намного тяжелее, чем им: «*Для меня намного тяжелее переживать все то, что происходит на Украине. То, что происходит со мной, для меня на заднем плане*», «*Я общаюсь с украинцами,*

и я понимаю, что то, как нам тяжело, совсем не сопоставимо с их ситуацией. Мы еще в хорошем положении».

Те, у кого была работа, кто определился или почти определился со страной проживания, говорили, что после первых тяжелых недель, стало легче. Они еще не окончательно адаптировались, но переживания первых дней и недель уже прошли. Были и те, кто чувствовал себя достаточно хорошо и спокойно, почувствовал уверенность в своих силах и «*стал дышать воздухом свободы*». Эти «*воздух свободы*», «*легкое дыхание*» были наиболее популярным описанием того, что они выиграли, покинув страну.

Отношения с оставшимися в России

У большинства респондентов в России остались пожилые родители. По мнению основной части респондентов эмиграция, это такой сложный шаг, что для пожилых людей, даже негативно относящихся к политической и экономической ситуации в стране, отъезд слишком сложен и тяжел, они не в состоянии сделать такой шаг. Большинство участников исследования уверены, что 60 лет — это порог, переступив который уезжают уже очень немногие, у них просто нет на это сил. Только одна респондентка повысила возрастную планку невозможности отъезда до 70 лет. Похоже, но это требует проверки, что только в Израиль нередко уезжают большой семьей, включая пожилых родителей, для других стран это намного менее типично.

Не очень многие респонденты (1/5 участников исследования) сообщили, что родители поддержали их решение уехать. Такую поддержку они очень ценят, она важна для людей, снижает стресс от эмиграции: «*Родители поддержали меня и продолжают поддерживать, но они останутся в России, потому что у них там работа. Им хорошо вдвоем*», «*Родители проводили меня в аэропорт. Они у меня слушают „Эхо Москвы“, противники. Мама считает, что ей гораздо спокойнее, что я сейчас здесь. Потому что она боится вероятности репрессий*», «*Мне повезло, мои мама с папой сказали: „Уехал — молодец!“*», «*Папа вполне себе поддержал. Естественно, на все мои попытки его уговорить поехать с нами он отказался, что лучше останется здесь, но готов приехать в гости*» и пр.

Были и те, у кого родители уже умерли, один из них произнес такую фразу: «*Наши родители уже умерли, с этим проблем нет*». Под проблемой он имел в виду, что очень сложно оставить пожилых и больных родителей, которым требуется уход, иногда это просто невозможно. Некоторые респонденты оказывались в патовой ситуации: «*У меня было сложное решение. Сложный выбор: либо я с детьми, либо я с родителями. Это в течение двух часов надо было решить. Родители не поняли, что мы уезжаем навсегда*». Этой женщине надо было решить: остаться ли с родителями в России, но при этом могут быть призваны в армию сыновья или увезти сыновей, но оставить родителей. Она пыталась уговорить родителей поехать с ними в Грузию,

но ей это не удалось, о чем она с горечью рассказывала: «*Каждый наш разговор с друзьями заканчивается тем, что все мы сетуем, что наши родители не хотят уезжать. Я пока не нашла ни одних родителей 70+, которые бы согласились уехать. Я представила себе Москву через полгода, наполненную нашими родителями, которые остались. 75 лет моим родителям*».

Некоторые перед отъездом попрощались с родителями, но сказали, что уезжают на время, что скоро вернутся. Им казалось, что так родителям будет легче пережить разрыв: «*После смерти отца мама находится в состоянии депрессии. Поэтому ей, конечно, было плохо. Я ей первое время говорила, что в отпуске, чтобы не травмировать. Она психиатр, очень умный человек, поймет. Я сказала, что на полтора месяца еду в отпуск, у меня же обратный билет был*».

Вообще, переживания из-за родителей были у многих. Одни решали, что не могут оставить родителей, и не покидали Россию (о своих друзьях, которые так поступили, рассказали несколько человек); другие, как мои респонденты, все-таки делали выбор в пользу отъезда, хотя душа из-за этого болела: «*Родители мои и мужа не захотели уезжать, мы их уговаривали, но они не захотели. Мы с мужем про себя подумали и поняли, что всегда будут те, кто не хочет. Нельзя пытаться дождаться всех. Тогда ты ни себя не спасешь, ни других. Мы долго мучились, как же быть, если семьи не хотят, и решили, что мы им сможем лучше помочь, принести пользы отсюда, чем вместе, будучи заточенными внутри*».

Все эти примеры о тех отношениях эмигрантов с пожилыми родителями, когда последние не приветствовали отъезд, но и не возражали против него. Проблемы были связаны только с тем, насколько тяжело им будет жить без поддержки детей и насколько дети переживали, что не смогут поддержать родителей. Но, к сожалению, родители многих уехавших были категорически против отъезда детей, поскольку сами поддерживают спецоперацию, по политическим взглядам младшие и старшие оказались по разные стороны. В отдельных случаях ситуация напоминала холодную гражданскую войну, когда происходящие в России события разрушили семейные отношения. Так, одна из респонденток со слезами на глазах рассказала следующее: «*Мама меня проклинает, говорит, что я подстилка Запада. Отношения наши уже давно не самые лучшие. Она называла меня навальнисткой, говорила, что денег от меня брать больше не будет потому, что я не знаю кто… И брала деньги. Сейчас я стараюсь с ней не разговаривать, потому что не могу найти в себе сил*».

Многие респонденты говорили, насколько сильно разрушили политические противоречия их отношения с родителями, нередко они приводили к полному разрыву. Спецоперация еще больше радикализировала эти противоречия, родители называли уезжающих детей предателями, практически их проклинали. Дети в таких случаях уезжали, думая, что навсегда, не попрощавшись с родителями: «*С родителями я не попрощалась перед отъездом. Они поддерживают то, что происходит.*

Причем они понимают, что гибнут мирные жители, и они это поддерживают вполне осмысленно. Поэтому я решила, что я с ними пока что не буду общаться никаким образом. Я не очень вижу в этом смысл, потому что они достаточно агрессивно настроены. Мне проще было просто уехать».

В ситуации, когда в России остаются пожилые люди, ответственность за которых несут их взрослые дети, имеющие собственные семьи, страдают представители обоих поколений. Даже в тех случаях, когда по причинам политических обстоятельств произошел полный разрыв отношений внутри семьи, та самая холодная гражданская война, все равно это всегда переживается тяжело и драматически. Но свою ответственность уехавшие чувствовали не только за старшее поколение семьи, у многих из них есть зависящие от них домашние питомцы, судьбу которых надо было решать перед отъездом.

Люди и их звери

Новейшая волна эмиграции продемонстрировала, как изменилось отношение людей к домашним питомцам в современном урбанизированном обществе. Даже украинские беженцы пытались спастись от обстрелов вместе со своими кошками и собаками. Тем более, не могли их бросить или от них отказаться покидающие Москву и Петербург эмигранты, не подвергавшиеся таким опасностям.

Традиционное в прошлом достаточно прагматичное отношение к домашним животным сменилось в урбанизированном мире тесной эмоциональной привязанностью к ним. Скорее всего, этот гуманистический тренд в первую очередь характерен для жителей крупнейших городов и наиболее образованной их части, к которой относятся мои респонденты. Для многих из них было чрезвычайно важно в очень короткие сроки оформить ветеринарные справки на своих питомцев, некоторые даже из-за этого отодвигали отъезд, а другие выбирали ту страну, куда можно поехать вместе с ними, отказываясь от более благоприятных вариантов. Более того, в ходе моего исследования не согласных с существующей ситуацией, но оставшихся в России людей выяснилось, что некоторые остались именно потому, что не смогли оставить старых и больных животных, которых невозможно было вывезти.

Стало очевидно, что популярные высказывания, что питомец — это член семьи, не просто фигура речи, а реальный факт: «*Я один в том смысле, что без семьи, без котов*». В литературе о прежних волнах эмиграции мне не встречались упоминания об этом. Скорее всего, это новое социальное явление. Многие респонденты говорили, что ветеринары, стремясь им помочь, выписывали медицинские справки задним числом. Только в одном случае сообщили, что они за эту справку заплатили, остальные были очень благодарны за понимание и готовность помочь. Скорее всего, ветеринары

так поступали, потому что понимали, насколько для приходившим к ним людям важно взять с собой питомцев.

Вот как объяснила респондентка, почему они с молодым человеком задержались в России, хотели, но не смогли улететь раньше: «*У нас была проблема кота. Мы не могли без него уехать, а надо было оформить*». Молодой парень объяснил, почему в Грузию пришлось добираться на автомобиле: «*Мы приехали с девушкой и двумя собаками на автомобиле. Именно в Грузию и именно на автомобиле вот почему. Были определенные сложности: у нас две собаки. Одна из собак — французский бульдог. Ему не очень можно летать. У них в самолете страдают уши*». Другой молодой человек рассказывал, что ему не подошла Турция, куда бы он хотел поехать, потому что в этой стране законодательно запрещены некоторые породы собак, а у него как раз такая: «*Я свою собаку взял, когда ей было пять недель, она была такой крошечный комочек, в полторы ладошки она у меня помещалась. И я прожил с этой собакой шесть лет. И да, это огромный якорь. Да, она доставляет кучу проблем и неудобств в том плане, что я не могу поехать куда-нибудь на ночь к друзьям, потому что мне надо с собакой гулять. Но это живое существо, она не может сама решить эти проблемы, я несу за нее в этом плане полную ответственность. И несмотря на то что она доставляет какие-то мне неудобства, я ее очень люблю. И она любит меня в ответ точно так же, совершенно бескорыстно. Я не могу предать это доверие. Для меня это так: „Я не могу оставить свою собаку, не могу!“*»

Таких трогательных рассказов было очень много, причем по эмоциональности рассказов мужчины ничем не отличались от женщин, как и степенью гуманности по отношению к питомцам. Они с одинаковым чувством говорили о своей ответственности перед животными, о своей любви к ним, о важности быть с ними рядом. Такая эмоциональная открытость плохо соотносится с традиционным представлением о маскулинности, но для этой социальной группы такие представления явно устарели.

Некоторым из респондентов на какое-то время пришлось оставить своих собак и кошек дома, с родственниками, потому что они понимали: им не раз придется переезжать, лучше забрать их, когда будет какая-то стабильность. При этом все они говорили, как сильно скучают, беспокоятся, как они там: «*Почему люди идут на жертвы, чтобы взять с собой животных? Я думаю, мне хочется верить, что это связано с тем, что люди стали более ответственными. Люди стали лучше понимать, что такое ответственность за кого-то*». Нашлись и те, хотя их было мало, кто решил, что после их отъезда родителям будет так тяжело, что кошка и собака скрасят им переживания из-за расставания, а потому скрепя сердце оставляли им питомца.

Возникнет ли обратный поток и каким будет продолжение эмиграционной волны?

В апреле, когда проходили интервью, респонденты еще недолго были за рубежом, некоторые из них приехали буквально за несколько дней до интервью. Почти никто из них не говорил, что собирается в ближайшее время вернуться в Россию, большинство в своих интервью утверждало, что они хотели бы жить дома, но только после того, как кончится спецоперация и изменится режим. Лишь единицы были настроены вернуться, как только прекратятся военные действия. При этом многие говорили, что страх перед закрытием границ существенно снизился, этого ждут уже немногие, а потому многие их друзья и знакомые на время возвращались в Россию, чтобы собрать необходимые вещи, оформить и забрать нужные документы, чего они не сделали, улетая быстро и импульсивно. Некоторые возвращались даже для того, чтобы быстро оформить брак, поскольку это упростит многие бюрократические процедуры в другой стране, особенно если им предстояло переезжать из страны в страну. Один молодой человек рассказал, что, прилетев на короткое время в Москву для оформления каких-то документов, познакомился с девушкой, влюбился и решил на ней жениться. Он прилетел в Грузию, но собирался вскоре окончательно вернуться в Россию, поскольку его девушка эмигрировать не хотела.

Впрочем, некоторые респонденты сообщили, что знают людей, которые побыв некоторое время в другой стране, поняв, что вряд ли найдут работу по специальности, и не имея запаса финансовых средств, все-таки вернулись или собирались вернуться с ближайшее время, поскольку недооценили сложности жизни в эмиграции, улетели слишком импульсивно, не подготовившись.

Особенно уязвимыми оказались студенты, которые бросили вузы, не оформив академический отпуск, уехали в другую страну, но не смогли поступить в зарубежный университет. Они возвращаются домой, но оказываются в очень сложной ситуации, поскольку не могут продолжить обучение в прежнем университете: «*Мой 18-летний племянник со своей девушкой рванул вместе с нами, но теперь улетает обратно в Москву. Они маленькие еще, только начали учиться, найти работу они не могут. Поступить куда-то — тоже нужны время и деньги. Те, кто учится в магистратуре, аспирантуре, могут куда-то перевестись, а 18-летние малыши нет. Таких очень много было в самолетах, но непонятно, что дальше с ними будет, что здесь, что в Москве*».

Скорее всего, какой-то обратный поток уже происходит. Нет информации о его масштабах, поскольку такой статистики не ведется и не будет вестись. Начнет ли он расти или сокращаться, зависит от двух обстоятельств. Во-первых, от того, что будет происходить в России, сколько продолжится спецоперация, будут ли преследовать инакомыслящих, в том числе уезжавших в другие страны. Страх перед закрытием границ

уже существенно снизился, страх перед возможной мобилизацией сохраняется, а это две главных причины, которые привели к такому мощному эмиграционному взрыву в начале марта. В-вторых, насколько успешно будут идти дела у эмигрантов в других странах, какую работу им удастся найти, каково будет их финансовое состояние, поступят ли дети в вузы и пр. Все же, повторим, существенно терять в качестве жизни, в социальном статусе они не готовы.

Что касается перспектив, то очевидно: нынешняя эмиграционная волна изменила свою траекторию, она стала более плавной, не такой взрывной, как в начале марта. Люди продолжают и будут продолжать уезжать, но уже к отъезду подготовившись, не так импульсивно. Кроме того, часть из тех, кто прилетел в Армению, Грузию, Турцию и пр., все это время искали работу в Европе. Те, кому это удалось, переезжают в европейские страны. К этому стремятся и многие из тех, кто пока еще остается в России. В начале новой волны эмиграции в европейские страны могли уехать очень немногие, постепенно доля европейских стран будет расти. Насколько существенно, сказать сложно, поскольку за рабочие места, на которые претендуют высококвалифицированные российские эмигранты, им приходится конкурировать с коллегами из Украины, которые имеют значительные преимущества.

Заключение

Эта волна эмиграции высокообразованных противников режима отличается от характера эмиграции предыдущих десятилетий по ряду признаков.

1. По характеру эмиграции. Было: желание переехать в другую страну. Стало: стремление уехать из России.
2. По масштабам. Хотя точное число уезжающих из России неизвестно, но, по всем оценкам специалистов, число покинувших страну после начала спецоперации во много раз больше, чем это было раньше.
3. По преимущественным странам иммиграции. Было: США, европейские страны. Стало (на первом этапе): Армения, Грузия, Турция, Израиль.
4. По совпадению желания и возможностей выбора страны прибытия. Было: в основном совпадали. Стало: в основном не совпадают.
5. По предполагаемой длительности пребывания в стране прибытия. Было: постоянное или длительное пребывание в одной стране. Стало: в значительной степени на более короткий срок, желание переехать в страну большего предпочтения.
6. По наличию договоренностей о работе или учебе. Было: почти у всех. Стало: почти ни у кого (исключение — сотрудники релоцированных фирм, в основном IT-сектора).
7. По профессиональному составу иммигрантов. Стало: повышенная доля представителей IT-сектора.
8. По динамике социального статуса, доходов. Было: стремление их повысить. Стало: стремление сохранить или снизить не очень существенно.

9. По намерению вернуться в Россию. Было: до 2014 года — Россия одна из стран возможного выбора в зависимости от карьерных перспектив. С 2014 года до 24 февраля 2022-го — в Россию можно приезжать с разными целями, но преимущественно на время. Стало: в Россию стоит возвращаться только после окончания спецоперации.

Литература

1. Борусяк Л. Молодые интеллектуалы: почему они уезжают из России и собираются ли вернуться? // Вестник общественного мнения. Данные. Анализ. Дискуссии. 2019. № 1–2 (128). С. 147–160.
2. Волков Д. Конец антизападных настроений. URL: https://planperemen.org/opinion/volkov/14022019.
3. Денисенко М. Б. Эмиграция из бывшего СССР за последнюю четверть века: Доклад на научном семинаре в НИУ — ВШЭ 24 апреля 2019 г. URL: http://www.liberal.ru/articles/7357.
4. Левинсон А. Права и свободы. URL: https://www.levada.ru/2021/11/22/prava-i-svobody-2/.
5. Хёрст Дж., Ерофеев С. Путинский исход: новая утечка мозгов. Атлантический совет Соединенных Штатов. 2019. URL: http://publications.atlanticcouncil.org/putinskiy-iskhod/putinskiy-iskhod.pdf.
6. Puffer S. M., MacCarthy D. J., Satinsky D. M. Hammer & Silicon: The Soviet Diaspora in the US Innovation Economy // Cambridge University Press, 2018.

Интернет-источники

7. https://www.proekt.media/research/statistika-emigration/.
8. https://research1.okrussians.org/.
9. https://meduza.io/feature/2022/05/07/skolko-lyudey-uehalo-iz-rossii-iz-za-voyny-oni-uzhe-nikogda-ne-vernutsya-mozhno-li-eto-schitat-ocherednoy-volnoy-emigratsii.
10. https://www.levada.ru/2022/04/06/emigratsionnye-nastroeniya-5/.
11. https://www.levada.ru/2022/06/01/odobrenie-institutov-rejtingi-partij-i-politikov-3/.
12. https://www.levada.ru/2022/04/28/konflikt-s-ukrainoj-i-otvetstvennost-za-gibel-mirnyh-zhitelej/.

A new wave of highly educated emigration: why are they leaving Russia?

Liubov Borusyak

Abstract. The article is based on the results of 60 online interviews with highly educated emigrants who left Russia after February 24, conducted in April 2022. The article says that the greatest surge in emigration activity occurred at the beginning of March due to mass fears of border closures and the announcement of general mobilization. The choice of countries for departure was based solely on the opportunity to purchase a plane ticket, a significant part of respondents did not think about leaving the country before the start of the special operation. Putin's regime seemed to them difficult, but acceptable for life in the country. The beginning of the special operation destroyed the existing consensus, turned out to be absolutely unacceptable for a huge number of people, which caused a powerful surge in emigration activity. A significant part of respondents do not expect a long stay in the country of arrival, looking for opportunities to move to a more attractive country. They consider the possibility of

returning to Russia either after the end of the special operation, or if it is impossible to stay in another country due to the lack of suitable work and difficult financial circumstances.

Keywords: interview, emigration, relocation, motivation, flight, panic, adaptation.

«Несогласные» остающиеся в России: почему они не уезжают и думают ли об отъезде?[1]

Любовь Борусяк

Аннотация. Статья написана на основе результатов социологического онлайн-опроса высокообразованных жителей мегаполисов, негативно относящихся к спецоперации в Украине, остающихся или пока еще остающихся в России. В статье анализируется мотивация респондентов остаться в России или в дальнейшем уехать в другую страну. Исследование показало, что большинство из них окончательного выбора еще не сделали. Рассмотрено, как они реагировали на информацию о начале спецоперации, почему решили остаться в стране, чего больше всего опасаются в нынешней ситуации, что полезного, как им кажется, остающиеся «несогласные» могут сделать для страны и общества. Большое внимание уделяется исследованию того, как респонденты относятся к возникающей норме на отъезд в качестве наиболее правильного для представителей данной группы решения, что они думают об идее коллективной ответственности и коллективной вины.

Ключевые слова: эмиграция, мотивация, эмоции, почему не уезжают, коллективная ответственность, коллективная вина, социальное действие.

DOI: 10.55167/6dc2f9ea31c1

После начала спецоперации 24 февраля 2022 года в России начался подъем эмиграционной волны, несравненно более мощный, чем это происходило до того в течение многих десятилетий. Противники спецоперации и режима, особенно жители Москвы, Санкт-Петербурга, в меньшей степени других городов, преимущественно люди с высоким образовательным уровнем, начали покидать страну. Конечно, этот процесс не мог не привлечь внимания исследователей и широкой общественности. Исследованию этого процесса, проведенному в апреле 2022 года, посвящена и моя статья в настоящем выпуске журнала. Масштаб эмиграционной волны неизвестен, поскольку нет никакой статистики, но очевидно, что он велик, исчисляется несколькими сотнями тысяч людей. Однако гораздо больше людей, сходных по политическим взглядам, основным социально-демографическим характеристикам, включая уровень образования, не менее негативно относящихся к агрессии России в Украине, остаются в России. Кто-то из них страну через какое-то время покинет, но это не будут миллионы людей, а число противников спецоперации исчисляется именно миллио-

1. Выражаю благодарность Алексею Левинсону (Левада-центр) за ценные советы при проведении исследования и Арутюну Егиазаряну (студент Свободного университета) за помощь в обработке материалов.

нами. Так, по результатам всероссийского опроса общественного мнения, проведенного в конце марта Левада-центром, объявленным иностранным агентом, полностью поддерживали действия российских военных в Украине 53% взрослых жителей России, частично поддерживали 28% (в сумме 81%), скорее не поддерживали 8%, совершенно не поддерживали 6% (в сумме 14%)[2]. Практически не изменились мнения россиян в апреле[3], мае и июне[4] При этом, согласно отдельному опросу, проведенному Левада-центром в Москве, здесь доля поддерживающих спецоперацию в июне была на 9 процентных пунктов ниже, чем по стране в целом (66% против 75%), не поддерживают почти столько же (21%), но гораздо больше не определившихся (13% против 5%)[5].

То есть тех, кто не поддерживает спецоперацию, в стране примерно 15 млн чел. При этом с ее началом по результатам опросов Левада-центра парадоксальным образом сокращается число людей, настроенных на эмиграцию. Если в 2019 году 22% взрослых россиян указали, что хотели бы уехать из страны, то в марте 2022-го такие ответы составили 10%[6] Иными словами, происходит поляризация общества: консолидация сторонников происходящего среди основной части населения при одновременном росте эмиграционной активности одной части несогласных и тяжелом переживании ситуации среди приверженцев таких же взглядов, остающихся в России.

Если говорить об ядре «несогласия», то есть о тех людях, у кого происходящее в России и до февраля 2022 года вызывало протест, то это в значительной мере жители крупнейших городов, имеющие высокий уровень образования, те, кого было принято условно называть представителями среднего класса. Часть из них сразу после начала спецоперации начала активно покидать Россию, этот процесс продолжается и будет продолжаться, хотя не столь высокими темпами, как в начале военных действий. Другие, и их гораздо больше, остались в стране, по крайней мере на время, хотя для многих сложившаяся ситуация тяжела и мучительна. На этих людей исследователи пока не обратили внимания, они во многом остаются вне научного и социального дискурса, чувствуют себя одинокими, незаметными, почти отсутствующими в современном обществе, где преобладают сторонники спецоперации или люди, относящиеся к ней нейтрально. Сложность их положения связана с тем, что, с одной стороны, противники происходящего находятся под прессом властей, чувствуют исходящую

2. https://www.levada.ru/2022/03/31/konflikt-s-ukrainoj/.

3. https://www.levada.ru/2022/04/28/konflikt-s-ukrainoj-i-otvetstvennost-za-gibel-mirnyh-zhitelej/.

4. https://www.levada.ru/2022/06/30/konflikt-s-ukrainoj-3/.

5. https://www.levada.ru/2022/06/30/konflikt-s-ukrainoj-3/.

6. https://www.levada.ru/2022/04/06/emigratsionnye-nastroeniya-5/.

от них угрозу. С другой стороны, сторонники действий России в Украине, которых в стране очень много, относятся к ним негативно, а то и как к предателям. Зачастую им также приходится сталкиваться с мнением людей, покинувших Россию, преимущественно довольно давно, что все люди с оппозиционными взглядами после начала спецоперации покинули Россию, в ней остались только поддерживающие происходящее, остались только пособники властей. Особенно часто такого рода мнения транслируются в интернете, в социальных сетях, где остающихся в России несогласных стыдят за то, что они продолжают оставаться в стране-агрессоре. Им предъявляют самые разные обвинения, в частности, в том, что, оставаясь в России, они нормализуют и поддерживают существующий политический режим, с которым не ведут активной борьбы. Главное же, что они инертны, не совершают социально-политических действий в экстремальной ситуации, а отъезд несогласных в нынешних экстремальных обстоятельствах — это единственно возможный акт социального действия.

Создавалось впечатление, требующее проверки, что в современной ситуации сформировалась норма на отъезд как единственно верное решение, а потому остающиеся несогласные, представители достаточно узкой группы высокообразованных представителей среднего класса, воспринимаются уехавшими представителями той же группы нарушителями новой нормы: отъезд — это действие, сохранение status quo — бездействие, а потому от них требуются оправдания бездействия.

Исследователи, сосредоточившись на изучении новой волны эмиграции, не заинтересовались оставшимися именно в силу того, что не воспринимают их акторами социального действия, поскольку отсутствие действия, то есть отъезд, этого не предполагает. Но поскольку таких людей довольно много, то можно было предположить, что и оставаться в России для представителей таких взглядов может быть не просто инерцией, но и решением, результатом рефлексии и сделанного на ее основе выбора. Поэтому я решила исследовать мнения и мотивацию представителей этой группы, пока совершенно не изученной. Как уже говорилось выше, фактически это стало продолжением, новым этапом исследования, результаты которого опубликованы в настоящем выпуске журнала в статье «Новая волна высокообразованной эмиграции: почему они уезжают из России?»

В 0 часов 10 мая 2022 года я разместила анкету в интернете, где обратилась с предложением ответить на ее вопросы противников спецоперации, остающихся в России. Анкета состояла из 24 вопросов, большинство из них открытые. Для распространения анкеты я дала на нее ссылку в своей социальной сети и предложила всем желающим, прочитавшим мой пост, поделиться ею с друзьями. Очень быстро выяснилось, что исследование вызвало огромный интерес, уже к полудню 11 мая было собрано 500 анкет, на этом я закрыла их набор, так как полученного материала было достаточно для анализа. Если бы исследование продолжалось, то от-

ветов были бы многие тысячи. В течение длительного времени мне писали люди, которые очень хотели принять участие в исследовании, получить возможность высказаться, но опоздали, о чем очень жалели. Оставшимся в стране несогласным хотелось быть замеченными, услышанными, представленными в обществе, но у них не было для этого каналов. Как только такая возможность представилась, огромное количество людей захотели заявить о себе.

Описание исследование

Всего в социологическом опросе за короткий срок приняли участие 500 человек, 3/4 которых проживают в Москве (66,1%) и в Санкт-Петербурге (9,2%); 2% ответов пришлись на саратовцев, 1,4% жители Екатеринбурга, 1% — Нижнего Новгорода. Остальные 20% живут в других городах, преимущественно крупных.

Возраст респондентов колебался от 18 до 70 лет: 20% моложе 30 лет, 21% в возрасте 30–39 лет, 32% — 40–49 лет, 20% — 50–59 лет, остальным 7% 60 лет и более. Все респонденты имеют высшее образование (у некоторых есть ученые степени) или являются студентами вузов. Если среди новых эмигрантов очень высокую долю составляют представители IT-сектора, что отразилось и на профессиональном составе людей, давших мне интервью, то среди респондентов майского исследования преобладали представители гуманитарных профессий, с чем связано преобладание женщин среди участников опроса (более 2/3). Самую большую группу составили представители образовательной и научной сфер — 34%, 10% составили работающие в СМИ, маркетинге, рекламе. По 9% три категории — литература, искусство, культура; НКО и благотворительный сектор, IT и инженерия. Далее в порядке сокращения числа ответивших: студенты — 7%; редакторы, переводчики; пенсионеры — по 5%. Представителей других профессий было меньше.

Такое преобладание гуманитариев среди участников опроса во многом связано с тем, что они воспринимают вероятность найти работу по профессии за рубежом как очень низкую, а потому эмигрировать им значительно сложнее. Есть и другие обстоятельства, которые будут приведены ниже. Как и представители несогласных, покинувших страну, они не готовы существенно снизить свой социальный статус, согласиться на низкоквалифицированную работу. Однако это не означает, что все они остаются из-за страха не найти подходящую работу, то есть вынуждены так поступить. Тем не менее, как показали результаты опроса, не очень большая часть представителей изучаемой мною группы хотя бы в какой-то мере не задумывалась об отъезде из страны, таких оказалась лишь 1/4 респондентов, причем преимущественно это люди старших возрастов. Тема эмиграции как одного из очевидных способов справиться с тяжелой си-

туацией стала за последние месяцы одной из самых распространенных в этом кругу.

Хотя эмигрировавших, даже среди представителей наиболее политически протестно ангажированной части общества, значительно меньше, чем остающихся, именно они задают главный тренд, норму. У большинства респондентов (почти 80%) кто-то из друзей и знакомых покинул в последние месяцы Россию, таких не оказалось лишь у 19%, при этом уже уехали многие знакомые у 42,4%, то есть почти у половины участников опроса. И далеко не все участники исследования считают решение остаться окончательным и бесповоротным, таких оказалось 37%, в то время как 28% пока не сделали окончательного выбора, а 19% предполагают, что в конце концов все-таки придется уехать (остальные 16% затруднились ответить).

Это означает, что между уехавшими и остающимися (по крайней мере, пока) в России представителями высокообразованных несогласных, преимущественно жителями Москвы, Санкт-Петербурга и других мегаполисов, нет существенной разницы по большинству характеристик. Часть из тех, кто уехал, особенно в самом начале спецоперации, через какое-то время могут вернуться в Россию, а кто-то уже вернулся. Есть такие и среди тех, кто давал мне интервью в апреле и тогда не предполагал возвращаться. Часть из тех, кто отвечал на опросы анкеты и заявил о неготовности уезжать, напротив, могут уехать, если ситуация станет совсем невыносимой. Уровень турбулентности настолько высок, что далеко у не всех принятые решения действительно окончательны и бесповоротны. Представители обеих групп и до начала спецоперации не поддерживали путинский режим, многие участвовали в акциях протеста, но большинство тех и других не собирались покидать Россию — ситуация представлялась терпимой, не требующей такой радикальной меры, как отъезд из страны. Только нарушение властями самой базовой нормы — нормы на мир — привело к тому, что одни уехали, а другие остались, но в большинстве случаев не стали воспринимать эмиграцию как нечто невозможное.

Как они восприняли начало спецоперации

О своей реакции на начало спецоперации уехавшие и оставшиеся рассказывали практически одинаково. Как бы негативно они ни относились к путинскому режиму, становившемуся все более жестким, начала военных действий не ожидал практически никто, это казалось грубым, невероятным нарушением базовой нормы. Крымские события 2014 года по силе реакции и близко не могли сравниться с тем, что произошло с несогласными 24 февраля 2022 года.

Я провела подсчет эпитетов, которыми описывали свою реакцию на сообщение о начале спецоперации 500 респондентов, заполнивших анкету. Чаще всего ее описывали словом «ужас»: «*Сперва был ужас, он продолжается,*

уже навсегда, наверное», «*Леденящий ужас*», «*Ужас. Не могла вдохнуть и разговаривать две-три недели*»[7] и т. п. Хотя к середине мая прошло уже довольно много времени с этого дня, у большинства началось своего рода привыкание к новой ситуации, эмоции в первый момент были настолько сильными, что описания оказались исключительно экспрессивными. Люди переживали их словно с той же силой, как два с половиной месяца назад, когда почувствовали себя будто парализованными, не могли двигаться и дышать (об этом писали довольно многие). Несколько реже с равной частотой встречались эпитеты «шок» («*Шок. Неделю не могла есть и разговаривать. Пережила несколько панических атак*», «*Был шок, состояние гигантского стресса*») и «страх» («*Было чувство страха очень сильное, ощущение, что рушится жизнь*»). На три этих слова пришлось более половины ответов. Все эти эпитеты описывают стресс, затем панику, которую испытали респонденты. Те же самые чувства были присущи и уехавшим, а многие из оставшихся подумали в тот момент об отъезде, но его не совершили. Разница состояла в том, что одних чувство паники заставило броситься за билетами в любое место, куда их можно было купить, а других — замереть, не двигаться, а потом начать оценивать свои возможности.

На втором месте по частоте упоминаний оказались реакции, которые описывали словами «боль», "горе", «отчаяние», «печаль». Это уже не страх перед наступившей новой эпохой, перед своим будущим, будущим семьи и страны, а эмоциональное расстройство: «*Боль и разочарование в том, что моя страна поступила именно так*», «*Сильнейшая боль*», «*Я никогда не была в таком отчаянии*».

Поскольку почти для всех начало спецоперации было неожиданным, многие писали, что испытали «растерянность» и «недоумение»: «*Я просто не могла в это поверить*», «*Растерянность*», «*Растерянность, недоумение*». На ответы о страхе, боли, растерянности пришлось более 3/4 ответов. Если добавить к ним ответы о безысходности, бессилии, безнадежности, об ощущении того, что привычный мир рухнул навсегда, то получится более 80% ответов.

Все это реакции характеризуют чувство слабости перед лицом угрозы, невозможности не только что-то изменить, но и сохранить себя. Возможно, столь большое количество характеристик слабости и бессилия связано с преобладанием женщин среди респондентов, а если бы было соблюдено гендерное равенство, их доля была меньше, но это требует проверки.

Далее по числу ответов следуют такие характеристики, как стыд («*Было стыдно перед украинскими подругами и страшно за них*», «*Стыд за страну*») и гнев, злость, возмущение, ненависть («*Глубокая ненависть к тем, кто продолжает стрелять, бомбить и убивать мирных людей*», «*Сильнейшая злость*»,

7. Здесь и дальше все цитаты из анкет респондентов приводятся курсивом.

«*Гнев и ярость, сильнейшая ярость*»). Таких ответов в процентном отношении заметно меньше, чем перечисленных выше. Респонденты в большинстве своем воспринимают себя в качестве жертв происходящего, они считают, что в этот день их жизнь была разрушена. Примерно то же самое относится и к большинству давших мне интервью эмигрантов, уезжавших в панике в начале спецоперации, что, как им казалось, поможет им спастись.

Опрошенные остающиеся в России несогласные не ассоциируют себя с государством, которое считают агрессором, с действиями этого государства, которые не приемлют, а потому редко говорили о чувстве стыда и вины. Ниже я проанализирую их ответы на вопрос о коллективной вине и коллективной ответственности, но, если судить по реакциям на начало спецоперации, лишь незначительная часть участников исследования с этими конструктами согласится. А вот гнев и ярость — это уже эмоции, предполагающие какие-то действия по борьбе со сложившейся ситуацией, начало или продолжение политической борьбы.

Почему они решили остаться в России и является ли это решение нарушением новой нормы на эмиграцию

Все участники исследования встретили новость о начале спецоперации резко негативно. Шок, ужас, растерянность, безысходность — это, очевидно, реакции негативные, как гнев и возмущение. В этой ситуации могло возникнуть несколько решений:

- как можно скорее покинуть страну;
- на какое-то время остаться в ней и подождать, как будут развиваться события, и лишь потом принимать решение;
- остаться и готовиться к отъезду (искать работу, улучшать финансовую ситуацию и т. п.);
- остаться и попытаться, с учетом ситуации, бороться с помощью возможных средств;
- пытаться продолжать жить, как прежде, если это будет возможно, продолжая делать свое дело.

Все эти варианты продемонстрировали участники исследования, только 220 человек (44%) написали в анкете, что твердо решили остаться в России и считают отъезд невозможным даже в перспективе.

Поскольку тема отъезда как наиболее правильного и достойного способа действия в сложившейся ситуации стала для представителей этой группы очень популярной с первых недель после начала спецоперации, а постепенно становилась почти нормативной, большинству респондентов неоднократно знакомые задавали вопросы, почему они *не* уезжают. В данной среде решение остаться уже требует объяснений, оно перестало быть понятным и очевидным. Не случайно практически все участники исследования задумывались над правильностью своего решения, рефлексировали по его поводу. Среди них нашлись даже те, кто так часто отвечал на этот

вопрос, что подготовил развернутые ответы, фактически оправдания. Это означает, что многие чувствуют, что нарушают новую норму и должны для своего решения иметь какие-то приемлемые объяснения, чтобы доказать свое право не уезжать гипотетическому или реальному критику, то есть избежать санкции-осуждения.

Вот как начинается один из рассказов, очень длинный и подробный: «*Я много думала и очень часто рассказывала уехавшим друзьям об этом, а потому отточила формулировки…*» Далее следуют четыре причины, которые автор считает убедительными, чтобы иметь моральное право оставаться в России. Эти причины она определяет как политическую, эпистемическую, экологическую и культурную. К политической она относит уверенность, что, если все будут уезжать, это приведет к «*установлению тут тотальности*», то есть в стране останутся только сторонники режима и спецоперации, что выгодно властям. К эпистемической — необходимость сохранения внутри страны людей, которые могут профессионально проводить социальные исследования, а она социолог.

Среди 254 ответов 220 респондентов (34 из них указали более одного объяснения), твердо решивших не покидать страну, более всего отвергается новая норма на отъезд как единственно правильное решение, она для респондентов не существует (табл. 1). В обобщенном виде такой тип ответов можно описать так: «Это мой дом, моя страна, с какой стати я отсюда уеду?» Так ответили 44% представителей данной группы, 19,4% всех опрошенных, то есть каждый пятый. Вот наиболее типичные ответы такого рода: «*Здесь дом, в чужой стране себя не представляю*», «*Хочу жить в России и в горе, и в радости*», «*Моя жизнь — здесь*», «*Здесь мой дом и здесь моя земля, а не их*». Под обобщенными «ими» имеются в виду власти страны.

Таблица 1. Причина, по которой респонденты не уедут из России, % кол-ва ответов

п/п	Ответы	Данная группа	Общее число респондентов
1	Это мой дом, моя страна	44,0	19,4
2	Нет ресурсов для отъезда	23,6	12,0
3	Ответственность за других	18,1	9,2
4	Страна не равно государство, хочу бороться, нужен здесь	17,7	9,0
5	Другое	2,4	1,2

Прежде чем анализировать ответы респондентов, давших другие объяснения, посмотрим, действительно ли такая норма сложилась. Это не очевидно, а потому требует проверки. Отвечая на прямой, хотя и мягко (проективно) сформулированный вопрос: «Иногда создается впечатление, что сложилась новая норма: если ты не согласен с существующей ситуацией, то правильно уехать. Как вы считаете, так ли это?», только 1/4 опро-

шенных с таким мнением согласилась, 2/3 выбрали варианты «скорее нет» и «нет», остальные затруднились ответить. Тем не менее только 7% респондентов дали ответы, отвергающие такую норму. Они писали, что несогласие со спецоперацией и существующим режимом вообще не является причиной для отъезда: «*Я могу быть не согласна с правительством своей страны, но оно не может отнять у меня мою страну*», «*Я все же не понимаю, почему мы должны бросать все тут (а это не только имущество и работа) и куда-то ехать, если не согласны*», «*Человек не обязан уезжать из страны только потому, что не согласен с властью. Это его страна, его дом, и он имеет право в ней жить, несмотря ни на что. другое дело, что власть иногда не оставляет выбора*» и пр. При этом 18,3% подтвердили, что уезжать надо, это правильно, таким, как они, в России делать нечего, и вообще опасно, то есть открыто подтвердили существование нормы.

Все остальные объясняли, почему они считают *нормальным* не уезжать из России, ищут и находят резоны, почему они такое право имеют. Наиболее популярными оказались объяснения такого рода: «Мы должны остаться, чтобы бороться» (21,4% ответов). Борьба против режима изнутри, как они полагают, легитимирует их отказ от эмиграции. При этом они очень часто противопоставляли себя уехавшим, которые, по их мнению, испугались и предпочли собственную безопасность (таких ответов 7,4%, всего 28,8%): «*Кто уехал, тот предатель. И скатертью им дорога. Не вообще кто уехал, а именно сейчас. Делай что-то хорошее там, где ты есть, а не беги, от себя не убежишь, как говорится*», «*Люди, которые сбежали, ради оправдания собственных действий пытаются транслировать и навязывать всем эту новую „норму“*», «*Хочется, чтобы в России остались адекватные люди, потому что есть куча проблем, которые необходимо решать. От эвакуации проблемы не рассосутся. Если останется только гомогенная масса ура-патриотов, то что будет с этой страной?*» и т. п. Такие респонденты указали, что нормы не существует, но их противопоставление себя уехавшим, попытка доказать гипотетическим «им» свою правоту — это своего рода заочный спор с нормой, а значит, ее признание.

Довольно многих можно назвать колеблющимися, они исходят из посылки, что нет единственно верного решения, а потому эта норма не обязательная, все зависит от обстоятельств, не надо давить на остающихся: «*Никогда не смогут уехать все. У каждого свои причины уехать или остаться, это не означает, что правильно уехать или, наоборот, правильно остаться. Каждый решает сам*», «*Есть обстоятельства, на которые мы не в силах повлиять, поэтому думаю, что не стоит всех мерить по одной мерке*», «*Многие люди не согласны, но не могут уехать. Есть множество ограничений*» и т. п. То же самое относится к 7,4% респондентов, которые оправдывают невозможность уехать, отсутствием необходимых ресурсов. Наконец, 17,6% признают наличие нормы, но не согласны с ней, считают ее неправильной, поскольку эмиграция «*это привилегия*», «*уезжают те, кто имеет финансовую возможность*», «*многие*

не могут уехать из-за родных и/или из-за невозможности найти работу в другой стране — такую, чтобы прокормить семью. Тут можно быть сколько угодно несогласным, но умирать от голода и побираться на улице — так себе альтернатива». Слово «привилегия» по отношению к эмиграции и эмигрантам встречается очень часто, а раз человек обладает привилегиями, он не имеет морального права формировать нормы: пусть эта норма возникла, но это несправедливая норма. То же самое относится к ответам немного иного типа: «*Я бы предпочла остаться, даже если вывезу близких. Эмиграция — это окончательное поражение*». Если в качестве поражения эмиграцию относят к другим людям, к уехавшим, то это тоже агрессивное реагирование на норму, которая им не нравится, но и признание ее существования.

Итак, ответы респондентов показали, что норма на отъезд в этой среде все-таки сложилась. Социальная норма не рефлексируется прямо и непосредственно, поэтому большинство участников исследования отказались признать ее существование, но при этом косвенным образом выяснилось, что на большинство респондентов она действует, в качестве санкции выступает реальное или гипотетическое осуждение уехавших, которым они стремятся доказать свое право оставаться в своей стране.

На втором месте по популярности ответы об отсутствии достаточных для эмиграции ресурсов: «*Незнание английского языка, неприспособленность к жизни в другой стране*», «*У нас нет финансовой подушки безопасности, нет предложений работы в других странах. Нам будет банально не на что жить*», «*Нет денег, возможности легализоваться, работать там*» и т. п. Сюда же относятся ответы об ответственности за других, обременениях: «*Эмиграция убьет старшее поколение нашей семьи*», «*У нас с мужем пожилые родители и множество обязательств в России*», «*Здесь звери*». Конечно, не все люди, давшие такого рода ответы, оправдывают свое решение не уезжать, среди них есть немало тех, кто хотел бы, но уверен, что не уедет, поскольку не имеет морального права и возможности, но для части из них это оправдание, а потому оглядка на новую норму.

Наконец, еще одно объяснение, набравшее немного ответов: «Страна — это не государство. Хочу бороться, нужен здесь». Такие ответы давали в основном те, кто испытывал не только страх и смятение, но и желание что-то сделать, чтобы изменить ситуацию, то есть находится не в слабой, жертвенной позиции, а в позиции сильной, среди них много мужчин: «*Потому что не идентифицирую страну с действующей властью. Считаю несправедливым отказываться от всего, что вложила в свою жизнь, свою страну из-за временных людей у власти. Пусть они лучше уезжают!*», «*Должен помогать людям в своей стране выживать в тяжелые времена*», «*Кто-то должен защищать слабых. Кто будет делать мою работу?*», «*Я хочу работать здесь, делать лучше жизнь вокруг себя здесь*», «*Я могу принести пользу своей стране и улучшить ее, а не бежать, поджав хвост*».

Почему пока остающиеся могут все-таки уехать

На вопрос об обстоятельствах, которые могут привести к отъезду, ответили 436 респондентов, давшие 502 ответа. Число ответов превышает количество ответивших, поскольку некоторые из них указали более одной причины. Чаще всего в качестве главного стимула к отъезду респонденты называли угрозу безопасност исобственной жизни и здоровью, как и жизни и при этом обращают на себя внимание здоровью близких — более трети ответов (табл. 2). Участники исследования, давшие такие ответы, чаще всего упоминали возможные политические преследования, аресты, политическое давление, репрессии. В абсолютном числе случаев речь шла не об актуальных опасностях, а возможном их возникновении в будущем.

Таблица 2. При каких обстоятельствах могут решить уехать из России

п/п	Ответы	Кол-во ответов	%
1	Угроза безопасности для себя и близких	178	35,4
2	Перспективы в другой стране, возникшие финансовые возможности, чтобы уехать	75	14,9
3	Угроза военных действий на территории России, длительное продолжение спецоперации	48	9,6
4	Личные и семейные обстоятельства	46	9,2
5	Потеря работы в России, невозможность работать, как прежде	37	7,4
6	Ужесточение политического режима, ухудшение политической обстановки в России	34	6,8
7	Угроза или введение всеобщей мобилизации или военного положения в России	32	6,4
8	Экономические причины (нищета, голод, ухудшение экономической ситуации в стране)	19	3,7
9	Угроза закрытия границ	8	1,6
10	Затрудняюсь ответить	25	5,0
	Всего	502	100

На втором месте по числу ответов два типа: появление финансовых возможностей для отъезда (таких ответов единицы) либо получение работы за рубежом. Надежду на создание финансовой подушки для отъезда питают немногие, поскольку в существующей экономической ситуации в стране роста доходов практически не ждут. Абсолютное большинство респондентов, отвечая на вопрос о перспективах российской экономики, дали негативные ответы: *«упадок», «ухудшение», «падение», «стагнация»*, поэтому они не видят для себя позитивных сдвигов в этом плане. Гораздо чаще

высказывали надежду найти хорошую работу в другой стране или возможность продолжить обучение в зарубежном вузе: «*Если получу хорошее рабочее предложение*», «*Если предложат место в зарубежном вузе*», «*Если найдется подходящая работа, которая даст возможность оформить валидный статус в другой стране и уверенный доход*» и пр. Другое дело, что для большинства респондентов, давших такие ответы, подобная возможность не кажется вероятной в ближайшей перспективе. На два наиболее часто встречающихся типа ответов пришлась ровно половина, все остальные оказались менее популярными.

Почти 10% ответов связаны с опасностью переноса военных действий на территорию России («*Война на территории России*», «*Боевые действия в родном городе*», «*Если к нам придут военные действия*») или отсутствием перспектив завершения спецоперации в Украине в близкой перспективе («*Если война затянется на несколько лет*», «*Затягивание войны*», «*Затянувшаяся война*»), несколько раз упоминалась и опасность ядерной войны («*Применение ядерного оружия*»). Согласно результатам опросов общественного мнения Левада-центра, в обществе нет единого мнения о продолжительности военных действий. В мае 2022 года, то есть в период проведения моего опроса, 37% жителей страны полагали, что спецоперация продлится не более шести месяцев, 23% — от полугода до года, 21% — более года, 19% затруднились ответить (в июне, соответственно, 33%, 23%, 22%, 27% и 18%)[8] По понятным причинам нет четких представлений об этом и у участников опроса. Они скорее настроены на то, что все это будет продолжаться неопределенно долго, оптимистов среди ответивших практически нет.

Под личными и семейными обстоятельствами, которые могут стимулировать отъезд, респонденты понимают либо освобождение от обязательств перед больными родственниками, в основном пожилыми, например в случае их смерти, либо ухудшение своего здоровья, требующего лечения за рубежом, либо развод, разрыв личных или семейных отношений, либо, напротив, вступление в брак с иностранцем или россиянином, желающим уехать, и т. п. Вот типичные ответы такого рода: «*Если умрут родители, а сын перестанет получать дорогостоящее лечение, от которого зависит его жизнь*», «*Мы тут, пока живы родители мужа. Им 92 и 94 года*», «*Если муж даст разрешение на выезд ребенка*», «*Если мне потребуется лечение за границей*», «*Если дети решат уехать*».

Очень мало кто из респондентов боится нищеты, голода, резкого ухудшения уровня жизни. Во многом это связано с тем, что большинство из них жители Москвы и Санкт-Петербурга, где уровень жизни значительно выше, чем в большинстве регионов, а доходы, уровень и качество жизни в первые месяцы спецоперации, как и уровень сервиса, снабжения продуктами в городах, где они живут, изменились очень слабо. Совсем не-

8. https://www.levada.ru/2022/06/30/konflikt-s-ukrainoj-3/.

многие опасаются остаться без работы, есть и те, кто, не боясь потерять работу, высказывает опасения, что не сможет заниматься любимым делом так, как это делал прежде и считает правильным: «*Будет невозможно заниматься тем делом, которое я люблю (журналистской), или цензура достигнет таких масштабов, что нас снова загонят на кухни. Все-таки сейчас, несмотря на преследование прессы и активистов, в России остается возможность оставаться человеком своих принципов и на свободе*», «*Меня будут принуждать на работе говорить и делать вещи, несовместимые с моими принципами*» и т. п. В целом обращает на себя внимание, что, несмотря на негативные прогнозы экономической ситуации в стране, очень немногие боятся резкого ухудшения финансового положения своего и своей семьи. Тяжелых экономических проблем боятся немногие, а вот будущее детей вызывает тяжелые страхи и опасения.

Страхи и опасения: дети без будущего

Как отмечалось выше, в момент начала спецоперации большинство респондентов испытали страх, ужас, шок из-за неожиданного для них развития ситуации, нарушения государством базовой нормы на мир. Больше всего в тот момент как уехавших, так и оставшихся пугало возможное закрытие границ и всеобщая мобилизация. Через два с половиной месяца эффект внезапности прошел, началась своего рода рутинизация жизни в новых, крайне неблагоприятных условиях, привычка к ней. Некоторые респонденты называли эту новую ситуацию словами Ханны Арендт «банальностью зла». Страх перед закрытием границ почти ушел, сформировалось мнение, что власти скорее стремятся выдавить несогласных из страны, чем их в ней задерживать, что они властям не только не нужны, они им мешают. Страх перед всеобщей мобилизацией остался, но стал существенно слабее, поскольку время шло, а ее не было. При этом негативное отношение к военным действиям осталось прежним, как и чувство приближения опасности. Прежде всего, как отмечалось выше, угрозы экзистенциального характера — собственной жизни и безопасности, жизни и безопасности членов семьи, прежде всего детей. Уверенность, что режим будет становиться все жестче, репрессии из относительно точечных превратятся в массовые, присуща большинству респондентов.

Чем больше проходило времени с начала спецоперации, чем яснее становилось, что она затягивается на неопределенный срок, тем больше проявлялись страхи и опасения, связанные с потерей в этой стране будущего для себя и особенно для детей, абортированием, уничтожением спокойного и успешного будущего. Поскольку большинство респондентов уверены, что политическая и экономическая ситуация в стране будут ухудшаться, ждать мира в ближайшее время не приходится, то будущего

у жителей страны вообще и у несогласных с действиями властей в особенности нет.

Среди страхов россиян по результатам многолетних опросов Левада-центра всегда главенствовал страх за детей (их болезни и смерть), это показал и январский опрос 2022 года, когда на этот страх указали 82% опрошенных[9]. В советское время существовало клише «дети — наше будущее», а раз нет будущего у страны, то нет его и у самого ценного — у детей, и это одна из важнейших причин, почему многие респонденты задумываются об отъезде.

О том, что у детей отняли будущее, в чем именно эта утрата заключается, писали очень многие. Некоторые совсем лаконично («*у детей нет будущего*»), некоторые более развернуто, и можно выделить несколько типов объяснений:

- страна изолируется от мира: «*Я поняла, что в стране, отгороженной от всего мира, у моих детей не будет достойного будущего*», «*Потому, что возникло ощущение близкой изоляции от всего мира, а значит, минимум возможностей для моих детей*»;
- дети не получат качественного образования: «*Потому что в школах будут учить только скрепам*», «*Как в СССР будут политинформации*», «*Мой сын не сможет поехать учиться за рубеж*»;
- ребенок будет расти в атмосфере лжи и отсутствия свободы: «*Мне страшно, что надо будет оберегать детей от честной информации, чтобы им не грозила опасность*», «*Страшно, что ребенок не будет знать, что такое свобода*» и т. п.;
- непонятно, что будет дальше, страшно за детей: «*Не вижу будущего для своей дочери*», «*Страшно за неясное будущее для меня и дочери*», «*Будущее в нашей стране непредсказуемо, а у меня дети. Что их ждет?*».

Мы рассмотрели многие причины, почему значительная часть остающихся несогласных не отрицает возможности в какой-то момент покинуть Россию, но пока они в России остаются, а почти половина на момент опроса не рассматривала возможность отъезда:

- по причинам, которые этому препятствуют (неуверенность, что удастся найти работу за рубежом, или даже уверенность, что сделать это не получится без резкого ухудшения социального и профессионального статуса, отсутствие финансовых возможностей, ответственность за других людей и домашних животных);
- потому что отказываются считать отъезд несогласных правильной нормой;
- потому что хотят помочь стране (не государству!) и обществу сохранить ее будущее.

Что полезного для страны могут сделать остающиеся в России

На этот вопрос дали ответы 445 человек (89%) участников опроса, причем не только те, кто твердо решил не уезжать, но и большинство тех, кто еще

9. https://www.levada.ru/2022/01/12/strahi-5/.

не принял окончательного решения и даже некоторые из предполагающих все-таки уехать. Всего они дали 724 ответа, то есть большинство указали более одного варианта полезных действий. Эта тема показалась очень важной респондентам, многие из них давали очень подробные ответы, приводили сразу несколько объяснений. Очевидно, это связано с тем, что таким образом они себе и обобщенным другим, в том числе реальным или гипотетическим критикам, пытались легитимировать свое пребывание в России, показать, что оставаться — это не только пассивное ожидание развития ситуации, но и своего рода активное социальное или политическое действие, форма протеста.

Не случайно, первое место по числу ответов заняли варианты, которые я сгруппировала как «гражданское и политическое участие» и «гуманизм, взаимная поддержка, ценности» — по 16,6% от всех ответов (см. табл. 3).

Таблица 3. Ответы на вопрос «Как вам кажется, что полезного могут сделать люди, остающиеся в России?»

Полезные действия	Кол-во ответивших	%
Гражданское, политическое участие	120	16,6
Гуманизм, взаимная поддержка, ценности	120	16,6
Работать, заниматься своим делом	106	14,7
Помогать другим, более слабым	89	12,3
Говорить, просвещать, убеждать	88	12,0
Сохранить себя, выжить	81	11,2
Беречь, воспитывать детей	38	5,2
Чего не делать?	37	5,1
Другое	17	2,4
Ничего, не знаю	28	3,9

Радикальных способов борьбы и открытых форм гражданского неповиновения респонденты предлагают относительно немного, в основном мужчины. Большинство же исходит из реальной оценки своих возможностей, учитывают, что в существующей ситуации многие формы открытых действий практически невозможны. Поэтому чаще всего предлагают использовать мирные формы протеста: *«Сопротивляться. По мере возможности и сил, с оглядкой на УК!», «Сопротивляться режиму по мере сил и возможностей, говорить правду»*. Дополнение к предложениям что-то делать на политическом поле «*по мере сил и возможностей*» встречается в большом количестве ответов, как и слово «сопротивление», которое используется чаще, чем «борьба». Борьба — это открытое действие, сопротивление — часто

скрытое, это борьба своего рода партизанская, это слово тоже нередко используется.

Слова «по мере сил и возможностей» означают призыв избегать арестов и судов, вероятность которых очевидна всем. Если говорить о более конкретных предложениях, то это антивоенная деятельность: работать с населением с помощью листовок, встреч, бесед, продвижение форм безопасного или наименее опасного протеста, участие в одиночных пикетах («*Лично мое мнение, что на честь русского народа (который в отрыве от власти) один задержанный пикетчик в центре Москвы оказывает такое же положительное влияние, какое и сотня митингующих где-нибудь в Тбилиси*»). Есть и другие предложения, например: «*А еще важно демонстрировать своим поведением всему миру, что россияне — цивилизованные и миролюбивые люди, а не мародеры и убийцы или те, кто их оправдывает. А также важно оказывать сопротивление бытовому фашизму*», «*Протестовать против войны анонимно (стрит-арт), участвовать в антивоенных акциях, за которые не сажают, носить антивоенную символику, саботировать работу пропаганды и военных предприятий, если есть возможность*», «*Поддерживать антивоенные движения*» и т. п.

Столько же ответов попали в группу, объединяющую респондентов, полагающих, что их миссия и таких, как они, заключается в поддержке в обществе гуманистических ценностей, что на них лежит ответственность не допустить одичания общества, без чего у страны нет будущего. Эти ответы тесно связаны с группой высказываний о необходимости честно делать свое дело. Зачастую их давали одни и те же люди, преимущественно представители сфер образования и науки, литературы и искусства, сотрудники НКО и благотворительных организаций, составившие более половины участников опроса. Они рассматривают свою профессиональную деятельность как своего рода миссию, считают, что на своем рабочем месте очень много делают для гуманизации общества, а потому их отъезд будет вреден для страны, которую они не отождествляют с государством. Приведу несколько типичных примеров таких высказываний: «*Быть носителями, хранителями и распространителями значимых для них ценностей. Это уже немало*», «*Самое страшное в теперешней ситуации для всех — расчеловечивание! Мы не должны его допустить!*», «*Создавать и хранить культуру, искусство, науку*», «*Сохранить ценности и передать их тем, кто захочет усвоить преподаватели, учителя, врачи и т. д.*», «*Сохранять четкое представление о том, что нормально, а что нет*». Не случайно, о важности своей профессиональной деятельности многие писали с пафосом, такие респонденты уверены, что их работа в России важна, необходимо, чтобы у нее было будущее: «*Делать свое прежнее дело, делать честно. Есть такие дела, которые, кроме тебя, не выполнит никто. Не напишет именно этот учебник или именно эту статью...*», «*Я учитель, я буду продолжать учить детей, врачи будут продолжать лечить. Наши знания нужны остающимся. Все люди огромной страны не могут взять и уехать. И я надеюсь, что настанут другие времена на этой многострадальной*

земле. Тогда мы тем более будем здесь нужны. Кто-то же должен будет наводить порядок в доме».

Следующие две группы высказываний близки между собой, всего на них проходится около 1/4 ответов: помогать слабым и убеждать колеблющихся, тех, кто не определился в своем отношении к происходящему, не имеет четкой позиции по отношению к спецоперации. Кому нужно помогать? Тут два типа предложений. Более половины ответов — необходимость помощи украинцам, чаще речь идет о беженцах: «*Помочь беженцам, все же прибывшим в Россию (возможно, помочь уехать), осуществлять переводы организациям, помогающим беженцам за пределами России, особенно там, где их поток особенно велик или помогать организациям, помогающим украинцам на территории Украины*», «*Оказывать помощь беженцам — финансовую и профессиональную (консультациями, услугами и так далее)*». Остальные ответы касаются помощи нуждающимся россиянам: больным детям, старикам, предложения заниматься волонтерством. Другие респонденты пишут о необходимости помогать арестованным и осужденным политическим активистам, разного рода правозащитным организациям и т. п.

Многие участники опроса уверены, что политическое просвещение граждан, своего рода новое народничество — это тоже помощь и ее надо оказывать: «*Говорить с соседями. Объяснять, почему эту война — преступление и почему ее обязательно нужно прекратить*», «*Участвовать в распространении правдивой информации, напрямую доносить свою точку зрения до колеблющихся. Такое будет иметь большее воздействие, чем у уехавших*», «*Как минимум убеждением на уровне личных связей, тяжело убедить себя, что это значимо, но может иметь большой результат. Тем более цена такого убеждения от тех, кто стоит с тобой на одной земле, для многих больше, чем со стороны уехавших*» и т. п.

При этом обращают на себя внимание два обстоятельства: 1) многократное повторение слов, что обращение к людям со стороны противников спецоперации и политики российского государства в целом гораздо эффективнее, если идет изнутри, чем снаружи страны, что их (остающихся) деятельность в этом смысле приносит больше пользы; 2) в нескольких анкетах авторы сетуют, что противники режима долгое время отстраивались от его сторонников и даже колеблющихся в оценке действий властей, проявляли снобизм, результатом чего в немалой степени стало их нынешнее маргинальное положение. Это надо понять и, пусть с опозданием, пытаться свою ошибку исправить: «*Нам надо пытаться выйти из своего информационного пузыря, говорить с людьми, противостоять пропаганде*», «*Самое полезное сейчас — это диалог с теми, кто „за“. Надо пытаться разговаривать, пытаться их услышать, до них достучаться. И главное, помнить, что там точно такие же люди, как мы. Ведь эти люди все в большинстве своем хорошие, именно потому, что они хорошие, их поймали подменой понятий. Поймали на том, что в Украине люди страдают и им надо помочь*» и пр.

В отдельную небольшую группу (5% ответов) я выделила высказывания от противного: чего *не делать* во имя пользы, чего делать нельзя. В основном это лапидарные ответы, призывы, заканчивающиеся восклицательным знаком: «*Не поддерживать спецоперацию!*», «*Не дать варварству полностью поглотить общественное сознание!*», «*Не поддерживать пропаганду!*», «*Не бросать некоммерческие проекты!*», «*Не дать режиму раздавить остатки общества!*» и т. п., но чаще всего это были слова: «*Не бояться!*» и «*Не молчать!*» Не бояться — это значит быть готовыми к действиям, не молчать — совершать эти действия открыто мирными способами.

Как мы видим, абсолютное большинство участников исследования считают, что даже в сложившейся ситуации можно довольно многое сделать, оставаясь в России, хотя в тяжелой ситуации возможности для этого весьма ограниченные. Тем не менее они понимают, что остаются жителями страны, которую считают агрессором. Считают ли они при этом, что должны нести коллективную ответственность? Должны ли они нести их в большей мере, чем уехавшие? Эта темы стали популярными в общественном дискурсе в последние месяцы, а потому не могли не затронуть группу высокообразованных несогласных.

Коллективная ответственность: что о ней думают остающиеся

Темы коллективной ответственности и коллективной вины настолько широко представлены — преимущественно в сетевом общении — в общественном дискурсе несогласных, проживающих как в России, так и за рубежом, что очень немногие образованные респонденты ничего о них не слышали, таких всего лишь шесть человек (см. табл. 4). Положительные или отчасти положительные ответы дал каждый четвертый респондент, отрицательные — практически 2/3, то есть число противников в 2,6 раза превысило число сторонников этого социального конструкта.

Таблица 4. Распределение ответов на вопрос «Как относитесь к идее коллективной ответственности в происходящем всех остающихся в стране?»

Ответы	Кол-во ответивших	%
Положительно, отчасти положительно	118	25,1
Отрицательно	301	64,1
Не знаю, что это такое	6	1,3
Другое	10	2,1
Затрудняюсь ответить	35	7,4
Всего	470	100

Как и следовало ожидать, тема оказалась болезненной. Не случайно почти все участники исследования отвечали на этот вопрос подробно, не-

редко опираясь на наиболее популярные литературные источники. Очень активно в ответах делались попытки дать ответы на следующие вопросы: несут ли ответственность за спецоперацию, за ужесточение политического режима люди, ни с тем ни с другим не согласные (многие в течение долгого времени участвовали в протестных акциях); означает ли перенос этой ответственности на всех остающихся в России в равной ли мере, распространяется ли на сторонников и противников происходящего; освобождает ли от коллективной ответственности отъезд из страны, то есть своего рода открытый знак протеста. При этом в некоторых ответах приводятся по памяти цитаты Ханны Арендт и Виктора Франкла, ссылаются на выступления современных авторитетных фигур публичного поля (Екатерину Шульман, Дмитрия Глуховского, Григория Юдина), то есть авторы демонстрируют, что тема для них актуальна.

Сторонники или частично сторонники концепта коллективной ответственности в большинстве случаев отделяют ее от концепта индивидуальной вины, который очень мало кто из них поддерживает («*Ответственность — да, вина — нет*»). Противники этого концепта однозначно против и понятия коллективной вины. В абсолютном большинстве случаев респонденты уверены, что отъезд из страны никак не влияет на степень коллективной ответственности эмигрантов, что она такая же, как у остающихся в России несогласных. Судя по ответам респондентов, для значительной части остающихся это важно, поскольку такой подход уравнивает их с эмигрантами, а потому легитимирует их решение (в качестве осознанного выбора или в силу обстоятельств) остаться в стране («*Распространяется, не только на остающихся, но и на уехавших*», «*Виноваты все, и уехавшие и оставшиеся, поровну*», «*Если есть коллективная ответственность, то от нее нельзя избавиться уехав — она ровно так же распространяется и на них*»).

Какие соображения высказывают сторонники коллективной ответственности, считающие, что и на несогласных она распространяется в той же или почти той же степени, как и на сторонников спецоперации? Чаще всего писали о том, что эта ответственность, вне зависимости от нашего желания, все равно наступит, а потому это надо принять: «*Да, мы все эту ответственность разделим и будем нести долгие годы, независимо от того, согласны мы с этим или нет*», «*Коллективная ответственность зачастую очень несправедливая вещь, но она есть*», «*Она возникнет вне зависимости от отношения к этой проблеме*». На втором месте по числу ответов мнения о том, что коллективная ответственность существует, но у согласных и не согласных с происходящим она разная: «*Ответственность есть у всех взрослых людей страны, но степень ее разная*», «*Она есть, но разная для разных людей*».

Существенно реже были представлены другие типы ответов. Нашлись респонденты, которые коллективную ответственность считают совершенно справедливой, не всё сделали, что могли, теперь должны нести ответственность: «*Считаю, мы виноваты, что вовремя не задумались о тран-*

зите власти», «*Ее не избежать в какой-то форме, и бежать ее не следует. Надо как-то прорабатывать коллективные травмы, уметь коллективно извиняться и помнить ужасные, неудобные, стыдные вещи, без коллективной ответственности важные ошибки быстро забываются*», «*Считаю, что она есть и все русские теперь ее разделяют*». Еще реже встречаются ответы, что ответственность в равной степени распределяется на всех, что справедливо: «*Вина на том, кто все это сделал, ответственность — на том, кто будет разгребать. Это наш дом, мы ответственны за то, что в нем происходит. И мы ответственны за то, что делают наши власти, даже если лично мы их об этом не просили*», «*Я ее ощущаю. Хотя понимаю, что верни меня на 20 лет назад, ничего больше того, что я и так делала для выражения несогласия с изменениями, я бы сделать не смогла, но это теперь не имеет значения*».

Что касается отвергающих идею коллективной ответственности, которых среди принявших участие в опросе большинство, то они критикуют это концепт в основном очень категорично, нередко не стесняясь в выражениях: «*Это полная чушь*», «*Это глупость*», «*Коллективная ответственность — это бред*» и пр. Какие мотивы они при этом приводят?

Чаще всего речь идет о том, что коллективная ответственность несправедлива, потому что за действия одних (властей, сторонников спецоперации) не должны отвечать другие, те, что боролись с режимом, и тем более невинные дети: «*Коллективная ответственность — это бред, так как в стране жили и живут несогласные люди, которые тоже будут страдать, в частности и от санкций. Еще есть дети, которые не должны страдать*», «*А дети тоже виноваты? Почему они должны страдать?*», «*Я не очень понимаю, почему должна страдать, например, храбрая активистка Елена Осипова, которая живет на самую минимальную пенсию, и ей без того трудно*» и пр.

На втором месте по популярности идея о том, что коллективная ответственность — то же самое, что коллективная безответственность, она выгодна властям и сторонникам режима и спецоперации: «*Коллективная ответственность размазывает вину на всех, это позволяет уйти от ответственности тем, кто сделал эту войну возможной: работал на пропаганду, отдавал приказы, принимал участие в боевых действиях на территории Украины*», «*Она снимает ответственность с тех, кто действительно виноват, и размазывает ее на всех. Ни один суд не будет судить народ или коллектив, а будет судить отдельно каждого человека, рассматривая только его личный вклад в случившееся*». Примерно столько же ответов касаются самого респондента, когда он пишет, что не сделал ничего плохого, а потому не готов нести ответственность: «*Коллективная ответственность — это когда ты решил присоединиться к коллективу и поддержать его решение. Свой паспорт я не выбирала. Как и Путина, мне-то за что?*»

И наконец, продолжение заочного спора с уехавшими, иногда в грубой форме, хотя такого рода ответов немного: «*Идиотская идея, чтобы оправдать уехавшим свой поступок. Кстати, наоборот, предлагаю считать, что они*

и виноваты. Сбежали, вместо того чтобы остановить войну», «*Это опасная мысль. Вернее, это мысль людей, которые либо занимаются постоянным самобичеванием, либо уехали и судорожно пытаются найти какое-то оправдание, кого-то обвинить*». Хотя в вопросе ничего не было про эмигрантов, но у людей, чувствующих давление новой нормы на отъезд, это чувство такое болезненное, что им хочется еще раз подтвердить, что они ничем не хуже, а даже лучше тех, кого считают своими критиками.

Итак, мнения респондентов по поводу коллективной ответственности разделились, хотя для большинства она неприемлема. При этом абсолютное большинство остающихся в России категорически против понятия «коллективная вина», об индивидуальной вине почти никто не написал, практически все полагают, что если коллективная ответственность есть, то она в равной степени распространяется как на уехавших, так и на оставшихся.

Заключение

В социологическом опросе высокообразованных «несогласных» за кратчайший срок приняли участие 500 респондентов, желание высказаться у представителей этой группы населения было очень сильным. Они чувствуют себя не представленными в публичном поле, испытывают давление со стороны самых разных акторов социально-политического процесса, а потому даже таким способом захотели заявить о себе, показать социуму, что они есть. Не случайно, большинство участников исследования оставили адрес своей электронной почты, чтобы получить информацию о результатах исследования, сравнить свои мнения с мнениями людей из социальной группы придерживающихся близких политических взглядов.

Менее половины респондентов твердо уверены, что не покинут Россию ни при каких обстоятельствах, многие не исключают возможности отъезда или считают это высоковероятным. По своим реакциям на сообщение о начале спецоперации они ничем не отличаются от представителей новой волны эмиграции: чаще всего испытывали страх, шок, растерянность, недоумение и гнев. Правда, одни после этого покинули Россию, причем многие в очень короткий срок, а участники этого исследования в России остались, во всяком случае на какое-то время.

Респонденты выразили уверенность, что могут сделать много полезного для России, оставаясь дома. Чаще всего они считают необходимым выражать свои политические взгляды, участвовать в мирных протестах, заниматься гуманитарной деятельностью, в том числе поддерживать украинских беженцев, считают своей обязанностью сохранять в обществе гуманитарные ценности и способствовать их распространению. Учителя, преподаватели, сотрудники НКО и благотворительных организаций счи-

тают свою профессиональную деятельность важной миссией, работой на благо страны и ее будущего.

Некоторые участники исследования объясняют, что оставаться в России их вынуждают обстоятельства (отсутствие финансовых возможностей, сложности в поиске работы, ответственность перед другими людьми, а иногда и животными), другие считают свое решение обдуманным и принципиальным, своего рода социальным действием и социальным высказыванием.

Большинство участников исследования не поддерживают новую норму на отъезд несогласных, но их высказывания в значительной степени демонстрируют согласие, что эта норма в той или иной степени сложилась. Не поддерживает большинство респондентов и концепт коллективной ответственности, а идею коллективной вины и то, что не согласные, остающиеся в России, ответственны за происходящее в большей мере, чем страну покинувшие.

“Dissenters” remaining in Russia: why are they not leaving and are they thinking about leaving?

Liubov Borusyak

Abstract. The article is based on the results of an online sociological survey of highly educated residents of megacities who have a negative attitude to the special operation in Ukraine, who remain or are still remaining in Russia. The article analyzes the motivation of respondents to stay in Russia or to move to another country in the future, the study showed that most of them have not made a final choice yet. It is considered how they reacted to the information about the beginning of the special operation, why they decided to stay in the country, what they are most afraid of in the current situation, what they think the remaining "dissenters" can do for the country and society. Much attention is paid to the study of how respondents relate to the emerging norm of departure as the most correct decision for representatives of this group, what they think about the idea of collective responsibility and collective guilt.
Keywords: emigration, motivation, emotions, why don't they leave, collective responsibility, collective guilt, social action

За 20 лет до… Некоторые социологические данные о предпосылках поддержки «спецоперации» ее сторонниками

Ольга Крокинская

> В этом мире случайностей нет,
> Каждый шаг оставляет след,
> И чуда нет, и крайне редки совпаденья.
> *Машина времени. Каждый, право, имеет право… (1979)*

Первые разделы настоящего номера журнала содержат исследовательские материалы о социальных аспектах военной операции РФ в Украине, взятые практически с рабочего стола социологов, условно говоря, «вчера» — в марте–апреле 2022 года. У меня таких горячих материалов нет, но есть результаты нескольких проектов за прошлые годы, которые можно реинтерпретировать в контексте сегодняшних событий. Методологически это допустимо, так как никакие (почти никакие) актуальные события не происходят в отрыве от предшествующих. Все они результат каких-то процессов, когда «ничто не с нуля», оставивших вполне определенные отпечатки на характере среды, сделавших ее чреватой последствиями, также вполне определенного толка. В данном случае я имею в виду информационные, ментальные, поведенческие и другие «отпечатки» как предпосылки фактов и отношений сегодняшнего дня.

Поддержка большой частью наших граждан военной спецоперации в Украине тоже имела свои начала и представляется, что взгляд на них сегодняшними глазами может что-то в этом дополнительно прояснить. Исследовательские материалы, которыми я буду пользоваться, получены давно, но в этом их особая ценность. Прежде всего потому, что это аутентичные тексты массового сознания прошлых лет с естественным для него дискурсом и нарративом. Они не подсказаны формализованными анкетными вопросами, а главное — эти тексты получены задолго до войны, а значит, они свободны от давления со стороны актуальности и стресса текущей ситуации, не спровоцированы ею.

Далее я хочу двигаться ретроспективно — от более или менее очевидных обстоятельств к менее очевидным, но потом выстрою логику хронологически, чтобы выявить тренд событий и настроений. В следующих разделах статьи будут представлены:

- образы России и Украины в массовом сознании конца 2000-х годов, когда негативизм представлений был уже заметен;

- осмысление массовым сознанием фигуры президента как фоновый, но, может быть, и сильно действующий фактор;
- некоторые обобщающие наблюдения за динамикой настроений, легших в основу поддержки ныне идущей военной спецоперации РФ в Украине.

Возвращение к давним материалам для интерпретации их в обстоятельствах сегодняшнего дня, конечно, рождает вопросы о корректности будущих выводов. Вот почему я обозначаю характер этой статьи как научно-публицистический, так как, с одной стороны, она написана на основе научных данных, а с другой — в их новом понимании я даю себе больше свободы. Этого требует неизбежная для такой работы логика синтеза, призванного увидеть как целое, что в качестве целого не изучалось. А кроме того, в этой попытке я опираюсь на подходы к исследованию из позиции «социологического воображения» (Чарльз Р. Миллс), то есть стремления к пониманию социальной реальности, в котором полные данные о ней недостижимы и их приходится, хотя бы первоначально, воссоздавать гипотетически.

1. Бывшие «республики сестры» и бывшие «народы-братья»

Двадцать четвертого февраля 2022 года началась так называемая специальная военная операция Российской Федерации в Украине. Две страны одномоментно испытали сильнейший шок, хоть и разного характера, а через два дня у меня должна была состояться очередная лекция. Социология такая наука, которая не может не говорить о реальности настоящего времени, а значит, нужно было что-то студентам по этому поводу сказать, и сказать нужно было, называя вещи своими именами, потому что иначе никакая наука и никакое образование вообще не возможны. Я вспомнила о давнем проекте, в котором участвовала, открыла свои материалы 2009 года и прочитала свой собственный текст: «Пропаганда враждебности по отношению к Украине принесла свои плоды. Российское общество вполне готово к жестким формам конфронтации. Может быть, даже к войне. На базе архетипических представлений бытовой ксенофобии („хитрость, жадность") сформировано крайне негативное отношение к этой, ныне суверенной, стране. И именно ее порыв к суверенитету наиболее неприемлем для массового сознания. У этой реакции — два источника. Во-первых, она складывается вслед официальной политике и поддерживается официальными СМИ, а во-вторых, имеет характер гонения на „отступника от веры" (ренегата, отщепенца, предателя)».

Что заставило меня сделать тогда эту чуть ли не пророческую запись? Работа с материалами проекта «Кросскультурный анализ образа России в представлениях русских, украинцев и белорусов», выполненного лабораторией этнической социологии и психологии НИИ комплексных социальных исследований при Санкт-Петербургском государственном университете по гранту РГНФ (анкетный опрос face-to-face, число опрошенных

912 чел., выборка, взвешенная по полу, возрасту и образованию, только Санкт-Петербург). Целью проекта было изучение состава и динамики ментальных моделей, которыми оперирует массовое сознание как специфический участник социальных и социокультурных взаимодействий на постсоветском пространстве. В одном из разделов проекта образы стран выявлялись с помощью метода вербальных ассоциаций. Массив высказываний в 1830 единиц обработан методом контент-анализа для 405 человек, ответивших на открытый вопрос «Назовите 3–4 любых слова или выражения о самых ярких положительных и самых ярких отрицательных чертах и свойствах России, Украины и Белоруссии». Результаты опубликованы частично[1], полностью они содержатся только в отчете, направленном в РГНФ.

Дискурсы и нарративы о соседних странах в постсоветском пространстве

Полученный массив высказываний оказался чрезвычайно разнообразен. Он включал ментальные, визуальные, эмоциональные, материально-предметные, даже органолептические элементы, упоминались персоналии, историко-культурные сведения, представления о психологических свойствах, установках и т. д. Все это «облако значений», поначалу просто «сырой материал» коллективных репрезентаций изучаемого объекта, предстояло как-то организовать.

Сегодня я называю изучавшийся тогда феномен «ментальной картой»[2]. Это позволит мне во вторичном анализе пользоваться рядом родственных понятий нескольких разных наук, характеризующих примерно одно и то же — то, как мы понимаем окружающий мир. Ведь именно это сейчас на повестке дня: что происходит и как мы это понимаем — картина мира, ментальная карта, семиосфера (Ю.М. Лотман)[3], концептосфера (Д. С. Лихачев)[4], — все те смыслы и значения, которые проявлены через речь, язык, тексты, дискурсы, нарративы.

1. Крокинская О. К. Объект описания — Россия: образ страны в массовом сознании // Межэтнические столкновения в поликультурной студенческой среде и пути их разрешения: Матер. науч.-практ. конф. СПб.: РГПУ им. А. И. Герцена, 2008. С. 54–59.

2. Ментальные карты — инструмент ориентации человека во внешнем мире, картина пространства его существования, основанная на опыте, знании, мнении и воображении. Замятин Д. Н. Культура и пространство. Моделирование географических образов. М.: Знак, 2006. 487 с.; Митин И. И. Ментальные карты города: история понятия и разнообразие подходов // Городские исследования и практики. М.: НИУ ВШЭ, 2017. Т. 2. № 3. С. 64–79.

3. Лотман Ю. М. Внутри мыслящих миров // Лотман Ю. М. Семиосфера. СПб.: Искусство-СПб, 2001. С. 254–255.

4. Лихачев Д. С. Концептосфера русского языка // Изв. РАН — СЛЯ. 1993. № 1. С. 5.

После распада Советского Союза для статуса Украины и Белоруссии в повседневном языке не сразу сформировались новые языковые концепты. Были «республики-сестры» и «народы-братья» — стали «бывшие республики» (выражение, встречавшееся в дискурсе респондентов), а «братские народы» в позитивном значении почти сошли со сцены. На месте семейных коннотаций, принятых в СССР и служивших укреплению общности в символах, редуцирующих рациональную форму государства к более чувственной, синкретической и патриархальной форме семьи, образовались концепты соседства, то есть связей более дистанцированных, чем родственные. О соседях стало можно говорить то, что о родственниках обычно не говорят, то есть говорить и хорошее и плохое. В дискурсе о России, Украине и Белоруссии хорошее и плохое выражено у респондентов опроса весьма ясно. Для полноты картины всего исследования представлена структура семантического поля полученных высказываний обо всех трех странах (табл.1). По ней можно судить о соотношении позитивных и негативных элементов в ментальных моделях этих стран в представлениях участников исследования. Далее мы сосредоточимся только на описаниях России и Украины (см. табл. 1).

Таблица 1. Структура ассоциативного поля ментальных моделей России, Украины и Белоруссии, %

Рубрика описания	Россия		Украина		Белоруссия	
	«плюс»	«минус»	«плюс»	«минус»	«плюс»	«минус»
Страна в целом	34	14	23	41	16	15
Люди	20	21	15	3	21	2
История, культура	13	4	6	2	3	2
Общество	7	27	4	6	7	8
Государство	6	10	1	14	4	8
Экономика	5	5	2	1	4	1
Чувство принадлежности	3	–	1	–	1	–
Другое (кухня, спорт)	2	1	4	1	2	–
Нет положительных черт	4	–	16	–	17	–
Нет отрицательных черт	–	5	–	9	–	24
Всего ответов:	688		605		538	
Нет ответов:	42		51		70	

* Число ответивших на открытый вопрос 405 чел. Санкт-Петербург, 2007–2009. Сортировано по столбцу «Россия плюс»

Согласно данным этой таблицы, позитивными доминантами описания этих стран выступают:

- для России — страна в целом: *большая, красивая, добрая, щедрая* — 34% ответов; населяющие ее люди: *хорошие, добрые, умные, гостеприимные, доброжелательные* — 20% ответов;
- для Украины — страна, природа: *Крым, Черное море, отдых, тепло, красиво* — 23% ответов; люди: *добрые, трудолюбивые, хлебосольные, радушные, веселые* — 15% ответов;
- для Белоруссии — люди: *трудолюбивые, хозяйственные, гостеприимные, доброжелательные, мудрые* — 21% ответов; страна: *чистота, порядок, миролюбие, хорошие отношения с Россией* — 16% ответов.

Вместе с тем для тех же категорий (страна и люди) существуют и негативные описания:

- для России: иные, чем указано выше, человеческие качества людей и качества характера страны: *лень, глупость, разгильдяйство* — 31%; общество с его проблемами: *разобщенность, равнодушие, бездействие, социальные пороки – алкоголизм, наркомания и пр.* — 27% ответов;
- для Украины это также характерологические особенности: *хитрость, жадность, зависть* — 24% ответов; поведение страны в межгосударственных отношениях и политика государства: *предательство, ворует газ, подражает Западу, не любят Россию и русских* — в сумме по двум рубрикам 33% ответов;
- для Белоруссии выявляется лишь один отчетливый негативный аспект: человеческие качества — *пассивность, расчетливость, меркантильность*, 13% ответов.

Пропорция позитивных и негативных характеристик по странам составила:

- для России 53: 47%;
- для Украины 47:53%;
- для Беларуси 55:45%.

Хотя респонденты не пощадили ни одну страну, найдя, что сказать о них и хорошего и плохого, все же перевес негативных оценок над позитивными выявлен только для Украины (табл. 2).

Таблица 2. Модальный дискурс о странах (в сокращении)

Рубрики описания	Россия		Украина	
	«плюс»	«минус»	«плюс»	«минус»
Страна в целом	Большая, красивая, добрая, щедрая 34%	Грязь, мусор, плохой климат, загрязнение окружающей среды 14%	Крым, Черное море, отдых, тепло, красиво 23%	Предательство предатели, подражает Западу, воровство, воруют газ, не любят Россию и русских, сама не знает, что творит 41%

Люди	Добрые, отзывчивые, талантливые, умные общительные, бескорыстные 20%	Разгильдяйство, лень, безответственность, доверчивость, неуважение к самим себе, грубость, невоспитанность 21%	Добрые, трудолюбивые, хлебосольные, радушные, веселые 15%	Хитрость, жадность, зависть 3%
Общество	Сплоченность; большой потенциал (неиспользуемый); стремление помочь; забота о стариках; активность народа; прогресс во многих сферах; развитие; не все потеряно 7%	Разгул криминала, бандитизм, преступность, низкий уровень жизни, неравноправие богатых и бедных, коррупция, мало что делается для граждан, разрозненность, бездействие, отсутствие единства, неуважение к себе; беспорядок, бесправие 27%	Сплоченность, борьба за свое государство; единство; целеустремленность; семейные устои; большой потенциал во всех сферах — человеческой, экономической, промышленной (неиспользуемый) 4%	Отсутствие единства; согласия группировки; раздрай сплошной; соперничество; беспредел; заигрались на митингах; внутренние конфликты; беспорядки; нестабильность; коррупция; низкий уровень жизни 6%
Государство	Внешняя политика, демократия, независимость, помощь другим государствам, политическая стабильность, держава — сильная страна; Путин 6%	Правление Ельцина; много внимания другим странам; глупая внешняя политика; бюрократия; бюрократизм; беззаконие, чиновничество; коррумпированная власть; коррупция, не знающая границ; самодержавие 10%	Не развязывает войны, Тимошенко 1%	Политика, бред в политике; умение искажать все события; политический раздрай; стремление в НАТО; политическая нестабильность, ГАЗ; проблема Крыма, безвластие, Ющенко, Тимошенко, оранжевая революция, вечные митинги 14%

В целом структура и баланс позитивных и негативных доминант в российской концептосфере о странах позволяют сделать некоторые утверждения.

Наиболее полно отображается в коллективных репрезентациях образ родной страны, что естественно. О России получено наибольшее количество высказываний обеих модальностей — как позитивной, так и негативной. В позитивной модальности 365 единиц, ответ дали 90% респондентов, в негативной — 323 единицы, ответили 80% респондентов. Позитивно-негативный континуум представлений находится в почти равновесном состоянии: негативные суждения формулируются легко, и их лишь на 10% меньше, чем позитивных. В той или иной степени негативные характеристики расположены по всему спектру контента, рисующего образ страны, преобладая над позитивными в позициях «государство, характер институтов»: *коррупция*, *бюрократия*, *беззаконие* и «общество, характер социума»: *неравенство*, *разобщенность*, *неразвитость социальной сферы*, *глубокие социальные проблемы*.

В образе Украины негативные доминанты преобладают над позитивными (323 ответа против 282). По индикаторам «характерологические особенности» и «политика государства» высказали весьма резкие суждения 55% респондентов. Наиболее явно негативные черты образа Украины сложились в представлениях молодых людей 2010-х годов (в группе 18–25 лет их дали 48% ответов опрошенных). Средняя и старшая возрастные группы реагировали более спокойно, в них негативных высказываний на 10% меньше (38 и 37% соответственно). Такое различие в позициях объясняется, скорее всего, опытом старших поколений опрошенных, которые почти всю жизнь прожили в условиях высокой интеграции Украины в социум Советского Союза, были лучше информированы о ней и обладали более тесными личными связями. Молодые люди социализировались уже в постсоветской России, когда конфронтация нарастала и ложилась на неподготовленное, практически пустое место Украины в ментальной карте молодых. Сегодня те молодые люди — это возрастная когорта в 35–40 лет. По данным фонда «Общественное мнение», через месяц после начала войны ее поддерживали 66% этой возрастной группы (более младшие — 59%, более старшие — около 80%)[5]. Похожие цифры дает и Левада-Центр[6].

Современное общественное мнение России плохо представляет себе, как социология и сакраментальные «опросы» получают то или иное знание. Нередко считается, что цифры результатов просто «нарисованы», а если «меня никто не опрашивал», то и верить этим результатам нельзя. Такое понимание является следствием вытеснения общественных наук вообще и социологии в частности, из образовательных программ школы и вузов. Но общество должно быть компетентно в пользовании результатами научной социологии, потому что иначе наука не получает запроса на

5. ФОМ. Украина. Опрос 20 марта. Представления о целях России на Украине. URL: https://fom.ru/Politika/14706 (дата обращения 03.07.2022).

6. Левада-центр. Конфликт с Украиной. 30.06.2022. URL: https://www.levada.ru/2022/06/30/konflikt-s-ukrainoj-3/ (дата обращения 03.07.2022).

свою миссию, а общество не испытывает потребности в адекватном знании о себе. Вот почему я хочу привести здесь пример того, как задаваемые вопросы влияют на получаемые результаты, как в принципе тонко могут они работать.

В проекте о России, Украине и Белоруссии вопросы о характере этих стран задавались по-разному. Первый замер, направленный на выявление представлений о них «вообще», содержал значительную долю традиционных, долгоживущих, шаблонных характеристик фольклорно-мифологического характера (*«матрешки — водка — медведи»*, *«сало — горилка — казаки»* и *«бульба — бураки — трактор»*). Оценочная, рефлексивная точка зрения, заданная респондентам в опросе 2009 года, предложившая выявлять позитивные и негативные черты объектов наблюдения, сместила описательный дискурс к реалиям современности.

Это обстоятельство указывает на два важных момента: образы стран, то есть коллективные представления о них 1) явление подвижное, динамичное, изменяющееся, 2) оно подвержено влиянию современной информации и пропаганды. Иными словами, образ страны как концепт массового сознания не только создается самим массовым сознанием, но его создают и заинтересованные силы и группы с помощью целенаправленной работы с информацией, вбрасывая в сознание людей специальный, целесообразно созданный или отобранный дискурс.

Так, слова *воруют* и *воруют газ* пришли в коллективные представления об Украине, разумеется, из СМИ. Идиома Лексема «воруют» с ее сильной эмоционально-нравственной и культурно укорененной негативной нагрузкой позволила перенести традиционные, часто «низкие» формы описания частного, бытового уровня (*жадность, зависть*) на страну в целом, создав довольно твердый, устойчивый кластер представлений. Можно сказать, что пропаганда начала 2000-х либо научила массовое сознание почти ненавидеть Украину, либо выпустила на свободу давно сдерживаемое, латентное раздражение, существовавшее под покровом советского интернационализма теневым образом.

Приписывание целым странам индивидуальных человеческих качеств указывает на важное свойство образов современных стран и способов мышления о них. Содержащие множество признаков сегодняшнего дня, они тем не менее определенно архаичны. Этот архаизм проявляется в антропоморфном характере отображения объекта, который они моделируют. Для восприятия массовым, то есть не слишком когнитивно развитым, сознанием таких сверхсложных объектов, как целые страны, — явление, включающее историю, культуру, общество, государство, природу, население и многое другое, — их отображение поневоле должно быть упрощенным и сжатым. Это делается с помощью приписывания стране человеческих черт.

Среди признаков, сформулированных респондентами для целых стран, легко определяются следующие антропоморфные позитивно-негативные элементы:

- психосоматические (ощущения, эмоции, «эргономика»): *оптимизм, веселость, сила, энергия* или, наоборот, *боязнь, беспечность, слабость*;
- личностные (характер, темперамент, когнитивные и морально-нравственные качества): *стойкость, воля — пассивность, безволие*; *ум, смекалка — тупость, глупость*; *самоотверженность, гуманность — хамство, грубость*)
- поведенческие (коммуникативные, интерактивные, социально-трудовые качества): *доброжелательность, общительность*, но и *наглость, нетерпимость*; *трудолюбие — лень*; *уважение к другим народам — заискивание перед иностранцами*.

Антропоморфизм образов, психологизация представлений о странах (страна-человек, а не страна геополитический субъект), действительно, позволяют «свернуть» огромную разнородную информацию в компактные символы и оперировать ими. Все ментальные операции с образами неизбежно становятся простыми и понятными, так как дают возможность судить о способе существования стран в категориях человеческого поведения. Во многом они лишаются относительности, свойственной рациональному анализу с его пониманием сложности явлений. Но антропоморфизм представлений — черта глубокой древности, долетевшее до нас эхо первобытных воззрений анимизма, а значит, в лице массовых представлений мы имеем дело с более примитивным разумом, чем просвещенное и информированное общественное сознание и настоящее общественное мнение, а значит, и более примитивными отношениями, чем они могли бы быть. Ведь на арене социального и политического взаимодействия, отображенного массовым сознанием, оказываются не реальные страны, а во многом архаические и искусственные конструкты.

Их характер таков, что отношения стран трактуются в духе парадигмы «гемайншафт» — семьи и общины («русские и украинцы единый народ», «братские народы» или, наоборот, «предатели»). То есть для интерпретации явлений сегодняшнего дня применяются идеологемы глубокого прошлого, не релевантные потребностям рационального анализа современности, давно уже строящейся в формате «гезельшафт»[7]. Мы видим, что массовое сознание работает с реальными объектами на уровне еще доиндустриального общества. Эти представления на целую эпоху отстают от требований современности и постиндустриального перехода.

Упрощенное кодирование при описании сложных объектов[8] (*нацики* и *фашики* из их числа) удобно для манипуляции общественным мнением,

7. Теннис Ф. Общность и общество. Основные понятия чистой социологии. СПб.: Владимир Даль, 2002.

8. См. Теория языковых кодов Б. Бернстайна // Bernstein B. Class, codes and control. Vol. I. Theoretical studies toward a sociology of language. London: Rutledge, 2003.

что часто имеет место не только в СМИ, но и в социологических опросах, которые используют шкалы, построенные с использованием досовременной символизации современных явлений. Этот и другие виды упрощенного кодирования мешают осознанию автономии и суверенитета Украины и Беларуси как самостоятельных политических субъектов, что в конечном счете ухудшает и межчеловеческие и политические отношения, затрудняет настоящую интеграцию наших стран, учитывающую их суверенный статус. Оно могло сильно повлиять и на отношение к военным акциям России в Украине в 2022 году, очевидно направленным на сокращение ее суверенитета.

Упрощение сложности, редукция сложного к простому — неизбежная, даже законная черта когнитивных инструментов массового сознания. Однако ради адекватности и чтобы не потерять связь с реальностью, сами признаки моделируемых объектов все же должны опираться на объективную информацию о них. Основным источником информации о состоянии дел в Украине и Беларуси для участников представленного проекта (2007–2009) были:

- телевидение с его узким набором сюжетов и весьма однозначными оценками — для всех возрастных групп 70–75% ответов соответственно;
- газеты, журналы и радио — от 28 до 34% опрошенных в разных возрастных группах;
- интернет — чуть большее число (36–37%);
- около трети респондентов знакомы с Украиной и Белоруссией по рассказам других людей;
- собственный опыт минимален: он выявлен лишь у 4–5% опрошенных.

Отсутствие собственного опыта делает все остальные источники информации приоритетными, а значит, массовое сознание в значительно большей мере доверяет СМИ, политикам и экспертам, чем опыту людей. Внешний мир моделируется в нем опосредованно, через массмедиа.

Посеянные зерна всходят, культивируются и дают плоды

Какое отношение все это имеет к военной спецоперации РФ против Украины 2022 года? Прямое. Если выстроить от этой более или менее понятной нам точки еще несколько точек ретроспективно, а потом и в перспективе, мы увидим динамику коллективных представлений о спецоперации в горизонте более чем 20 лет и тогда поймем, что она началась намного раньше, чем мы наблюдаем ее в наши дни. И тогда, возможно, сумеем лучше понять и объяснить ее место в общественной жизни страны, точнее, ее способ включения в социум, который, в свою очередь, должен быть понят как движение в колее, то есть в зависимости от пройденного пути.

Далее будем различать два потока явлений — политический и символический: череду событий в отношениях России и Украины, с одной стороны, и их отображение в общественном мнении, в дискурсах и нар-

ративах массового сознания, то есть, собственно, динамику отношения российского населения к проблемам, связанным с Украиной — с другой.

Политическая сцена 2007–2009 гг. в отношениях России и Украины определялась так называемым «газовым кризисом». Между странами шел экономический спор о ценах на газ, поставляемый Украине, а через Украину — Европе. Украина находилась в плохом экономическом положении, за газ платить не могла и для того, чтобы как-то спасать свое население от элементарного замерзания зимой, прибегала к так называемому «несанкционированному отбору» газа из трубопровода, идущего в Европу. История запутанная, прошедшая несколько итераций, но так и не получившая убедительного разрешения. Здесь надо иметь в виду, что Россия манипулировала ценами, держала их для Украины выше белорусских и европейских и с помощью такой политики старалась создать удобное для себя правительство. В том, что поведение Украины в этом случае было за пределами конвенциональных правил, спору нет, но нас интересует реакция общества на сложившуюся ситуацию, а она была в высшей степени консолидированной и жесткой. Ей было достаточно для этого практически одного слова — «воровство», которое заменило для массовой публики нейтральный по звучанию термин «несанкционированный отбор». Даже сегодня на запрос с ключевыми словами «Украина ворует газ» Яндекс выдает 14 миллионов результатов, а тогда этот нарратив в течение нескольких лет буквально висел в воздухе, заполняя собой информационное пространство телевидения и большинства газет. Как показано выше, он проник и в повседневную речь граждан России, стал устойчивой ассоциацией об Украине и притянул к себе другие негативно окрашенные символы: *предатели*, *предательство*, *копирует Запад* и т. д. Это неудивительно, ведь слово «вор» — одного корня со словами «ворог» и «враг». Именно так слышит его русское ухо, а значит, и «русский мозг».

Но, может быть, это какая-то флуктуация в данных, вызванная малыми масштабами Санкт-Петербургского проекта? Нет. Это как раз тот случай, когда точечный замер дает вполне релевантные результаты, потому что явление широко разлито в обществе, и где ни бури, условно говоря, шурф, оно даст о себе знать. А явление оказалось не только широко разлитым, но и постоянно наблюдаемым. Две крупнейшие социологические компании, ФОМ и Левада-центр, уже с начала 2000-х годов вели мониторинг российско-украинских отношений. На сегодняшний день — более 20 лет, да и наша маленькая лаборатория получила грант на близкую тему тоже, наверное, в рамках этой общей тенденции. Чем это вызвано? Не боясь упреков в конспирологии, предположу, что зачем-то надо было держать общественное мнение по этой проблеме под контролем. Не для того ли, чтобы создавать подушку безопасности для долговременных целей, а если она сдувается — то подкачивать?

Что добавляет к частному случаю Санкт-Петербурга проект Фонда «Общественное мнение», также реализованный в 2009 году?[9] Прежде всего, всероссийский масштаб. По данным ФОМ, следят за развитием газового конфликта 67% опрошенных, считают правильным прекратить поставки газа на Украину 77%, считают справедливым обвинение в краже транзитного газа 84%, одобряют политику российских властей в конфликте 79% опрошенных. ФОМ замеряет также и отношение россиян к Украине в целом, делая это в категориях «хорошее» — «плохое» и констатирует: с 2001 по 2009 год плохое отношение к Украине выросло с 17 до 33%, причем в 2004 году этот показатель упал до 8%, а к 2009 взлетел до 33%. Иными словами, это отношение подвержено ситуативному влиянию.

Попутно: при всем уважении к коллегам, опрос с применением сильных оценочных индикаторов «хорошее — плохое» это не только изучающий, но и формирующий опрос. Он вывел, конечно, из тени это «плохое» отношение, но одновременно и легитимировал его, позволил укрепиться и существовать явно.

Согласно данным ФОМ, главной причиной ухудшения и плохого отношения к Украине респонденты считают ее нежелание платить за газ, воровство газа. Оценка факта, может быть, и справедливая, но нас интересует не столько она сама, сколько язык оценки, в которой она выражена, ее нарратив (далее — фрагменты содержания таблицы данных ФОМ по указанной ссылке, это ответы на открытый вопрос о причинах обострения газового конфликта):

- нежелание платить за газ, воровство газа: *газ берут, а платить не хотят*; *привыкли жить на халяву*; *Украина начала воровать газ*; *из-за воровства Украиной российского газа*; *крадут наш газ*; *нагло воруют газ*; *воровство со стороны украинских властей* — около 40% высказываний;
- поведение страны в целом, антироссийская, прозападная, проамериканская политика: *беспредел Украины*; *дурь Украины*; *наглое и бессовестное поведение Украины*; *предательство Украины*; *самодурство Ющенко*; *хамство президента Украины*; *Тимошенко — шестерка Америки*; *воровка Тимошенко*; *шантаж со стороны Украины*; *хамское отношение Украины к нам*; *Украина живет не своим умом, а слушает Америку*.

Представителей хорошего и плохого отношения ФОМ даже называет «украинофилы» и «украинофобы», выявляя (и допуская) групповую, а не ситуационную характеристику и социальное деление общества по этому признаку. Такое деление, видимо, действительно, существует, и «украинофобов» обнаруживается до трети во всех категориях выборки — мужчины и женщины, образование, доход и местожительство.

9. Россия и Украина: газовый конфликт. Опрошено 2000 респондентов в 100 населенных пунктах 44 субъектов РФ. URL: https://bd.fom.ru/report/map/d090311/printable/#Abs2 (дата обращения 03.07.2022).

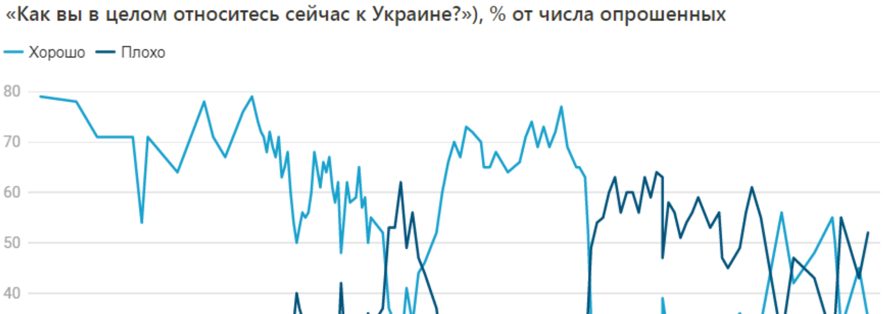

Рисунок 1. Динамика положительного и отрицательного отношения к Украине (вопрос «Как вы в целом относитесь сейчас к Украине?»), % от числа опрошенных

Source: Левада-центр • Get the data • Created with Datawrapper

Итак, в 2009 году сразу в нескольких социологических проектах Украина выглядит как минимум сильным раздражителем общественных оценок, а как максимум по отношению к ней формируется высокий уровень негативизма и даже украинофобия, свойственная целым группам населения.

Но это не начало процесса. Как пишет в своей недавней статье научный руководитель Левада-центра Лев Гудков, «российское общественное мнение давно и основательно подготовлено к войне с Украиной» (рис. 1).[10]

Таким образом, в независящих друг от друга социологических проектах получены данные, позволяющие утверждать, что антиукраинские настроения той или иной степени напряжения сопровождали весь период формирования европейской ориентации этой страны, ее стремление к независимости от Москвы, а антиукраинская тема на федеральных телевизионных каналах во многом была их источником и поддерживала их. Более чем двадцатилетний мониторинг дает представление о динамике настроений российских граждан по этому поводу. Начав с высокоположительных значений, видимо, наследственно советских (80% опрошенных во всероссийском мониторинге), оценки в настроениях сдвинулись с места и сначала медленно, но потом с ускорением покатились вниз. И все-таки они не были однозначными, негативизм то рос, то падал. Падение нега-

10. Гудков Л. Три фазы адаптации. Война с Украиной в российском общественном мнении. URL: https://re-russia.org/9e08c1975d634cf8a0270de61c400aa1 (дата обращения 06.07.2022).

тивизма, явно позитивный настрой к Украине приходятся на короткий промежуток между 2010 и 2014 годами, когда в отношениях наших стран ничего особенного не происходило и они восстанавливались, нормализовались, но в других ситуациях он снова рос, и это было связано с чередой значимых событий, начало которых в нашу эпоху датируется нулевыми годами 2000-х.

В поиске этих связей мы продолжаем пока двигаться ретроспективно.

2. Мы себя под Путиным чистим. Бессознательные коды культуры и мифологии как предпосылка успеха пропаганды

К хронологии двадцатилетнего стресса отношений России и Украины добавляем теперь еще одну точку: первую по времени и, возможно, основную по значению — май 2000 года, вступление Владимира Путина в должность президента РФ. Начало его работы на этом посту сопровождалось трагическими событиями: 12 августа 2000 года погибает атомная подводная лодка «Курск», и президент предстает важнейшим действующим лицом всей ситуации, так как он должен принять судьбоносные решения на ее счет, в частности, разрешить или не разрешить применение иностранной помощи по спасению гибнущих моряков. Норвежское спасательное судно допущено к работам только 20 августа, после недели усилий служб российского флота. Вся страна наблюдает гибель 118 моряков практически в прямом эфире радио и телевидения, тогда это было возможно.

В 2000–2005 годах я участвовала в социологическом проекте по гранту РФФИ о формах и смыслах современного социального бессознательного. Нам удалось тогда по горячим следам (2001) включить в уже готовую к распространению анкету открытый вопрос: «Как Вы думаете, почему, несмотря на непрекращающиеся трагедии (взрывы в Москве, гибель атомохода „Курск“, пожар на Останкинской телебашне, война в Чечне), люди все-таки поддерживают президента В. Путина?»

Предполагалось, что таким вопросом можно достичь более глубокого уровня ментальных установок, чем те, которые участвуют в обычных опросах общественного мнения и расположены на его поверхности, то есть в области стереотипов. Так и получилось[11].

Открывшееся нам облако смыслов позволило сделать важные наблюдения по поводу социального бессознательного, а прочитанные сегодня под иным углом зрения они, кажется, могут указать на «роль личности» в истории современного российско-украинского кризиса. Именно личности, а не

11. Упомянутые материалы полностью опубликованы в коллективной монографии, см.: Социальное бессознательное. Социологические и социально-психологические аспекты СПб.: Питер, 2005. См. также: Крокинская О. К. Формы и смыслы социального бессознательного. URL: https://www.academia.edu/30353550/ (дата обращения 14.07.2022).

политики в отношениях России и Украины, что мы обсуждали в первой части статьи.

Общее число ответивших на открытый вопрос составило 403 человека (около 75% опрошенных в данном проекте вообще), от которых совокупно получено 655 ответов, из них 530 уникальных. Для обработки массива ответов использовались два метода: методом контент-анализа проведена группировка высказываний по близости смыслов, при этом шкала индикаторов не задавалась априорно, а формировалась вслед за выявлением внутренних смысловых стяжек полученного массива текстов; методом критического дискурс-анализа осуществлено выявление ключевых нарративов в полученных группировках и их категоризация — формулирование связующего признака или принципа, образующего общий смысл того или иного комплекса высказываний респондентов. Тем самым шел поиск латентной структуры этого комплекса, глубинной системы представлений относительно поставленной проблемы[12].

«Смыслоулавливающей» сеткой в этом поиске служили представления о наследственном присутствии в современном сознании глубоко архаических схем и форм мышления — мифологического, пралогического, дологического (Л. Леви-Брюль, К. Леви-Стросс, Ю. М. Лотман и др.), которое и выступает в нем в качестве социального бессознательного. В их числе представления о синкретической цельности мира, обожествление природных сил, слабость в установлении причинных связей, возможность мгновенных превращений одного в другое, в целом аффективный характер рецепции внешнего мира и т. д. В случае обнаружения соответствующих элементов в современном языке описания заданной ситуации можно было бы говорить о феномене «установки» (Д. Н. Узнадзе, С. Л. Рубинштейн) — аффективной, когнитивной и поведенческой предрасположенности к той или иной интерпретации явлений окружающего мира, в данном случае предрасположенности к восприятию и оценке верховной власти.

Весь спектр полученного нарратива удалось разделить на 14 смысловых блоков, тем самым сформировать дискурсивную модель представлений о персоне верховной власти и ее миссии в данной ситуации. В дальнейшем оказалось, что не только миссии в связи с гибелью Курска и другими событиями, но и миссии во всем доступном ей ситуационном пространстве. Далее привожу результаты группировки всего поля высказываний о факторах доверия президенту — доверия несмотря на происходящие при нем странные и страшные события. Группировка составлена с выявлением ключевых позиций той или иной степени рациональности,

12. Тичер С., Мейер М., Водак Р., Веттер Е. Методы анализа текста и дискурса / Пер. с англ. Харьков: Гуманитарный центр, 2009. С. 177–183, 195–211.

а также ограничений рациональности, вплоть до глубоко мифологических слоев. В скобках число повторяющихся ответов[13].

Суждения, построенные на базе рациональных когнитивных операций (34% от числа ответивших на открытый вопрос).

КОМПЕТЕНТНОСТЬ — 11% ответов: *заботится о государстве, осуществляет силовую, сильную власть, не торопясь идет к намеченной цели, действует, принимает решительные и улучшающие меры, делает свою работу, пытается улучшить положение в стране, начал делать хоть что-то для России* (3); *делает все для укрепления власти закона и демократии, доводит все свои дела до конца, к чему-то стремится, есть цель, серьезно занимается страной, борется с коррупцией, новые веяния, чекист*. В формулировках появляются критические оценки: *слова есть, а дел нет*; *конкретных поступков мало*; *еще рано судить, пока ничего не сделал* (напомню, это данные 2000–2001 годов).

ДОВЕРИЕ (как социальная категория, относящееся к лицу, уполномоченному что-то решать — 10% ответов): *верят ему, доверяют, имеет кредит доверия, ему пока еще верят, люди должны кому-то верить*.

ПРИЗНАНИЕ ВОЗМОЖНОСТИ ЧАСТИЧНЫХ УЛУЧШЕНИЙ — 9% ответов: *изменится хоть что-то, надежда на стабильность, порядок, продолжение экономических реформ, устранение преступности, политическая стабилизация, повышение жизненного уровня населения, порядок во власти* и пр.

Суждения двойной сознательно-бессознательной природы (17% от числа ответивших на открытый вопрос).

МЕНТАЛИТЕТ И МАНИПУЛЯЦИИ ОБЩЕСТВОМ, ЛЮДЬМИ — 6% ответов. Поддерживают, потому что *таков наш менталитет, умом Россию не понять, русским всегда кажется, что новая метла хорошо метет, нравится сильная рука, терпение, в России терпеливый народ, вера в доброго спасителя, доброго царя*; *большинство считают, что от них ничего не зависит, нет достоверной информации, хорошо работают имиджмейкеры, под воздействием СМИ, ложь СМИ, из-за грамотной пропаганды, оболванены прессой, технология выборов, влияние ее на людей*.

Мотивация поддержки президента так называемым «менталитетом» указывает на поиск причин в чем-то лежащем вне влияния «здесь и сейчас». Ссылки на судьбу, законы истории или природы, в том числе «природы» нации, — это кажущаяся объективность, *а на самом деле, отказ от осмысления*, поскольку уводит феномен от контроля разума, передавая его под контроль некоей непознаваемой сущности. На принадлежность социальному бессознательному указывает и фразеологическая форма высказываний. Сегодня мы знаем, каких масштабов достигает манипуляция мнением людей. Двадцать лет назад таких догадок совсем немного.

13. Методология поиска в спектре рациональное/иррациональное, т. е. сознательное/бессознательное раскрыта в указанной выше публикации результатов проекта.

Считать такие суждения ограниченно рациональными позволяет то обстоятельство, что их авторы отказывают другим людям в способности разобраться в проблеме самостоятельно.

НЕГАТИВНЫЕ КАЧЕСТВА НАРОДА — 11% ответов. В число факторов доверия президенту, несмотря на происходящие при нем критические события, респонденты включили следующие представления о народе и сообществе: *заблуждаются*; *не разобрались*; *по инерции, по накатанному, из-за глупости, автоматически* (4); *низкий уровень культуры, образования, не понимают, что происходит в стране* (4); *низкий уровень интеллекта, дураки, глупцы, думать лень, идиоты, серость, быдло* (10); *хотят вождя, Сталина, «крепкой руки»* (9); *слепая доверчивость*.

Если обоснование поддержки президента менталитетом, как историко-культурной категорией выражено в нейтральных, толерантных или, в крайнем случае, ироничных тонах, то отнесение ее к современному сообществу в высшей степени негативно, а нередко и оскорбительно для тех, кого считают сторонниками президента и фундаментом его поддержки. Идиоматические выражения, ругательства вместо анализа — также признак глубинных, дорациональных слоев когнитивной работы.

Персонально значимые, аффективные и мифологизированные суждения — 115% ответов к числу ответивших на открытый вопрос. В этом кластере значений материал расположен не в долевом, количественном порядке, а несколько «драматургически», в целях синтеза разных элементов описания. Мне хочется, чтобы несколько отдельных рубрик были увидены как нечто целое и логически связанное.

КАЧЕСТВА ЛИЧНОСТИ — 42% ответов**.** Это основная мотивация поддержки президента. Полный список упомянутых характеристик, приписанных президенту, состоит из 54 уникальных элементов, с синонимами — более 60 неповторяющихся описательных единиц. Далее полностью, по алфавиту (в скобках частота упоминаний):
Амбициозен, честолюбив / *берет ответственность на себя* (2) / *верно говорит, приятный разговор, хорошо говорит, вещает красноречиво* / *властный хозяин, но не тиран* / *военный человек* / *волевой* (3) / *выполняет обещания* (3) / *пока что говорит, то и делает* / *в целом достойный, приличный человек* / *гибок* / *говорит правду, не врет* (6) / *честность* (2) / *деятельный* (2), *человек дела, дееспособен* / *дипломатические способности* (2) / *нравится манера вести переговоры* / *естественно держится, нравится внешнее поведение* / *здоров* (2) / *здравый смысл* (2) / *золотых гор не обещает, не обещает рай* (как саркастически это звучит сегодня! — *О.К.*) / *интеллигентный* / *искренний, откровенный* / *лучше других* (Ельцина, других руководителей — 5) / *не похож на прежних царей* / *молодой* (24) / *наверное, патриот* / *надежность, с ним надежно и спокойно* / *немногословен* / *новый человек, чувствует дух времени* / *обаятельность* / *образ импонирует не только россиянам, но и Западу* / *образованность* (2) / *осмотрителен* / *перспективность* (4) / *подает пример достоинства и самостоятельности* / *подкупает отношением* / *пока непонятно, что он такое* (2) / *порядочность* (5) / *принципиальность* (2) / *пунктуальность* / *решительность* (2) / *сильный* (3),

сильная личность (2) / *симпатичен людям* / *сможет во всем разобраться* / *умеет найти выход из сложной ситуации* / *собран* / *состоятелен в принятии решений* (3) / *примет правильные решения* / *спокойный* (2) / *старается, стремление к улучшению* (4) / *полон сил и желания что-то сделать для России* / *твердость, жесткость* (3) / *трезвый* / *уверенный* / *у него есть цель* (2) / *умеет ладить с людьми* / *умен* (8), *умный мужчина — мал да удал* / *харизма* / *чувствуется характер* / *энергичен* (8) / *ясный голос* — 42% высказываний от числа ответивших на открытый вопрос.

Какой злой иронией откликается сегодня запечатленное этим образом желание людей видеть нового, обновленного президента, а с ним и обновленную, успешно решающую свои проблемы страну! Как мы увидим ниже, это образ надежды не столько реальные черты человека во власти, которого к этому времени общество еще не могло разглядеть, как следует, сколько желаемые и ожидаемые. В лидерах списка: молодой — 24 ответа, умный — 9, энергичный — 8, честный — 8, лучше других — 6, порядочный — 5, стремится к улучшениям в стране — 5 ответов. Наверное, таким характеристикам удовлетворяет не один десяток тысяч человек, но вот именно этот почему-то трактуется как единственно возможный: потому что «другого достойного нет», как это утверждается в рубрике «Исключительность персоны». В образе, созданном ожиданиями людей, много чисто соматических качеств, ближе других «входящих в резонанс» с бессознательным: приятный разговор, естественная манера держаться, энергичность, собранность, обаяние, ясный голос, в других опросах называлась еще походка. Все это лишь «срисовано» с экрана телевизора, но уже входит в будущую икону. В ней, например, обозначена даже «пунктуальность», противоречащая широко известным фактам регулярных опозданий.

Соотношение качеств, о которых люди действительно могут что-то реально знать, и качеств, которые они себе только «представляют», примерно 1:2. Это подтверждает уже тогда сделанный вывод, что политическая фигура нового президента оказалась в 2000 году максимально удобной, проходной, не по каким-то определенным параметрам, а именно в силу неопределенности. Стране была предъявлена некая рамка, состоящая из обычных, неспецифических, но «приятных» качеств, пригодная для заполнения ее всеми возможными желаемыми характеристиками во всем спектре психологических и политических требований[14]. Сегодня образ президента более определен, но тогда, 20 лет назад, именно желаемые качества личности легли в основу его дальнейшей «иконографии».

ОН МОЖЕТ ВСЕ (мифологическое «Единое» — 9% ответов). В этом типе ответов внешний мир предстает синкретическим, нерасчлененным целым, в котором «все возможно», и в действовании персоны власти нет

14. В том же 2001 году мою статью с приведенными здесь результатами сначала с интересом взяли в один из солидных журналов, но потом, потупив глаза, сообщили об отклонении.

никаких ограничений. Властитель способен влиять на «все», управлять «всем», может влиять на жизнь в целом. В нарративе ответов присутствуют такие выражения, как *устои нашей жизни*, *состояние народа и России в целом*; решит *все*, найдет дорогу, *все* может исправить и изменить; *все* наладит, выправит положение, с ним построят *лучшее будущее*, *последняя надежда на возрождение России* и т. д.

Ментальное пространство «Единого» архаично и сакрально, поскольку действующему лицу здесь приписывается связь с абсолютом. Видимо, поэтому многие высказывания этого смыслового блока неслучайно сопряжены с сильными эмоциями, содержат возвышенные, пафосные выражения (*народ, Отечество, пропасть, кризис*). И также неслучайно они имеют мало дифференцированную внутреннюю структуру, носят неопределенный характер (*все, лучшее будущее, жизнь*), что, в свою очередь, указывает на архаическое происхождение подобных представлений, когда внешний мир представал мало дифференцированным.

ВЕРА — 13% ответов. В отличие от доверия как социальной категории, нарративы этого типа несут смыслы сакральной, мистической окраски или, по крайней мере, духовного возвышения персоны власти, безусловности его признания, отсутствия или нежелания испытывать сомнения и колебания: *верят в него, верят в Путина, в государственность, в национальную идею, пока еще верят в него, хочется в кого-то верить...*

ИСКЛЮЧИТЕЛЬНОСТЬ ПЕРСОНЫ — 14% ответов. Сакральность, необыкновенность, исключительность персоны власти, намеченная в представлениях о ее безграничных возможностях и выражении безусловной веры, в данном смысловом блоке выражена со всей определенностью: *нет другого, последняя надежда, больше некого, другого найти тяжело, нет достойного, пока больше некому доверить Россию, нет надежды на других, некуда деваться, пока единственный*; *под его руководством Россия займет 1-е место в мире по благосостоянию жизни*; *нет выбора, нет другого выхода, ничего другого не остается, не видят никого лучше, больше некого, другого пока нет, а кого еще?*

Открывшийся в этих суждениях очевидный и абсолютный фатализм, представление о сложившейся ситуации как единственно возможной, не содержащей даже намека на варианты развития событий, фактически отказывают внешнему миру в относительности и вероятности. Вот удивительное для XXI века свидетельство реального существования донаучной картины мира, сохранившейся, несмотря на всеобщую грамотность и прохождение всех возможных ступеней образования (в выборке 42% лиц со средним специальным и 35% — с высшим образованием).

ИСКЛЮЧИТЕЛЬНОСТЬ РОЛИ — 6% ответов. Суждения этого типа относят мотивацию поддержки президента не к персоне, а к служебному положению, наделяют чертами сакральности не человека, а его статус или место в иерархии: *поддерживают, потому что президент* / *верят президенту* / *хотят верить в своего президента, которого сами же и избрали* / *поддерживают любого президента, пока не надоест* / *у него власть, его уже выбрали*.

Привлечение других материалов исследования показало, что высказывания, включающие само слово «президент», принадлежат тем респондентам, которые относят авторитаризм к ценностям высокой степени важности. При этом употребление слова «власть», принадлежит, напротив, противникам авторитаризма, которых в выборке большинство(тогда было. — *О. К.*), то есть у них (тогда же) понятие власти как института несло скорее негативную смысловую нагрузку.

> НАДЕЖДА — 17% ответов. В русской ментальности «надежда» — странное и амбивалентное чувство, ведь оно не может уверенно обещать ни результата каких-то действий, ни возможности его достижения. В словаре В. Даля значение слова варьирует от «упования» и «ожидания с уверенностью» до признания лишь определенной степени «вероятности исполнения желания». В ответах: *надеются на него, на его молодость, на человека нового времени, надеются на лучшее, на порядок, на что-то, на доброго царя, надежда умирает последней, вселяет надежду, хотят надеяться хоть на кого-то.*

«Надежда» в мотивациях поддержки президента выступает, таким образом, как «сомневающаяся вера» — то ли будет, то ли нет. По образному выражению В. Даля, это «частица *авось*, выраженная глаголом», и она скорее снижает уровень и накал упования на президента как вершителя «всего». Можно сказать, что в чувстве надежды проявляется совместная работа бессознательного и сознания: они противоборствуют в оценке, причем одному из них больше свойственна вера, второму — сомнение.

> НЕ СВЯЗЫВАЮТ ПЕРСОНУ ВЛАСТИ С ДРАМАТИЧЕСКИМИ СОБЫТИЯМИ В СТРАНЕ — 14% ответов. Суждения этого типа можно было бы считать относительно рациональными, если бы они не смещали смысл заданного вопроса: *Путин здесь не при чем, он не виноват, не он виноват, не во всем он виноват, от него не зависит, нет связи, виновны предыдущие, пожинает плоды других* (5), *не все зависит от одного президента, ему мешают, скрывают* (3), *нельзя во всем винить правительство, не один президент виноват, виновны многие.*

Ключевое слово здесь: «не виноват». Между тем слова «вина» в вопросе нет, оно есть только в ответах, то есть в интерпретациях явления. Как нет в ответах и слова «ответственность», которым сам президент в инаугурационной речи обозначил свою роль во всем, что делается в России. Иными словами, суждения этого типа открывают нам наличие в обществе мнений, дистанцирующих президента от ключевых проблем его правления.

Полная структура семантического поля образа президента в самом начале его правления представлена на рис. 2.

Не будем называть это культом личности, для него еще не было оснований, но даже в ситуации проявившихся острых проблем, а может быть, именно на их фоне, Владимиру Путину оказались априорно адресованы

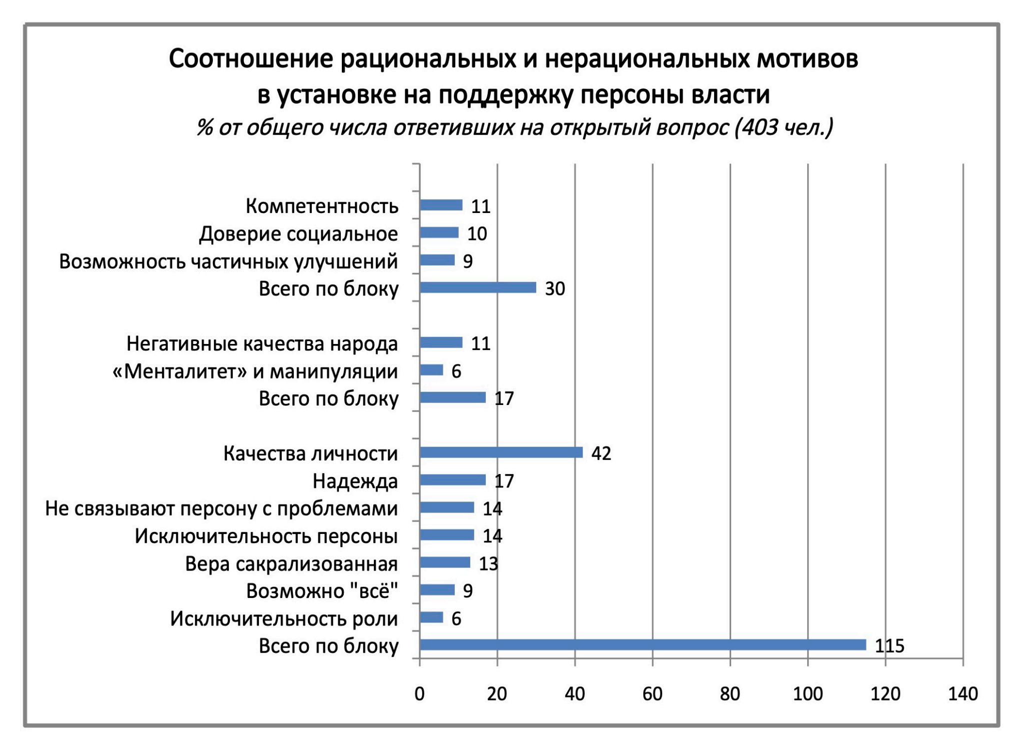

Рисунок 2.

доверие, вера, надежда, был сконструирован портрет из идеальных человеческих качеств. И отношение к нему выстроилось не по делам его, о которых люди знали мало или даже не желали знать, а по той картине, которую нарисовали сами.

Массовое сознание делало в этом случае то же, что и всегда: следовало за образцами своей тоже массовой культуры. Как тогда же пелось в популярной песне, «я его слепила из того, что было, а потом что было, то и полюбила». Вот и конструкт «президент Путин» уже включает эту любовь, почти семейную: *с ним надежно и спокойно* — пишет о нем, как о муже, одна информантка. А чуть позже и песню поют (2004 г.)[15]:

…Я видела его вчера в новостях
Он говорил о том, что мир на распутье
С таким, как он, легко и дома, и в гостях,
И я хочу теперь такого, как Путин

Такого, как Путин, полного сил,
Такого, как Путин, чтобы не пил,
Такого, как Путин, чтоб не обижал,
Такого, как Путин, чтоб не убежал…

15. Поющие вместе. Такого, как Путин. URL: https://darktexts.ru/2516-pojushhie-vmeste-takogo-kak-putin.html (дата обращения 14.07.2022).

А чуть раньше (конец 1980-х) другая песня-мечта о хорошем муже: «Чтоб не пил, не курил / и цветы всегда дарил, / деньги в дом чтоб отдавал, / тещу мамой называл…». А еще раньше: «Если я тебя придумала, стань таким, как я хочу».

Массовое сознание всегда это делало — создавало мифологии. Сделало и на этот раз. А политические технологии только подхватили этот продукт народного творчества и применили его «по месту». Во второй избирательной компании по выборам президента песенка «Такого, как Путин» била все рекорды популярности. Политтехнологии тоже всегда это делают: подсматривают народные чаяния и народные «методы» суждения, а потом воздвигают между обществом и властью зеркала вместо стекол, отбрасывая назад, в толпу, ею же созданный образ, но скрывая образ реального человека. Вечная тоска о хорошем муже и мудром отце создавала запрос, на который власть, разумеется и откликнулась. Теперь в ее конструировании участвовали и социологи: «Он хотел купаться в народной любви, — говорит сотрудник президентской администрации начала 2000-х. — Социология была зеркальцем, которое говорит: „Ты на свете всех милее“»[16].

Начавшись с чистосердечного, даже наивного мифологического представления о герое, который может *решить все,* поток народного обожания превратил обычного человека в культовую фигуру и продержал этот образ до наших дней. Вот только один пример (2018 год). Женщина лет пятидесяти, кассир в супермаркете. Ей совсем не нравятся повышение пенсионного возраста, рост цен на продукты и на бензин для автомобиля, но она «снова бы за него проголосовала» — за президента, при котором все это происходит, и который, как она согласна, несет за это ответственность. Снова проголосовала бы: «Почему? — А вот так! Муж, бывает, жену бьет, а она все равно его любит и не уходит. Потому что знает, что он хороший, а жизненные неурядицы проходят»[17].

Кажется, это та же когнитивная модель, согласно которой «какая бы ни была власть (страна), во время войны нужно быть со своей страной», та же когнитивная модель, согласно которой она *родная* (опять редукция к семье): «Обидно за нашу власть, а защищать ее буду от всяких ушлепков, потому что наша она, родная. Что бы ни случилось, за нее встану, а обиду свою скомкаю и выброшу к е*й матери. За родное можно и не такое сделать»[18].

16. Ненатуральные числа. Часть вторая. Рассказ о том, как социологи заставили россиян полюбить Путина и войну в Украине». Компания Проект-Медиа. URL: https://www.proekt.media/narrative/rating-putina/ (дата обращения 14.07.2022).

17. Крокинская О. К. «Люди не мыслят»: Гераклит и когнитивные проблемы культуры // Научный результат. Социальные и гуманитарные исследования. 2020. Т. 6. № 3. С. 58. DOI: 10.18413/2408-932X2020-6-3-0-5. URL: http://rrhumanities.ru/media/humanities/2020/3/05_%D0%A2.6_3_2020.pdf (дата обращения 14.07.2022).

18. Там же. С. 62.

Кажется, мы нашли глубинную структуру, архетип массового сознания, порождающий априорное доверие такого уровня, когда отбрасываются доводы разума, и люди сплачиваются «вокруг флага».

Власть — родная, а украинцы были родные, а стали неродные. Они предатели, а с предателями «разговор короткий» (тоже идиома и тоже культурный архетип). В этом сознании Путин, действительно, герой-освободитель. В начале 2000-х он освободил страну от бандитов и олигархов, освободил от советских дефицитов, при нем вырос уровень жизни (что правда, и это уже материальное подтверждение народных упований), а в 2014-м присоединил Крым, этим закрыв более чем полувековой гештальт народного невроза, тлевшего со времени так называемого хрущевского подарка Крыма Украине — акта мифического, но от этого не менее жалящего народное тело, от которого тогда как бы отсекли какой-то родной орган. И вот теперь, когда этот чуть ли не античный Титан жезлом и жестом полководца указал направление военного броска, половина населения страны, социализированная в идеалах величия и нормах презрения к отщепенцам, двинулась вслед этому мановению — кто-то только душой, а кто-то и телом.

Владимир Путин закодирован в коллективном бессознательном страны, а значит, выведен из-под ударов анализа и критики, отключен от ясного понимания причин разных явлений, так или иначе им инспирированных. Все, что «при нем», и все, что «от него», принимается априори: без оговорок, вне рефлексии — как в детстве от родителей и от учителей. Потому что они старше, они выше, они лучше знают. Архаика «семейных» и общинных представлений гемайншафт закономерно дополнена социальным инфантилизмом.

Выстроим теперь все сказанное в хронологическом порядке, чтобы прояснить тренд.

1954 год — передача Крымской области из состава РСФСР в состав УССР Указом президиума Верховного совета СССР, также известная как «передача Крыма Украине», «подарок Хрущева Украине», царский подарок. Долгое латентное недовольство граждан РСФСР этим актом.

1991 год — распад Советского Союза, Украина голосует на референдуме за выход из состава СССР, вопрос Крыма мог быть урегулирован Беловежскими соглашениями, но этого не сделано, и теперь Крым реально принадлежит Украине как часть ее суверенной территории, а не только числится в ней. Напряжение по этому поводу в обеих странах только растет.

2000 год — вступление Владимира Путина в должность президента РФ.

2000 год — гибель АПЛ «Курск».

2001 год — получение исследовательских данных об укоренении в массовом сознании идеального и мифологизированного образа президента.

2003 год — конфликт вокруг косы и острова Тузла, вызванный экономическими спорами о статусе акваторий Керченского пролива и Азовского моря.

2005–2006 годы и ранее — первые газовые конфликты.

2008–2009 — кризис «несанкционированного отбора» и отключения газа; разрастание дискурса «воровство газа Украиной» и другой обесценивающей ее лексики, усиление негативных оценок в отношении к Украине в массовом сознании россиян.

2013–2014 годы — Революция достоинства в Украине: первый и второй Евромайдан, который российские власти назвали антиконституционным государственным переворотом; появление и разрастание дискурса укрофашизма и укронацизма.

2014 год — Крымский кризис, присоединение Крыма и Севастополя к РФ, не признанное большей частью международного сообщества.

2014 год — сепаратистский мятеж на Донбассе, приведший к образованию самопровозглашенных ДНР и ЛНР, — конфликт, который закрепился под именем «война на Донбассе»;

2014 год — катастрофа сбитого Боинга MH-17, непризнание Россией своей роли в этой катастрофе, попытки представить ее результатом действий вооруженных сил Украины.

С 2014 года по начало 2022 года — военное участие РФ в событиях на Донбассе, пропагандистская информационная кампания в российских СМИ, представляющая эту войну как односторонний террор ВСУ, настойчиво транслирующая в массовое сознание потоки агрессивно-обвинительного нарратива в адрес Украины.

2022 год — начало специальной военной операции РФ в Украине.

Иными словами, в течение 20 лет с редкими затишьями (2010–2013) в отношениях между странами царит непрерывный шторм и штурм ситуации информационными средствами, напряжение не спадает, а только усиливается. Все это время СМИ конструируют события с помощью нарративов национализма, неофашизма, неонацизма, распространяя огромное количество информационных искажений поля. Информационная война взаимна, она идет с обеих противоборствующих сторон, но мы выделяем здесь контент, направленный на российских граждан и их ментальную карту реальности.

Словарь информационной войны создает нарративы разного уровня, призванные захватить и разные группы населения. Для образованных слоев, может быть, было бы достаточно понятий «национализм, нацизм, позже денацификация и демилитаризация», но в нем есть и низкая лексика — семантика, моделирующая квазиполитические взгляды уже не общества

и не общественного мнения, а политической и социальной попсы. Низкая лексика высоко контагиозна, то есть способна заражать все слои массового сознания, проникая и в «образованные». Градус языковой агрессии в этом смысловом облаке огромен, и он вирусным способом «переписывает» мир в глазах людей. Слова-монстры заполоняют ментальные карты ситуации, и теперь люди не могут мыслить о ней иначе: нацисты, фашисты, майданутые, европитеки, евробандеры, бандерофашисты, и еще «проще» — нацики, фашики, кровавые укры. То, что сами украинцы называют «революцией достоинства»? — российские СМИ называют собранием геев, пьяниц и фашистов.

Мы имеем основания говорить о долговременном тренде не только антиукраинской политики, но и культивирования украинофобии у населения России.

Термин «украинофобия» кажется мне не слишком удачным. В точном значении понятие «фобия» относится к состояниям сильного иррационального страха или высокого уровня тревоги по поводу чего-то не очень явного, но опасного. Читаемое как «ксенофобия», оно еще более или менее что-то означает, однако, судя по выявленным нарративам, это не фобия. По отношению к Украине и украинцам это, судя по реальному языку описания скорее позиция высокомерия и превосходства, которая дает основания для принижения оппонента, умаления его достоинства, непризнания его равноценности себе и отрицания самодостаточности. Высокомерие и превосходство — от сказочных времен до компьютерных, от «народного» презрения к простому и бедному: «Съешь моего лесного яблочка! — Вот еще! У моего батюшки и садовые не едятся!» — до игры Failed State (вышла в 2001 году). Как любые сказки и любые игры они формируют, тренируют и закрепляют определенные ментальные программы как программы культуры (Г. Хофстеде)[19]. В данном случае тренируют концепты превосходства одних социальных миров над другими.

Failed state — термин, определяющий неполноценное государство, неспособное к самостоятельному существованию. Сегодня оно вошло во вполне сформировавшийся дискурс, применяющийся к Украине, да, кажется, уже и не только к ней. Вместе с ним в представления масс входит отказ украинцам и не только в суверенном государстве, но уже и в статусе особого народа, отдельного от русских.

Уничижительный, оскорбительный, пренебрежительный, высокомерный, обесценивающий (а в народной речи и обсценный, конечно) державный великорусский дискурс по отношению к Украине — это шовинизм.

19. Hofstede, Geert. Cultures and Organizations: Software of the mind: Intercultural Cooperation and its importance for survival. New York: McGraw-Hill, 1997; Хофстеде Г. Модель Хофстеде в контексте: параметры количественной характеристики культур // Язык, коммуникация и социальная среда. 2014. № 12. С. 9–49.

Очевидно, что этот «народный» шовинизм был если не полностью искусственно создан (у него есть и давние исторические прототипы), он несомненно возрожден и закреплен в массовом сознании, потому что отвечал целям недопущения развития Украины именно как современного суверенного государства.

3. Если держать все сказанное собранным

Завершая наш коллаж, казалось бы, из разрозненных и далеко отстоящих друг от друга моментов исторического времени, мы, кажется, можем увидеть их связь и неслучайность этой связи, давшей свои плоды к сегодняшнему дню. Как, с помощью чего это удалось сделать?

Совмещая социологические наблюдения за влиянием сакральной фигуры президента и отношением массы к Украине на протяжении двадцати лет межгосударственного кризиса и подогрева шовинистических настроений, можно говорить, что они вскормлены друг другом. Питательная смесь этого вскармливания вливалась все эти годы непосредственно в сознание людей из каждого телевизора, а также с эстрады и даже из науки. Была проделана большая воспитательная работа по имплантации в сознание людей представлений чуть ли не об «иной природе» украинцев как народа — принципиально чужих и враждебных России. Термин «анти-Россия» появился недавно, но он обобщил и охватил собой все остальные оттенки отношений и смыслов.

Моя, конечно же, полемически заостренная статья предлагает видеть рождение войны из достаточно давно посеянных зерен — из духа превосходства одной нации над другой.

Было ли это единым долгосрочным проектом? Скорее нет. Но более чем вероятно, что «на всякий случай» некоторым числом экспертных групп, think-tank'ов, штабных игр делались сценарные разработки, а что шла подготовка коллаборантов и другие целевые программы спецслужб, мы сегодня знаем точно. Политологический анализ того, во что это вылилось, — дело политологов, нам же важно увидеть, что антиукраинские настроения в массовом сознании существовали в корреляции с реальными событиями и подогревались сопутствующим информационным обеспечением. С самого верха до самых низов общества иногда долетали, а может быть, специально и как бы конфиденциально, доверительно «сливались» обрывки и внутренних разговоров: «Россия нигде не кончается», «Мы работаем в долгую», «А кто сказал, что через два года Украина вообще будет существовать на карте мира?»[20] — удобные, легко воспринимаемые массовым сознанием мемы.

20. Медведев поставил под сомнение существование Украины через два года // Известия. 15.06.2022. URL: https://iz.ru/1349746/2022-06-15/medvedev-postavil-pod-vopros-sushchestvovanie-ukrainy-cherez-dva-goda.

Этим лишь как бы спонтанным, неофициальным проговоркам следует верить и тем, кто не подвержен пропаганде, так как в них звучат сигналы от уже четко оформившейся политической идеологии. Я поверила. Потому что уже видела, что идет, как говорил в свое время социолог и культуролог Даниил Дондурей, «капиллярная пропаганда», строится приспособленная к ситуации «российская смысловая матрица», выращиваются удобные политике картины мира, в которых поощряется этнокультурная нетерпимость и общенациональное согласие на заработки и высокий уровень жизни за счет разрушения морали[21].

Чем, как не разрушением морали, является принятие идей социального и культурного программирования картины мира в национальном сознании и самого национального сознания? Но именно идеи «современного» социального программирования получили поддержку властей и были во многом реализованы. Вот на таком откровенном уровне, как в книге с говорящим названием «Уши машут ослом»: «Социальное программирование не только не отрицает свободу, но и всячески поощряет ее проявления. 99% современных „программ“ не удадутся и не сработают, если человек, актер, не будет чувствовать себя свободным». То есть будет чувствовать себя свободным — и свободно подчиняться программе. Или: подчиняясь программе, не замечать программирования и чувствовать себя свободным. «Суверен — не функция общества. Общество — его функция. И народ без суверена — толпа, рассеянная, несамоидентифицирующаяся. <…> Без суверена нет суверенитета. Он знает, что надо делать, и без оглядки и сомнений делает это. Он — ведущий, то есть лидер, фюрер. Информационные потоки направлены от него к массе. Он формирует ее, управляет ей»[22].

В книге еще много подобных откровений, здесь также сформулированы несколько ключевых функций пропаганды, и отнюдь не в познавательно-критическом подходе, а как ясное предложение для применения. «Пропаганда должна воздействовать больше на чувства и лишь в небольшой степени на так называемый разум… чем меньше научного балласта в нашей пропаганде, чем больше обращается она к чувству толпы, тем больше будет успех. <…> Все вожди с радостью подписались бы под словами Наполеона, что одна враждебная газета опаснее тысячи штыков. Вкладывание денег, средств и сил в пропаганду — самое рентабельное

21. Человека забыли! Манифест Даниила Дондурея: почему модернизация зависит от культуры // Российская газета. 03.11.2010. URL: http://www.rg.ru/2010/11/03/manifest.html; Российская смысловая матрица. Культуролог Даниил Дондурей о творцах понимания российской жизни // Ведомости. 01.06.2016. URL: http://www.vedomosti.ru/opinion/articles/2016/06/01/643174-rossiiskaya-smislovaya-matritsa.

22. Гусев Д. Г., Матвейчев О. А., Хазеев Р. Р., Чернаков С. Ю. Уши машут ослом. Современное социальное программирование. URL: https://stavroskrest.ru/sites/default/files/files/books/ushi_mashut_oslom.pdf. С. 7–10.

предприятие не только на войне, но и в коммерции (Гитлер распространяет все им сказанное и на рекламу). Все, вложенное в пропаганду (если, конечно, не остановиться на полпути), возвращается сторицей. Успех или неуспех в войне зависит только от боевого духа, а значит, от пропаганды»[23]. Да, авторы называют рекламу обыкновенным фашизмом, но они и предлагают рекламу как средство воздействия на публику как «массу» и как своей объект.

Сама книга — пример манипулятивного текста, где соседствуют, чуть ли не через одно, суждения аналитические и суггестивные — известный прием пропагандистского конструирования неопровергаемой лжи. Авторы явно владеют средствами первобытного коллажа сознания и бессознательного, только делают это технически холодно и грамотно. И вот уже, как будто бы порицая Сталина и Гитлера, они непрерывно их обоих цитируют, выделяя и сравнивая прагматически ценные элементы. Чтение книги, по общим признаниям, чрезвычайно увлекательное, оставляет ощущение куража и цинизма, бесконечных смысловых инверсий и перверсий — перестановок и переворачивания смыслов, переклеивания ярлыков с себя на противника, вплоть до изменения, условно говоря, «хромосомы смысла», вызванное переворотом наизнанку одного из ее внутренних участков. Я бы не стала уделять этому сочинению столько внимания, если бы не было известно: то, что так откровенно предлагалось на рынке политтехнологических услуг, было «куплено», а один из ее авторов был пригрет в одном из лучших вузов страны и занимался образованием молодого поколения специалистов. Мне также кажется важным обозначить дату ее первой публикации в Москве — 2001 год. Программа приучения страны «к чему угодно» была запущена.

Нет сомнений, что эта программа идет сверху, от людей, считающих себя суперэлитой, но при ближайшем рассмотрении мы, кажется, увидели ее родство с представлениями коллективного бессознательного социальных масс довольно давнего происхождения. Это неудивительно, ведь суперэлита наших дней выросла в этом коллективном бессознательном, в его «эфире» городских дворов и девиантных, а то и полукриминальных субкультур. Они почерпнули ее «из воздуха» этих дворов — тогдашнего латентного, неофициального, неформального информационного пространства.

Приходится признать, что стойкая украинофобия и готовность поддержать спецоперацию, призванную установить свои порядки в украинском государстве, сформированы многолетними усилиями даже не пропаганды (пропаганда только инструмент) — а целями инициаторов решения «украинского вопроса» и экспертными силами, которые их обслуживают. Даже если такого первоначального замысла у специальной военной опера-

23. Там же. С. 32–33.

ции РФ в Украине не было, беспримерное сопротивление, оказанное украинцами российской власти и российской военной машине, не оставило режиму другого пути, кроме пути до конца, до настоящего уничтожения Украины и украинства. Ну, конечно, как может быть иначе, ведь мы во всем и всегда правы. В этом наш принцип, утверждающий наше желание видеть мир таким, каким он нужен нам. Но это принцип, ведущий к разрушению и общества, и государства, к разрушению морали как их жизненно необходимой основы на самых глубоких уровнях. Не об этом ли свидетельствует скорбное удовлетворение семей деньгами, выплаченными им за погибших сыновей, и красивыми «белыми ладами», купленными в знак их памяти.

Однако есть нечто, что позволяет увидеть в открывшемся падении кое-что практически важное. Теперь мы знаем, что принцип, возводящий в абсолют мнимую правоту и величие, — принцип, попирающий все остальные принципы, — есть обыкновенный, пошлый, бытовой шовинизм. Его и придется выкорчевывать.

DOI: 10.55167/266150d821ba

Затянувшийся пост-февраль: модели поведения апологетов власти и ее критиков

Михаил Виноградов

Переход вооруженного конфликта России и Украины в затяжную фазу стал и вызовом, и возможностью для российской власти.

Конечно, сама по себе ситуация затягивания конфликта для российского руководства малокомфортна. Это символизирует неповторение опыта успешных грузинской и крымской кампаний 2008 и 2014 годов. На контрасте с внешним упрощением риторики и отказом от попыток «усложнять» понимание окружающих тенденций задержка кампании потребовала серьезного усложнения в понимании функционирования государственного аппарата, военной машины, экономики, общественного мнения в условиях отказа от прежнего курса на относительную стабильность и консервацию. Осмысление новой ситуации находится лишь в начальной фазе и приносит разнообразные выводы. Одни из них российскую власть радуют, другие напрягают и свидетельствуют о нарастании потенциальных рисков.

Сюрпризы для власти

Если начинать с *приятных сюрпризов для десижн-мейкеров*, на первом плане здесь находится относительная *результативность пропаганды*. Оказалось, что ее потенциал был недооценен. Речь в данном случае не идет о достоверности цифр поддержки действий против Украины. Наблюдавшийся в последнее десятилетия рост отказов от общения с социологами, доходящий подчас до 90%, позволяет рассматривать данные количественных опросов исключительно как индикативные. Однако налицо наличие существенных групп населения, исповедующих принцип «Мы за все переживаем, но ни во что не вникаем». Относительная доступность негативных новостей на такую картину почти не повлияло. Уместнее говорить не столько о римейке оруэлловской модели или о советской пропаганде, сколько о заимствовании официальными новостями достижений вполне современного и популярного жанра — телесериала. Зрителям сериала тоже доступна возможность зайти в интернет и найти какие-то нелицеприятные детали о сюжете, съемках, создателях фильма, но они обычно такой привычки не имеют, и от бинджвотчинга она их не отрывает. Как и в сериале, зритель идет за повествованием, легко переключается, не обнаруживает нестыко-

вок в сюжете, не требует показать карту боевых действий и не пытается задавать вопросы о неудачах и потерях — если их ему не показали.

Второй приятный для власти сюрприз — *экономическое поведение граждан*. На стыке февраля и марта они демонстрировали очевидные признаки паники — скупали сахар и гречку, стояли в многочасовых очередях в последний день работы IKEA, пытались искать валюту в банкоматах и обменных пунктах. Экономисты стали предрекать остановку импорта и опустошение запасов на складах — то ли прямо сейчас, то ли, в крайнем случае, к осени.

О ситуации на складах крупнейших поставщиков продукции в российские города эксперты и сейчас ничего достоверно сказать не могут. Но довольно быстро люди стали возвращаться к прежней потребительской модели: ходить в кафе и рестораны, планировать затраты на летний отпуск и возвращаться к прежней жизни. Наложения эмоционального шока, вызванного 24 февраля, на шок потребительский, не произошло. Несмотря на очевидные сбои с импортозамещением, перебои в ряде отраслей (прежде всего, в автомобильной промышленности и авиации), сохраняющийся (хотя и снизившийся в сравнении с мартом — апрелем) алармизм прогнозов экономистов, граждане не слишком замечают и способны прогонять от себя мысли об угрозе крушения относительного потребительского благополучия нулевых — десятых годов.

Однако к приятным для власти сюрпризам все отнюдь не свелось.

Самым проблемными «сюрпризом» для нее стал *масштаб сопротивления с украинской стороны*. Стереотипное восприятие Украины как «недогосударства», где элиты, раздражая граждан, вечно ссорятся и не могут договориться между собой, не допускало возможности увидеть высокий уровень популярности украинской государственности как таковой, способность к серьезной мобилизации в ответ на внешнюю угрозу. Кроме того, в России давно уже было не принято публично обсуждать и обнажать проблемы, имеющиеся у российских вооруженных сил. Это сделало оценку сугубо военных аспектов происходящего ключевой переменной, без учета которой невозможно моделирование остальных рамок ситуации.

Второй (более предсказуемой) проблемой стала *внешняя политика*. Активность Москвы на международной арене в последние годы не сопровождалась ни публичным целеполаганием, ни даже формальным обозначением интересов и приоритетов. В свою очередь, дипломатия как инструмент поиска общего языка с потенциальными партнерами оказалась подменена пропагандистско-идеологическими ориентирами, при которых некомплиментарные заявления (даже не действия) других стран вызывают подчеркнутое отторжение. Смешение внешней политики с пространством пропагандистских идеалов и предъявления претензий на пакет акций в «мировом правительстве» стало серьезным ограничителем в достижении измеряемых результатов на международной арене. После

24 февраля сюрпризами для российской стороны стали масштаб мобилизации общественного мнения в Европе и Северной Америке и первоначально заявленный высокий уровень солидарности с Киевом со стороны руководителей практически всех «западных» стран, резко интенсифицировавших санкционное и военно-техническое давление на Москву. Расчеты на то, что в этой ситуации Китай займет позицию дружественного по отношению к РФ нейтралитета, также не оправдались, а возможно, были и изначально иллюзорны. Насколько можно судить, с помощью различных маневров России удалось ограничить ущерб на международной арене. Удалось избежать полной транспортной блокады. Были также предприняты попытки стимулировать раскол между относительно «умеренными» Германией и Францией и обозначившими более радикальную стратегию США, Великобританией и странами Восточной Европы. В то же время, надежды на то, что мировая реакция на происходящее окажется соизмеримой с реакцией на события 2014–2015 годов, довольно быстро исчезли. В такой ситуации России, казалось бы, требовалось возвращение к решению более точечных и адресных задач во внешней политике. Однако необходимые навыки маневрирования и лавирования утрачены, а публичные лица из МИДа и международных организаций по-прежнему сконцентрированы на «донесении позиции России», а не на поиске договоренностей и компромиссов с возможными партнерами.

Что пошло не так для критиков

Говорить о другом полюсе — *противников военных действий* — весьма сложно. Безусловно, речь идет о довольно большой группе граждан (например, Russian Field утверждало в мае, что среди жителей Москвы за прекращение военных действий выступает 38% жителей). Однако она не является политически субъектной, почти не способна на сегодня к формированию и реализации стратегии системного давления на власть и вообще к каким-либо действиям, не связанным с моральной самопрезентацией.

Потенциально в их пользу может быть *общая радикализация официальной повестки, контрастирующая с общей умеренностью* населения и элит. В силу этой радикализации происходит обесценивание достижений и успехов (порой вполне реальных) власти и страны в целом в XXI веке. Если принимать на веру публичную риторику, то 2010–2020-е годы выглядят скорее как время слабости и постоянного «терпения» России, ее унижения, свыкания с положением «разделенного народа» и ограничений российских геополитических притязаний. Поводов для того*, чтобы гордиться* недавним прошлым и недавним настоящим, остается все меньше, происходит размывание ориентиров, достижений, критериев оценки успеха. Объективно это затрудняет предъявление *успешных* результатов политики нынешнего режима в последние двадцать лет. Более того, воз-

можности граждан уйти во внутреннюю эмиграцию (в науку, искусство, бизнес, интернет и т. п.) ограничены усиливающимися попытками государства вмешиваться в эти сферы — от блокировок сайтов до выхода из Болонского процесса.

В пользу критиков вооруженного конфликта складывается *и размывание не только измеряемых целей российской армии, но и возможных «чекпойнтов»*, до которых сторонники власти готовы «дотерпеть». Первыми такими промежуточными точками были 2 марта (первоначально ожидавшаяся дата «победы») и 9 мая — психологически значимая дата, которая, как многие считали, должна была стать неким рубежом в военной кампании. Отсутствие очевидных результатов к этому дню актуализировало неопределенность вокруг целеполагания Москвы. Желание власти консолидировать общество сохранялось, но отсутствие ответа на вопрос, вокруг чего объединять людей, не добавляло процессу особой энергетики. А предыдущие ресурсы объединения вокруг флага, армии и 9 мая уже во многом были использованы. Власть и сама не была заинтересована в *конкретизации* какой-либо точки ожидания, *ожидаемой даты победного завершения операции* у «глубинного народа», поскольку это создавало бы своего рода моральные обязательства власти. *И их следовало бы выполнять* независимо от издержек.

Мощным *ограничителем для критиков войны оставалось ощущение собственной слабости и бессилия.* Их основное внимание было сконцентрировано на теме репрессий, на представлении о тотальной поддержке боевых действий со стороны «большинства» (и, как следствие, ощущение себя «ничтожным меньшинством»), на дискуссиях между уехавшими и оставшимися и на гуманитарных аспектах происходящего. Замедление военной операции не вызвало у них особой волны позитивных эмоций, а тема возможных путей выхода из кризиса почти не рефлексировалась ими. Ожидания того, что тема потерь будет чувствительной для общества, соизмеримой с этой темой в ходе афганской войны, пока тоже оправдались слабо.

При этом для критиков кампании и не только для них было очевидно отсутствие мощного деятельного «патриотического» всплеска у населения, соизмеримого с 2014 годом. Но это *интерпретировалось* скорее как следствие тотальной пассивности и апатии, нежели как потенциал для возможного проявления недовольства.

Переменные ближе к осени

Большинство прогнозов сходится на том, что описанная ситуация может просуществовать, возможно, до конца лета. Далее эксперты расходятся: одни полагают, что Россия будет затягивать ситуацию в ожидании, когда выдохнется западная мировая мобилизация, другие, наоборот, считают, что Киев будет заинтересован тянуть время в ожидании поставок более

современного вооружения. Прогнозы собственно военных результатов ближайшего времени тоже заметно разнятся между собой.

Но, если проанализировать ожидания комментаторов, можно выделить два фактора неопределенности, способные воздействовать и на общую ситуацию, и на эмоции российских респондентов.

В экономике налицо конфликт между благоприятными цифрами (курс валют, бюджетное благополучие) и потенциальным саморазрушением прежний экономической модели. Постепенно выясняется, что зависимость от экспорта сырья и импорта технологий не только была «бременем» и «проклятием», но и давала ощутимые выгоды. Россия была не просто частью мировой экономики, но одним из ее бенефициаров, маневрируя где-то между первым и вторым «золотыми миллиардами». Страна быстро и (иногда) недорого получала то, на что у других уходили десятилетия и миллиарды, например бонусы от цифровизации. Отказ от существовавшей с 1970-х годов модели «нефть в обмен на все остальное» не сопровождается появлением внятной альтернативы.

Второй переменной остаются настроения элит, вернее, вполне очевидное отсутствие эйфории у них. В публичном пространстве люди, составляющие эти элиты, поделились на активистов, ежедневно рапортующих о достигнутых и предстоящих военно-геополитических победах, алармистов, предрекающих экономическое фиаско, и молчунов (для рифмы — «дзюдоистов»), которые получили возможность не участвовать в публичном оформлении «мира после 24 февраля», по-восточному выжидая дальнейшего развития. Им, пожалуй, приходится тяжелее других. Человек узнает свои мысли из своих слов, а «молчунам» откровенно поговорить о двух главных страхах — страхе победы и страхе поражения — подчас не с кем.

DOI: 10.55167/82ab66f4eb74

Социология войны в Латвии: русскоязычное меньшинство — пропутинское или прозападное?

Данута Дембовская
Социолог, Латвия

Спустя два месяца после начала военного вторжения России в Украину большинство русскоязычных жителей Латвии не были готовы выразить поддержку какой-либо из сторон этого конфликта. В то время как 83% латышей симпатизируют Украине и только 17% из них не могут встать ни на одну из сторон конфликта. После 24 февраля 2022 года так обозначается линия разлома этнически неоднородного латвийского общества, остающегося расколотым спустя более 30 лет после восстановления независимости.

«Свой Запад». Популярный и живучий миф и стереотип у тех интеллигентных россиян, которые еще в советские времена предпочитали отдыхать в Прибалтике. Готические шпили тогда с другой стороны «железного занавеса», стильно одетые рижанки, хороший кофе, дышать можно чуть свободнее... Приятный акцент стильной Лаймы Вайкуле, и как-то все по-европейски культурно, сдержанно. Да что говорить, и местные русскоязычные отчасти гордились этим своим особым статусом внутри когда-то общего советского пространства. Чуть задирали нос, гордясь даже тем, что нас, русскоязычных прибалтов, можно узнать и по некоему выговору, который всяко ближе к питерскому, чем к московскому.

Этот стереотип — муха в янтаре. Береговая линия Балтийского моря в Латвии длинная — было где застыть мухам за минувшие тридцать лет после слома эпохи.

И уже в XXI веке те самые россияне, оказавшись в каком-нибудь рижском спальном микрорайоне а ля Кенгарагс или Иманта, приходили в ужас: это же наше Орехово-Бананово! Те же треники, тот же пивас, тот же русский матерок, тот же Соловьев в телевизоре, тот же старый «бумер» с надписью «На Берлин!».

Прибалтика — это так же обидно, как «на Украине». Потому что «при» большом брате и «на» окраине империи. Надо говорить: страны Балтии. «Свой Запад» теперь захолустье Европы с социально-экономической точки зрения (в особенности Латвия, отстающая от соседок Литвы и Эстонии) и буферная зона между Россией и старым Западом с военной точки зрения — вместо моста, которым грезят в период разрядок и оттепели, полоса отчуждения. Теперь еще и полоса транзитная для несчастных украинцев, бегущих вглубь Европы от взрывов, горя и смертей, для все тех же россиян, самые умные из которых за годы до 24 февраля прикупили в Юрмале недвижимость, потихоньку готовясь к очередной волне исхода.

21% русскоязычных латвийцев поддерживают Россию, 21% — Украину, а 46% уклонились дать конкретный ответ на вопрос, на чьей вы стороне в войне, развязанной Россией в Украине. Таковы были итоги первого социологического опроса, проведенного латвийским центром изучения общественного мнения SKDS после 24 февраля 2022 года. В июле в журнале IR были опубликованы выдержки уже развернутого исследования SKDS (включавшего как опросы в интернете, так и очные интервью), которые выявили диаметрально противоположные взгляды у латышей и русскоязычных жителей Латвии на войну в Украине, геополитические пути развития страны.

Это уже не «свой Запад». Это иное.

Латвия никогда не была моноэтнической

Значимость опросу придает этническая неоднородность Латвии. По данным Центрального статистического управления, в 2022 году в стране проживают 1 181 534 латышей и 694 223 представителя иной национальности или же не указавших национальную принадлежность. Самое крупное национальное меньшинство — русские: 454 350 жителей. Далее следуют белорусы (57 319) и украинцы (41 895).

Необходимо отметить, что в Латвии часто используется термин «русскоязычные», а не «русские». К русскоязычным относятся представители всех национальностей с родным (семейным) русским языком, включая украинцев, белорусов, евреев, поляков, представителей иных национальностей. Такое разделение характерно для постсоветской Латвии и является результатом как политики Советского Союза, так и традиционно большего количества межэтнических браков в Латвии.

Следует отметить, что Латвия никогда в своей истории не была моноэтническим государством.

В 1935 году, во времена Первой Республики, население Латвии составляло 1 905 000 человек, среди них:

- латыши — 1 467 000,
- русские — 168 000,
- евреи — 93 000,
- немцы — 62 000,
- поляки — 48 000,
- белорусы — 27 000.

Представители иных национальных групп были представлены гораздо меньше (включая украинцев — всего 1800 человек).

В 1959 году — уже в советский период — национальный состав Латвии претерпел существенные изменения. В Советской Латвии проживали уже 2 030 000 человек. Общая численность латышей и удельный вес в обществе сократился до 1 297 000. Количество жителей, указавших нацио-

нальность «русский», составляло уже четверть населения — 556 000 человек. После войны почти втрое — до 36 000 — сократилось число евреев, а также почти исчезло немецкое меньшинство — эту национальность указали только 1609 жителей страны. Почти втрое за счет приезжих увеличилось число белорусов (61 000) и возросло присутствие украинцев (29 000). Поляков стало чуть больше — 59 000 жителей.

К 1970 году удельный вес в обществе латышей сократился еще больше. При населении в 2 364 000 человек насчитывалось 1 341 000 латышей. Число русских возросло до 704 000 человек. Росло и представительство в латвийском обществе белорусов и украинцев. В 1989 году — во времена борьбы за независимость в Латвии — проживали 2 666 000 человек, из них только 1 387 000 указали национальность «латыш». Фактически пропорция между удельным весом в обществе латышей и представителей других национальностей приблизился максимально близко к пропорции 50:50. Самым крупным нацменьшинством по-прежнему были русские — 905 000 человек. Далее следовали белорусы (119 000) и украинцы (92 000).

Тут необходимо сделать важное политическое отступления от сухих социологических цифр.

Третьего марта 1993 года в Латвии проходило всенародное голосование о независимости. На этом референдуме на вопрос «Вы за демократическую и государственно независимую Латвийскую Республику?» ответили 1 666 128 жителей Латвии старше 18 лет. Явка была рекордной — 87,56%. Сказали «да» независимости 1 227 562 участника голосования (73,69%), против были 411 374 участника (24,9%). С учетом этнического состава населения Латвии того времени (наиболее близкие данные — за 1989 год) можно сделать вывод, что такой результат на референдуме не мог быть достигнут без поддержки идеи независимости как минимум частью русскоязычного населения Латвии. Даже с учетом допустимых предположений, что активность на референдуме представителей нацменьшинств могла быть ниже в силу меньшей мотивации, а у латышей выше и голосование «за» в этой этнической группе приближалось к 100%. Таким образом, еще в переломном 1991 году русскоязычное население Латвии уже было расколото между сторонниками независимости страны (и впоследствии, вероятно, эта позиция трансформировалась в проевропейскую прозападную позицию) и сторонников сохранения Советского Союза (впоследствии позиция могла трансформировать в поддержку путинского режима, ставящего своей целью в том числе и восстановление границ СССР).

За более чем тридцать лет независимости этнический состав Латвии менялся лишь в пользу большей доли латышей. Так в 1990-е годы из Латвии выехали российские военнослужащие и члены их семей.

В 2010 году в Латвии проживали 2 337 000 человек. Латышей насчитывалось уже 1 370 000 человек, русских стало меньше — 703 000 человек.

В 2004-м Латвия вступила в Европейский союз, а спустя еще несколько лет рухнула в демографическую яму — детородного возраста достигло поколение, появившиеся на свет в тяжелые 1990-е годы, когда резко сократилась рождаемость. Вступление в ЕС привело к массовому отъезду на заработки на Запад (в первую очередь, в Великобританию и Ирландию) латвийцев — как латышей, так и русскоязычных — молодого и раннего среднего возраста. Одновременно в стране уменьшалась доля женщин фертильного возраста, что привело к вторичному витку падения рождаемости. Смертность в Латвии в два раза превышает рождаемость.

Уже в 2011 году в Латвии проживало чуть более 2 000 000 жителей, к 2022 году население сократилось до 1 875 000 человек, из них 1 181 000 — латыши, 454 000 — русские, 57 000 — белорусы, 41 000 — украинцы. Что характерно, 50 000 человек не указали национальность, или же их этническое происхождение неизвестно.

Конфликт поколений и связь с уровнем образования и доходов

В условиях военной угрозы разнообразный этнический состав Латвии — естественная тема и для серьезного анализа настроения в обществе, и для различных политических спекуляций. С учетом того, что путинский режим объясняет военное вторжение в Украину необходимостью защиты интересов русскоязычного населения, настроения крупнейшего в Латвии нацменьшинства (в данном случае более верно было бы использовать термин «русскоязычные», а не «русские»), оценка состояния межэтнических отношений являются фактором национальной безопасности.

Доступные в публичном пространстве данные исследования SKDS, выявляющие настроения русскоязычного населения, не полные, однако дающие представление о ситуации в целом. К тому же при скудности предоставленной публично информации это пока единственное достаточно масштабное исследование общественного мнения после 24 февраля 2022 года, которое SKDS произвел по заказу фонда Фридриха Эберта.

Большинство русскоязычных не становятся ни на одну из сторон военного конфликта, но в целом число симпатизирующих Украине больше, чем симпатизирующих России, утверждается в исследовании.

Опрос выявил выраженный конфликт поколений внутри русскоязычного населения Латвии.

Среди русскоязычных жителей есть только одна демографическая группа, в которой абсолютное большинство — 51% — ясно и четко выражает поддержку Украине: это молодые люди в возрасте 18–24 лет.

А самые убежденные сторонники России — латвийские неграждане: 26% на стороне Москвы и только 15% поддерживают Украину (среди граждан баланс прямо противоположный). Следует отметить, что около 10%

населения Латвии — это неграждане, подавляющее большинство которых люди пожилого возраста.

Наиболее откровенно выступают в поддержку России русскоязычные жители приграничной Латгалии — самого многонационального и одновременно социально неблагополучного региона страны. Здесь 20% русскоязычных респондентов заявили, что поддерживают Россию, и только 12% — Украину.

Авторы исследования подчеркивают, что опрос показывает очевидную корреляцию между уровнем доходов и образования и политическим выбором. Так наиболее образованные и обеспеченные респонденты чаще в конфликте солидаризируются с Украиной, в то время как выбор в пользу России или нейтральной позиции делают менее благополучные социально слои общества. Это подтверждает и «география» опроса. Только 2% жителей пригородов Риги — а это регион страны, в котором проживают самые зажиточные латвийцы, как латышскоговорящие, так и русскоязычные, — однозначно симпатизируют России.

Надежды на Россию и готовность защищать Латвию с оружием в руках

Однако ответы непосредственно на прямой вопрос, «какую из сторон вы поддерживаете в вооруженном конфликте России и Украины» — не единственный показатель настроений в обществе.

В ходе опроса респондентам был задан и вопрос, позволяющий сделать вывод, насколько жители Латвии разделяют Россию как страну, с которой те же русскоязычные жители естественно сохраняют связи (культурные, а также дружеские, родственные), и Владимира Путина как лидера страны.

Знак равенства большинство русскоязычных жителей между Россией и Путиным все же не ставят: 46% симпатизируют России, но им не нравится политика Путина. И Россия и Путин вызывают симпатии только у 22% русскоязычных латвийцев. В смешанных латышско-русских семьях поклонников Путина меньше — 10%. Среди латышей российскому президенту симпатизирует только 1%. Большинство латышей (57%) заявили, что им не нравится ни Россия, ни политика Путина.

В то же время вмешательство России с целью защитить русскоязычных жителей других стран, считают «необходимым и оправданным» 41% русскоязычных. Военное вмешательство России в таком случае готовы оправдать 14% русскоязычных респондентов. В смешанных семьях такие взгляды встречаются реже, и все же военное вмешательство готовы поддержать 11%.

Многие опрошенные согласны с тезисом Кремля о возрождении фашизма в Латвии. Среди русскоязычных респондентов такого мнения при-

держиваются 34%, среди выходцев из смешанных семей — 26%. Большинство латышей (84%) отвергают такой тезис.

При этом абсолютное большинство русскоязычных жителей (55%) считают, что в Латвии подвергаются дискриминации те, кто не знает латышского языка. Это единственно доступные данные социологического исследования, которые все же выявляют важный фактор, влияющий и на геополитические настроения русскоязычной части общества — критическое отношение к политике Латвии в отношении национальных меньшинств. Что первично: недовольство русскоязычным населением Латвии своим положением в стране или же пророссийские настроения естественны сами по себе и не являются реакционными, являются лишь результатом пропаганды Кремля? В латвийских реалиях актуализируется вечная дискуссия о причинах и следствии, спор о том, что первично, яйцо или курица.

В рамках исследования замерялся и рейтинг иностранных лидеров. В целом у Владимира Путина отрицательный рейтинг во всех языковых группах — сторонников меньше, чем противников. Любопытно, что среди русскоязычных латвийцев позитивный рейтинг получил только венгерский лидер Виктор Орбан, все чаще именуемый диктатором, убежденный консерватор, сторонник традиционных ценностей, демонстрирующий симпатии и к России.

Существенные различия между латышами и русскоязычными жителями выявлены в выборе пути геополитического развития.

Большинство латышей (68%) поддерживают более тесное сотрудничество с западными странами, среди русскоязычных 54% респондентов считают, что нужно тесно сотрудничать и с Россией, и Западом

В то же время парадоксально, что гарантии безопасности для Латвии даже русскоязычные жители видят в Европейском союзе, а не в России (соответственно 44% и 17%). Подъем экономики русскоязычные респонденты, напротив, связывают скорее с Россией (37%), чем с ЕС (32%). В геополитической сфере также прослеживается конфликт поколений. Большинство русскоязычных жителей, родившихся в независимой Латвии, уверенно связывают и безопасность, и благосостояние страны с ЕС. Молодые люди намного чаще позитивно оценивают членство Латвии в ЕС и НАТО, а также присутствие военных сил союзников в стране.

При этом молодые респонденты чаще, чем люди иного возраста, заявили, что покинут страну в случае военного конфликта. Выехать из страны намерены 14% латышей и 23% русскоязычных. Защищать Латвию с оружием в руках или как-то иначе помогать вооруженным силам готовы 45% латышей, только 12% русскоязычных и 25% представителей смешанных семей.

Только 30% латышей, 17% русскоязычных и 23% представителей смешанных семей в Латвии считают, что Россия может вторгнуться в страны

Балтии. Правда, и среди сторонников этой версии развития убеждены в том, что именно так и будет, всего по паре процентов респондентов в каждой группе. Остальные считают такой сценарий допустимым, но и неизбежным.

DOI: 10.55167/411281bed4e1

Университетская жизнь

Хроники Свободного университета. Часть вторая[1]

Елена Лукьянова

Итак, в августе 2020 года 21 преподаватель-волонтер заявили о своей университетской независимости, объявили без рекламы на наспех сделанном сайте набор на 19 курсов и начали работу в Свободном университете. Два математика, один социолог, четыре юриста, пять филологов, два политолога, три философа, один историк, один экономист, один режиссер. Мы ничего особо не ожидали, но за две недели получили 6000 заявок. У некоторых число заявок достигало 600 (например, у Татьяны Ворожейкиной, у Виктора и Юлии Горбатовых). Мы с непривычки задохнулись — ведь нет никакого учебного офиса, все сами без какой-либо помощи. Лично у меня было 300 мотивационных писем. Пришлось, обливаясь слезами, отобрать две группы — магистерскую и бакалаврскую. Все, что вспоминают мои коллеги об этом первом наборе, касается и меня. Мы хорошо умели учить, но еще не умели управлять учебным процессом. Мы экспериментировали. Эксперименты эти оказались не просто удачными — они заложили основу нашей будущей практики в Свободном. Как отвечать на письма? Как, не обидев, отказать? Как составить расписание, когда твои слушатели живут в разных часовых поясах от Хабаровска до Калининграда? Как сплотить группу? Как проверить результат и выписать сертификат? Как делиться своими мыслями и сомнениями с коллегами, находясь в разных странах? Мы работали по принципу «глаза боятся — руки делают». Многое из того, что мы эмпирически постигали тогда, стало нашим деловым обыкновением, привычным и простым.

Вот как оценивает этот период становления профессор Гасан Гусейнов:

> У работы первых онлайн-курсов Свободного было несколько результатов. Один — связанный с условиями ковида, т. е., возможно, кратковременный. Другие результаты — принципиальные. Но начну с первого. В условиях пандемии все мы: и студенты, и преподаватели, и люди, записавшиеся на курс в роли студентов, чтобы завтра начать преподавать, — больше, чем политической повесткой, были объединены этими новыми условиями. Почти у всех был страх, многие ждали друг от друга не только дисциплинарной, но и психологической поддержки. То, что в традиционном университете определяется деонтологией учеников и учителей, теперь обернулось взаимным сближением при сохранении столь важной дистанции. Но это скорее лирический результат.

1. Часть первую см.: DOI: 10.55167/dd4d4f1ae13b.

Практически лично я ощутил себя попавшим в долгожданный творческий отпуск, саббатикал, во время которого ты преподаешь не больше 2–3 часов в неделю, отдавая значительную часть времени одному-единственному предмету. У меня это была риторика — в нескольких ее исторических ипостасях — от Квинтилиана и Чехова до теории архитектуры. Этот курс заполнил половину моей рабочей недели. С некоторыми студентами мы продолжаем общаться и даже готовим издание ридера — в память о нашем курсе и как хрестоматии для следующего поколения. Как это получилось? Принцип Свободного университета — отбор участников курса на основе анализа мотивационных писем. Это не конкурс в обычном смысле, а возможность именно собрать группу, исходя из определенных критериев. Для меня, например, была важна коммуникативная динамика группы. В ней должны быть люди разного возраста, разного уровня образования — новые, старые и будущие жители республики ученых, в диалоге входящие в нашу материю. Самый старший наш студент был на несколько лет старше преподавателя, самый младший годился во внуки. Мы находились в разных точках нашего континента, некоторые потом еще разъездились и разъехались кто куда — от Праги и Тель-Авива до Тбилиси и Стамбула, но эта сеть сохраняет удивительную прочность. После 24 февраля 2022 года потребность друг в друге — и академическая, и психологическая — у нас растет. Мы начали строить планы очной встречи и знакомства. Возможно, достаточно продолжительные сессии в разных местах Центральной и Восточной Европы: на Балканах, в Польше, Чехии или в Балтии — позволят Университету найти новый режим работы (четверть очных встреч, три четверти — онлайн?). Пока не знаю. И пандемия не кончается, и главное, проклятая война…

Гасану Гусейнову вторит блестящий юрист-компаративист Екатерина Мишина:

Первый набор в Свободном университете — это как первая любовь: не забывается и остается в сердце, сколько бы ни было последующих наборов. Моя первая любовь оказалась счастливой и взаимной — большинство отобранных мной кандидатов оказались не только талантливыми и благодарными слушателями, но и прекрасными и достойными людьми. Читая мотивационные письма, я пребывала в муках выбора: было много ярких и интересных заявок, отбирать было непросто. С учетом того, что дело было в сентябре 2020 года и пепел разгромленной кафедры конституционного права Вышки, моей любимой кафедры, стучал в мое сердце, я решила, что буду работать по принципу дежурного врача и в первую очередь принимать пациентов с острой болью. В моем случае это были студенты бакалавриата и магистратуры факультета права НИУ-ВШЭ, которые планировали учиться у моих уволенных либо отстраненных от преподавания коллег и были внезапно лишены этой возможности. К категории пациентов с острой болью относились также и студенты других вузов, не имевшие по тем или иным причинам возможности изучать сравнительное конституционное право, или изучавшие его в усеченном

и политизированном виде. Помимо студентов и магистрантов, в моем первом наборе были журналисты, правозащитники, молодые политики, политтехнологи и, на удивление, много преподавателей, причем не только юридических дисциплин. Был даже сотрудник Генеральной прокуратуры России, грустно написавший в мотивационном письме, что, скорее всего, я не стану читать дальше, узнав о том, где работает заявитель. Я стала, прочла письмо до конца, зачислила автора на курс и ни на секунду не пожалела об этом.
Вместе с моим первым набором мы провели захватывающе интересный семестр. Помимо занятий, мы регулярно встречались на выходных и обсуждали события, происходившие в мире: смерть Рут Гинзбург, президентские выборы в Америке, ситуацию с Алексеем Навальным. Конец семестра совпал по времени с акциями протеста в поддержку Алексея Навального. Часть слушателей принимала участие в этих акциях, двое оказывали юридическую помощь задержанным, еще двое оказались в Сахарово.
Примерно с четвертью слушателей из моего первого набора мы общаемся и по сей день. Двое из них стали авторами нашего журнала «Палладиум». Большинство продолжили обучение в Свободном университете, а некоторые остаются с нами до сих пор.

В стране тогда бушевал конституционный кризис, поэтому к нашим с Катей предметам («Конституционное право России» и «Сравнительное конституционное право») интерес был особый. Один из моих слушателей — музыковед по образованию — написал в своем мотивационном письме: «Если год назад я не мог назвать ни одной причины, зачем мне нужен был бы такой курс, то теперь я не могу назвать ни одной причины, почему я не должен был бы его слушать». Высочайший уровень преподавателей, соцсети и сарафанное радио сделали свое дело: университет резко пошел в рост. Впоследствии наши первые слушатели стали лучшими активистами университетского сообщества. Некоторые позже пришли преподавать в университет.

Спустя два месяца к нам присоединились еще 15 преподавателей. Нас стало полсотни. К нам пришли социологи, психологи и журналисты. Мы просто были вынуждены объявить дополнительный ноябрьский набор на 14 новых курсов. Все они шли нарасхват.

Вот эти курсы, набор на которые был объявлен в ноябре 2020 года.

1. Социология массовых коммуникаций
Любовь Борусяк, кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник лаборатории социокультурных образовательных практик МГПУ.

2. Введение в internet governance: как (само)регулируется глобальная сеть
Андрей Щербович, кандидат юридических наук; Александр Исавнин, эксперт в области internet governance.

3. Учит ли история? Использование исторической информации при принятии политических решений

Павел Кудюкин, историк, бывший преподаватель Высшей школы экономики, РАНХиГС, РГГУ.

4. История международных конфликтов
Георгий Кунадзе, кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник ИМЭМО РАН.

5. Слова и вещи Дмитрия Шостаковича
Борис Маслов, Ph.D., доцент, университет Осло; Пауло Брито, композитор, аспирант, университет Торонто.

6. Город как текст
Екатерина Марголис, эссеист, переводчик, художник.

7. Российское пространство и российское государство
Сергей Медведев, кандидат исторических наук.

8. Разнообразие, равенство, инклюзия
Оксана Мороз, культуролог, доцент факультета коммуникаций, медиа и дизайна НИУ ВШЭ; Влад Кривощеков, социальный психолог, аспирант департамента психологии НИУ ВШЭ.

9. От телевидения к YouTube, от программы к блогу. Имеет ли журналист право на свой особый взгляд?
Владимир Мукусев, журналист, писатель.

10. Проект и случайность в генезисе РФ: российская система как политический опыт
Глеб Павловский, политолог, специальный гость программы Свободного университета.

11. Сравнительная политика авторитарных режимов
Виктория Полторацкая, политолог, PhD candidate CEU.

12. Медиаменеджмент в эпоху постправды: как найти свою аудиторию
Алексей Полухин, кандидат филологических наук.

13. От империи к сталинизму. Политическая история России первой половины XX века
Анастасия Сизова, кандидат исторических наук, доцент РГГУ.

14. История советской архитектуры
Дмитрий Хмельницкий, историк сталинской архитектуры, доктор инженерных наук, Берлин.

И все же нас было еще совсем мало, и мы многого не умели. Мы собирались в зуме, советовались и брейнстормили. Сергей Гуриев настоятельно рекомендовал нам выработать mission statement, а Борис Зимин — vision. Как прилежные ученики мы справились с этими задачами. Мы утвердили свою Декларацию ценностей. В ней сказано:

«Свободный университет создан для поддержки и распространения **базовых ценностей академической жизни**, основные из которых — стремление к истине, академическая свобода, академическая автономия,

социальная ответственность, недискриминация и равный доступ к образованию, прозрачность и подотчетность обществу.

Под **стремлением к истине** мы понимаем бескорыстную методичную работу добычи, проверки и передачи достоверных научных знаний, исключающую всякую имитацию, халтуру, распространение предвзятых и безответственных вымыслов под видом науки. Университет обеспечивает взыскательную экспертизу своих учебных курсов и высокую требовательность к слушателям, добиваясь высшего качества сообщаемых им знаний.

Под **академической свободой** Свободный университет понимает прежде всего свободу преподавать, исследовать и публиковать результаты исследований, свободу критически высказываться по поводу проблем академической жизни и вопросов, входящих в круг профессиональных интересов, свободу от институциональной цензуры и свободу участия в профессиональных и представительских организациях. Свободный университет не ограничивает преподавателей и сотрудников в высказывании любых мнений.

Академическую автономию мы понимаем как самоуправление, необходимое для организации академической жизни в соответствии с принципами академической свободы, прозрачности и подотчетности профессиональному сообществу и обществу, социальной ответственности и равного доступа к высококачественному образованию. Свободный университет — автономный самоуправляемый коллектив преподавателей, сотрудников и студентов.

Социальная ответственность в сфере высшего образования заключается в том, чтобы искать возможности для распространения научных достижений в соответствии с этическими и профессиональными стандартами, реагировать на современные проблемы и потребности всех членов общества. Ученые, исследователи и преподаватели принимают на себя эту ответственность, надеясь, что государство и общество будут уважать академические права и свободы, институциональную автономию университетов.

Равный доступ к образованию предполагает, что не должно быть никаких дискриминационных ограничений для доступа к образованию, исследованиям и обучению. Свободный университет открыт для всех студентов независимо от их материального положения. Мы стремимся к тому, чтобы образование в Свободном было бесплатным. Свободный университет — место, свободное от любой дискриминации, включая гендерную, расовую, этническую, классовую, возрастную, религиозную, политическую и иную. Это место равных возможностей для представителей любых идеологических течений, исключая те, которые призывают к насилию и к дискриминации. Более того, мы стараемся сделать все возможное для помощи в предоставлении обучения дискриминируемым и уязвимым слоям

общества, включая представителей культурных меньшинств, людей с низкими доходами и с особыми нуждами, жителей отдаленных мест. Свободный университет уверен, что **культурное и социальное многообразие** академии — это залог ее успешного развития.

Свободный университет действует в обстановке **прозрачности и подотчетности профессиональному сообществу и обществу**. Мы пытаемся создать четкие и прозрачные механизмы, с помощью которых профессионалы высшего образования, сотрудники, преподаватели, студенты и общество в целом смогут оценить качество и эффективность образования в Свободном университете, но действуем в соответствии с собственными критериями и ценностями.

Свободный университет **не приемлет ни в каких формах**:

- плагиат,
- применение насилия или угрозу его применения в университетской среде и за ее пределами,
- дискриминацию по признакам происхождения, религиозной принадлежности или ее отсутствия, других особенностей личностного статуса или профиля своих сотрудников и студентов,
- вербальные или иные формы преследования и унижения коллег — преподавателей или студентов, злоупотребления своим авторитетом или численностью,
- создание атмосферы ненависти в пространстве университета и вокруг него под любыми предлогами.

В Свободном университете **не должно быть**:

- авторитаризма (когда один человек принимает решения, а другие должны его выполнять),
- догматизма,
- подчинения науки и образования административному аппарату,
- «образовательного конвейера», «поточного производства»,
- навязывания одними людьми своих взглядов другим».

Мы опубликовали Декларацию на своем сайте и предложили преподавателям, разделяющим эти ценности, присылать свои программы и присоединяться к нам. Нет-нет, мы не брали все, что попало. Нам было очень важно академическое качество программ. Мы их рецензировали, обсуждали, дотягивали вместе с авторами, если это было возможно. Сейчас спустя два года мы установили свои внутренние правила рецензирования. Процесс более или менее вошел в нормальное рабочее русло. А тогда на первом этапе все читали все. Но, наверное, так и должно происходить становление новой институции. Спустя еще два месяца к новому 2021 году мы готовы были объявить еще 30 курсов. Наш научный кооператив-клуб разрастался. За четыре месяца у нас набралось около 60 курсов и почти 100 специалистов. К медийным тяжеловесам Гасану Гусейнову и Дмитрию Быкову стали присоединяться и другие: Сергей Медведев, Глеб Павловский, Елена Панфилова. Появились представители естественных наук. То

есть изначальная заявка на гуманитарный университет не оправдалась. Мы довольно быстро выпрыгнули за пределы цензурируемого в России гуманитарного знания и стали претендовать на вполне себе серьезную университетскую многопрофильность.

Наше новое состояние «потянуло» минимум на три полноценных (социально-политическое, философское, филолого-культурологическое) и два зарождающихся (историческое, точные и естественные науки) профессиональных подразделения, которые могли бы организационно и творчески саморазвиваться. Конечно, все еще было шатко и зыбко, не для «наружного потребления». Мы еще не могли во всеуслышанье заявить, что у нас есть факультеты. Но структура уже начала вырисовываться. Помимо одного общего чата в Телеграм, появились чаты сообществ. Мы мудрили с названиями, потому что очень хотелось уйти от традиционного. Чего только древнеримского и древнегреческого не предлагалось! В итоге все же остановились на цехах и школах (как кому больше нравится). Появились и выборные деканы-координаторы. У всех, кроме философов, которые заявили о своем природном анархизме, не приемлющем иерархии, а значит, университету, который к этому момент уже сформулировал свои mission и vision, нужен был устав. Мы вплотную подошли к институционализации — к проведению общей конференции и к созданию Ученого совета. Представьте себе: 100 профессоров, разбросанных по миру, собираются на дистанционное общее собрание и выбирают свое самоуправление. Утопия, казалось бы. Но лютовала пандемия, онлайн-формат стал для всех обыденностью. Кроме того, мы были чрезвычайно самонадеянны и уверены в собственных силах.

Вот что вспоминает об этом времени член Ученого совета университета Андроник Арутюнов, назвавший свои воспоминания маршем бюрократов-крючкотворцев. Хотя ни тех ни других в университете не водилось вовсе по причине их принципиально-категорического отсутствия. Итак, «Марш бюрократов-крючкотворцев» в изложении Андроника Арутюнова:

> Еще на первых виртуальных встречах-созвонах, которые проходили в августе 2020 года, началось обсуждение выработки внутренних правил и системы самоуправления. Главное, что обсуждалось — выработка механизмов урегулирования внутренних конфликтов, адекватного механизма рецензирования новых заявок и вообще «как нам жить дальше». Одна из важных проблем, которую многие артикулировали: Свободному университету важно стать чем-то бóльшим, нежели просто артелью вольно читающих курсы беглых лекторов. Свободному нужно стать настоящим университетом.
>
> Запустив первые курсы, мы были приятно изумлены огромным интересом со стороны студентов и вообще академического сообщества. Уже в первом наборе конкурс на некоторых курсах был сравним с топовыми факультетами. Стало понятно, что дело пошло, а значит, нужно всерьез заняться и внутренним обустройством. Горизонтальные связи гори-

зонтальными связями, но без адекватного делегирования полномочий никуда.

Осенним, что называется не предвещающим беды, вечером мне позвонила Елена Анатольевна и попросила меня написать устав. То ли я оказался слишком говорливым на бюрократические темы во время наших созвонов, то ли еще какие-то причины сыграли роль, но я оказался перед чистым листом бумаги, на котором было сверху написано «Устав» и с массой замечательных (противоречащих друг другу, конечно) идей, которые высказывались коллегами по ходу наших встреч. Ну и с заметным лобби коллег, которые считали, что устав не нужен вовсе.

На самом деле еще за несколько месяцев до появления на свет Свободного университета, я написал текст-концепт «вольного университета», а за год до того серьезно погрузился в реформирование устава профсоюза «Университетская солидарность», в котором я сопредседательствую. Так что базовое видение ситуации у меня было. Но одно дело видеть, что хочешь получить, а совсем другое — записать в виде документа, да еще и с учетом мнения куда более сведущих и маститых коллег.

Походив пару недель кругами, я написал черновой вариант устава за пару часов. Через пару дней черновик был отправлен Елене Анатольевне и некоторым другим коллегам. После серии обсуждений, в ходе которых изменилось куда меньше, чем я ожидал, текст был представлен сообществу.

Так с готовым проектом устава Свободный университет вошел в тяжелый предвоенный 2021 год, решив провести свою первую учредительную конференцию 25 января, в Татьянин день, — день МГУ и российского студенчества.

Курсы, объявленные в январе 2021 года

1. Генеалогия морали
Рубен Апресян, доктор философских наук, профессор, руководитель сектора этики Института философии РАН.

2. Введение в теорию вероятностей
Андроник Арутюнов, кандидат физико-математических наук, преподаватель МФТИ.

3. Пять подходов к истории крестьянства в Советской России
Алексей Берелович, историк, социолог.

4. Апокалиптическая литература. Исторические корни, происхождение и эволюция
Игорь Бессонов, кандидат филологических наук.

5. Биология клетки
Юрий Быков, PhD, биолог, постдок в Институте Вайцмана (Израиль).

6. История британской цивилизации
Камиль Галеев, Research Assistant, George Mason University. MLitt in Early Modern History, University of St Andrews.

7. Психология политики
Леонид Гозман, кандидат психологических наук.

8. Авторитарные выборы
Дмитрий Гончаров, профессор департамента политологии и международных отношений НИУ ВШЭ, СПб.

9. Введение в библеистику
Андрей Десницкий, доктор филологических наук, профессор РАН, ведущий научный сотрудник Института востоковедения РАН.

10. Академические права: как сохранить науку и образование свободными
Дмитрий Дубровский, историк, политолог, доцент НИУ-ВШЭ, научный сотрудник Центра независимых социологических исследований (Санкт-Петербург).

11. Наука о чувствах
Владислав Земенков, культуролог, магистрант Иллинойского университета в Чикаго, стажер-исследователь ИГИТИ им. А.В. Полетаева.

12. Ролан Барт и проект активной филологии
Сергей Зенкин, доктор филологических наук, член Европейской академии.

13. Урбанистика и социология города: история идей
Петр Иванов, социолог города, эксперт «Лаборатории гражданской инженерии».

14. Введение в проблемоведение
Михаил Каган и Алексей Куртов, управляющие партнеры консалтингового агентства «ИнтерМедиаКом», консультанты, бизнес-тренеры, приглашенные преподаватели Высшей школы государственного управления РАНХиГС, Института коммуникационного менеджмента НИУ ВШЭ, корпоративного СберУниверситета. Ассоциированные тренеры Coverdale Russia; Алексей Куртов — президент Российской ассоциации политических консультантов (РАПК).

15. Академическое письмо
Ольга Куминова, PhD, филолог, преподавательница академического письма университет им. Бен-Гуриона в Негеве.

16. Курирование: от профессиональной практики к культурной политике
Юлия Лежнина, независимая исследовательница, преподавательница, куратор, выпускница факультета свободных искусств и наук (СПбГУ, РФ), магистр искусств — double degree магистерской программы «Кураторские исследования» (совместно с Bard College, NY, USA) .

17. Метафизические основания науки Нового времени
Руслан Лошаков, доктор философии.

18. Проблемы современного избирательного права
Елена Лукьянова, доктор юридических наук, адвокат; Сергей Шпилькин, независимый исследователь выборов, физик, специалист по электоральной статистике; Евгений Порошин, специалист по избирательному праву, практикующий электоральный юрист.

19. Античная трагедия
Борис Маслов. Ph.D., доцент, университет Осло.

20. Современные учения об идеологии
Михаил Минаков, доктор философских наук, старший научный сотрудник Института Кеннана при Международном научном центре им. Вудро Вильсона, главный редактор журнала «Идеология и политика» и философской платформы Koine.

21. Специфика судебной реформы в постсоциалистических государствах
Екатерина Мишина, кандидат юридических наук.

21. Философия журналистики — попытка осмысления профессии
Леонид Никитинский, журналист, писатель.

23. Коррупция и основы антикоррупционной политики
Елена Панфилова, общественный деятель, эксперт в сфере противодействия коррупции в России, бывший вице-президент и исполнительный директор международной организации Transparency International.

24. Как написать теорию заговора
Евгений Крякин, кандидат исторических наук, доцент.

25. Парламентаризм и основы законотворчества
Елена Лукьянова, доктор юридических наук, адвокат; Илья Пономарев, политический деятель, депутат Государственной думы V и VI созывов.

26. 1980-е годы: когда все обратились в призраков
Петр Сафронов, кандидат философских наук, координатор по развитию образовательных методик школы «Летово».

27. Квадратные уравнения, арифметика и решетки
Александр Спивак, педагог дополнительного образования Дворца пионеров, преподаватель Малого мехмата МГУ.

28. Основы молекулярного моделирования
Денис Тихонов, кандидат химических наук, постдок в DESY (Гамбург).

29. Организационное развитие
Олег Трояновский, магистр London South Bank University в области организационного развития, консультант.

30. Revealed Preference Theory
Михаил Фреер/Mikhail Freer, PhD, Assistant Professor at the University of Essex.